

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пермский государственный университет

Пермское психолингвистическое общество

ПРОБЛЕМЫ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 1

Сборник статей

Пермь 2002

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пермский государственный университет

Пермское психолингвистическое общество

ПРОБЛЕМЫ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 1

Сборник статей

Пермь 2002

ББК 81
П 78

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор Т.И. Ерофеева (отв. ред.)
кандидат филологических наук, доцент Т.И. Доценко
кандидат филологических наук, доцент Е.В. Ерофеева

П 78 **Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / Отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. ун-т. – Пермь, 2002. – Вып. 1. – 104 с.**

ISBN 5-7944-0279-2

Настоящий выпуск сборника издан Школой социопсихолингвистики (при кафедре общего языкознания Пермского государственного университета) совместно с Пермским психолингвистическим обществом. В нем представлены статьи как непосредственных членов Школы социопсихолингвистики, так и приглашенных участников, чьи исследования посвящены актуальным вопросам социо- и психолингвистики, а также прагматики текста. Обсуждаются фундаментальные и прикладные проблемы, рассматривается речь различных социальных и возрастных групп. В работах представлен широкий спектр традиционных и экспериментальных методов исследования лингвистического материала.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

**Лингвистическое образование сегодня:
реальность и перспективы****

По словам Н.Н.Карамзина, на дверях кабинета Антона Алексеевича Барсова было написано крупными буквами: "Человек всего более отличается от других животных словом или языком: следовательно, наука языка есть истинно человеческая и важнейшая".

Концепция современного филологического университетского образования базируется на специализациях, определяемых филологией как наукой и основным назначением филолога как интерпретатора текста: филолог – педагог (преподаватель, учитель родного, иностранного, классических языков, а также соответствующей литературы); филолог – переводчик; филолог – хранитель информации (библиотекарь, библиограф, редактор, патентовед, документовед, референт, литературный краевед, музеевед). Именно эта концепция положена в основу подготовки современных филологов в системе высшего образования по направлениям 520300 – "Филология", 520500 – "Лингвистика" и по специальностям 021700 – "Филология", 022600 – "Лингвистика и межкультурная коммуникация".

Многоликость филологии как образовательного направления находит отражение в перечнях, выработанных Научно-методическим советом по филологии учебно-методического объединения университетов Российской Федерации. Так, перечень наименований специализаций по специальности "Филология" включает 27 наименований, 4 из которых – фундаментальные: русский язык и литература; языки и литературы народов России; зарубежная филология; классическая филология. Остальные наименования специализаций, носящих более или менее прикладной характер, обеспечиваются циклами специальных дисциплин и дисциплин специализации: русский язык как иностранный; русский язык в иноязычной среде; язык и литература народов России; прикладная лингвистика; библиотковедение; документоведение, информационное обеспечение процессов управления; музееведение и архивное дело; литературная критика и редактирование; страноведение и регионоведение; онтолингвистика; культура и история художественной культуры; фольклористика; менеджмент в области филологии; теория и практика лексикографии; перевод и практика перевода; книговедение и издательское дело; риторика; филологическое обеспечение средств массовой информации.

Важнейшая задача, решаемая в настоящее время высшей школой, – обновление содержания образования в соответствии с теми достижениями, которые определяют лингвистическое знание в конце XX столетия. На международной конференции "Лингвистика на исходе XX века" (1995 г.) подведены итоги развития научной мысли и намечены перспективы развития. Работало 19 секций, в которых обсуждались многие лингвистические проблемы прагматики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, компьютерной лингвистики и лингводидактики.

Однако самым важным достижением XX в. является наряду с лингвистикой языка ставшая с ней в ряд лингвистика речи. В научный оборот включается человек. Лингвистика становится антропоцентрической. Активно разрабатываются такие теоретические понятия, как "языковая личность", "языковая картина мира",

* © Т.И. Ерофеева 2002

** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №01-06-80098

"социолект", "идиолект", "языковое сознание", "региональное варьирование живого языка". Последнее понятие становится одним из основополагающих идей концепции лингвистического образования и включает знакомство с местной языковой ситуацией вкупе с культурным фоном.

Так, особое внимание уделяется проблеме изучения речи города, сформулированной в 20-е годы прошлого столетия Лариным. Идеи Б.А. Ларина приобрели особую актуальность в период лингвистического "бума" 60-70-х, связанного с изучением разговорной речи. В России создается ряд центров (Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Перми, Красноярске, Саратове, Ижевске, Челябинске), где в разных ракурсах интенсивно и целенаправленно рассматривается языковой быт современного города.

С точки зрения пермских лингвистов, научно плодотворным представляется очертывание языковых портретов городов одного региона прежде всего на лексическом уровне, ибо именно этот уровень позволяет раскрыть специфику речевых портретов конкретных городов. Рассмотрение лексики, имеющей сложную динамическую системную организацию, наиболее адекватно отражающую общественное сознание носителей языка, их материальную, производственную и духовную культуру, обеспечивает глубинное объяснение лингвистических фактов. При обрисовке речевых портретов городов понятие "язык города" интерпретируется как социально-коммуникативная система, используемая в различных функциональных областях, и прежде всего в массовой и личной коммуникации в форме устной речи разговорного койне и городского просторечия.

В последние десятилетия получены значительные результаты исследования разговорной речи горожан, имеющие огромную практическую и теоретическую значимость не только в сфере лингвистики, но и всех смежных дисциплин гуманитарного цикла. В сфере языкознания обозначилась новая дисциплина – социальная диалектология, имеющая отчетливо очерченный свой предмет, успешно разрабатывающая специфическую методику его изучения и решения соответствующего круга проблем и конкретных задач.

С нашей точки зрения (Ерофеева, 1995), объектом социальной диалектологии является социолект, который понимается как инвариантная социально маркированная система языка. Понятие социолект обеспечивает возможность единого подхода к изучению таких форм и типов национального языка, которые реализуются в основном в устной обиходной речи горожан (например, разговорная литературная речь, городское просторечие, профессиональные "языки"). Изучение социолекта в таком понимании позволяет выделить социальную диалектологию как отдельное, особое направление в рамках общей социальной лингвистики, рассматривающей все формы существования языка.

Ведущие вузы страны включают в учебные программы филологических факультетов особый, специальный курс, связанный с изучением основных вопросов социальной диалектологии. Студенты проявляют интерес к данному курсу. Многие обращаются к темам курсовых проектов, связанных с проблематикой социальной диалектологии, и планируют в этом русле дипломные работы. Для них очевидна актуальность курса в современных условиях, важность социальных факторов в материальной и духовной жизни общества. Курс помогает отчетливее ощутить синхронную динамику современного русского национального языка, осознать закономерности его функционирования, увидеть движущие силы и законы развития всех его форм, включая высшую – литературный язык, глубже разбираться в вопросах культуры речи, осознать роль филологического и – шире – гуманитарного образования. Изучение социальной диалектологии как новой

дисциплины развивает у слушателей внимание к живой звучащей речи, способность улавливать в ней нечто непривычное, задумываться над речевыми "загадками", побуждает к самостоятельному поиску ответов на возникающие вопросы, воспитывает мыслящую, ищущую личность.

Как показали исследования лингвистов, литературная речь жителей Пермской области, в том числе и областного центра, города Перми, подвержена сильному воздействию местных диалектов. Диалектные особенности типа оканья, еканья отмечены в речи приблизительно 70% образованных горожан, среди которых есть и дикторы местного радио, и артисты драматического театра, и школьные учителя. По заключению петербургских ученых (Ингерференция звуковых систем, 1987), литературная речь горожан пермского региона на фонетическом уровне отличается весьма высоким уровнем локальной окрашенности, значительно более ощутимым, чем, например, речь жителей Горького, Иркутска и других городов. Однако локальные элементы, или локализмы, в литературной речи фиксируются на всех языковых уровнях, в том числе и на лексическом (Ерофеева, Скитова, 1992). Термином локализм на лексическом уровне обозначаются лексемы и лексико-семантические варианты, обладающие следующими признаками: 1) фиксируются в литературной речи коренных жителей городов Пермской области; 2) не принадлежат к кодифицированным единицам литературного языка; 3) являются локальными элементами в речи жителей пермского региона наряду с некоторыми другими областями.

Более 500 выявленных лексических единиц и фразеологических сочетаний составляет словарь локальных элементов, отмечаемых в пермском регионе – "Перминки в нашей речи". Нацеленная ориентация на употребление слова способствует созданию нового типа словаря, выступающего источником социально-речевого престижа. Это будет словарь "адресной нацеленности" (Бельчиков, Солганик, 1997), отражающий "лексикографические интересы" различных групп потребителей словаря. И в первую очередь, пермских учителей и учеников, студентов и преподавателей, лиц, изучающих народный язык на продвинутых этапах обучения, писателей, артистов, журналистов и всех тех, кому дорого живое слово.

В качестве примера изучения функционирования локализмов в речи приведем исследование, посвященное региональному варьированию литературного языка районного города Кунгура, находящегося в зоне активного влияния диалекта.

Рассматривалась реализация локализмов в устных рассказах кунгуряков о приготовлении народного блюда сибиряков и уральцев – пельменей. По происхождению локальным элементом может быть либо диалектное слово, либо просторечное слово ограниченного употребления, либо лексическая единица, рожденная в городской среде. Совокупная длина исследованных отрезков речи составила 1662 словоупотребления, среди которых было выявлено 160 локализмов. Сравним речевые отрезки, полученные от двух информантов.

Мужчина, 22 года, среднее образование, юрист (гуман.): *Ну, фарш накрутил, разбавил, воды, соли. Тесто раскатываем, стопариком кружочков нарезаем, в лепешку ложечкой ложу фарш, заципну.*

Мужчина, 35 лет, среднее образование, геолог (пегуман.): *Берем муку, яйцо, перемешиваем, мнем. Фарш – смешиваем свинину с говядиной, мешиваем, солим, перчим. Тесто готовое. Отрезаем кусок. Раскатываем, стаканом вырезаем кружочки, ложим фарш, залепливаем.*

Знают информанты слова и словосочетания *пестом разомну, запускаем первое варевчто придает специфический вкус. Перекручиваем на мясорубке, лук перео; соли сколь надо; личико; сочень, сочни; тесто тугое; толкушка; скешь*

Под антиномией мы традиционно понимаем сочетание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта и каждое из которых допускает одинаково убедительное логическое обоснование.

Антиномичность как феномен была осмыслена еще античной диалектикой. Великолепные парадоксы античной мысли, пройдя через тексты мировой культуры, стали прецедентными текстами: *Omnis determinatio est negatio* (Всякое определение есть отрицание); *Credo, quia absurdum* (Верю, потому что абсурдно); *Tempus fugit, aeternitas manet* (Время течет, вечность неизменна); *Cum tacent, clamant* (Молчит, но говорит) и др. В философии учение об антиномии сопрягается прежде всего с именем Иммануила Канта, в лингвистике – Вильгельма фон Гумбольдта. В дискурсе "точных" наук принцип антиномии сочетается с вероятностными построениями, нежесткими суждениями, вариативностью ответов, итогов, выводов (ср., например, принцип дополнительности Н. Бора). В словесных видах художественного творчества антиномия обычно реализует себя в парадоксе (от греч. 'неожиданный, странный'). Парадоксальные высказывания представлены в фольклоре и литературе всех времен и народов. Нередко становясь афоризмами, они шагают через века и границы, чему в немалой степени способствуют такие свойства парадокса, как оригинальность, дерзость, остроумие, сочетание трагического и комического, высокого и обыденного, печального и саркастического. Ср.: *"Не откладывая на завтра то, что можно сделать послезавтра"* (О.Уайлд), *"Когда мы скажем, что никогда не будем господами, тогда мы кончим с рабством"* (Б.Шоу), *"Война – такое же наказание для победителя, как и для побежденного"* (Т.Джефферсон), *"Твои взгляды мне ненавистны, но всю жизнь я буду бороться за твоё право отстаивать их"* (Вольтер), *"Мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей"* (Тютчев), *"Сила женщины – в ее слабости"*, *"Никогда не говори 'никогда'"*, *"Хотели – как лучше, а получилось – как всегда"*, *"Благими намерениями путь в ад вымощен"*, *"Если я не молодец, то свинья не красавица"*, *"Лучше переест, чем недоспать"*, *"Этого не может быть, потому что не может быть никогда"* и мн. мн. др.

Как считают исследователи (ср., например: Хорунжий, 1990; Штайн, 2000), с особой ясностью принцип антиномии осмыслен и осуществлен в труде о. П. Флоренского "Столп и утверждение истины". А господство (да, именно это слово мне хотелось бы употребить) парадокса можно видеть во всех произведениях Нобелевского лауреата по литературе М. Павича.

В последнее десятилетие XX века все чаще звучит и в философских работах мысль о том, что XXI век станет веком антиномии, которая уже сегодня начинает осознаваться как основной принцип и прием познания, как основной способ приближения к истине. От принципа *"борьба противоположностей"* человечество с неизбежностью будет двигаться к принципу *"гармония противоположностей"*. Утверждение принципа антиномии в гносеологии кардинально изменит основы нашего мировидения. Как считает В.С.Библер, "новая рациональность, складывающаяся в XX веке, имеет своим стержнем переход к мышлению (соответственно – бытию) парадоксальному... Переход к разуму парадокса... совершится... в реальной живой логике бытия и мышления человека XX века" (Библер, 1991, с.38).

Самое массовое из современных искусств – телекино – также ответило на "веление времени". В конце 90-х годов в американском кинематографе появился телесериал "Northern Exposure" (на нашем экране – "Северная сторона"). Создав свое произведение в жанре "интеллектуального кино", молодые (!) кинематографисты США представили в нем модель гармоничного мира, основанного на принципе антиномии, и тем самым на пороге третьего тысячелетия всем нам была послана Благая Весть: на Земле вполне возможен реальный (не утопичный!) светлый мир. Мир без Антихриста. Мир без вселенского зла. Где слово есть Бог и Бог есть слово. А словом владеет человек... Такое вот евангелие от кино.

Что же дает опора на антиномию лингвистике? Наши ответы на этот вопрос пока самые предварительные.

– Прежде всего, если говорить об общей теории, о философии языка, то антиномичный подход оказывается наиболее адекватным самому объекту изучения (языку) и обеспечивающим надлежащую эффективность исследования и надежность его результатов.

– Вся так называемая *динамическая лингвистика*, все исследования функционирования языка, несомненно, коррелируют с принципами антиномии.

– Изучение явлений, относящихся к *фатическому полю языка* (термин Л.Н. Мурзина), наиболее плодотворно именно в рамках антиномичного подхода, ибо здесь нежесткие решения и вероятностные суждения единственно возможны.

– Сами парадоксальные суждения обладают особой энергетикой, природа и своеобразие которой еще не исследованы лингвистами.

– Наконец, проникновению в лингвистические исследования "логики антиномии" способствует утверждение в языкознании понятия *концепт*. Концепт антиномичен по своей природе и сущности. Это явление "культурно-ментально-языковое", по Ю.С. Степанову (Степанов, 1997). Внутреннее содержание концепта, представляющее собой своеобразно организованную совокупность смыслов, выработанных в контексте национальной и мировой культуры, динамично совмещает, гармонизирует противоположные, на первый взгляд, смыслы. Так, например, в концепте СЛОВО просматриваются по крайней мере три следующие антиномии:

– Слово *всесильно* и *бессильно*: "В начале было Слово. И Слово было Бог..."; "Солнце останавливали словом, словом разрушали города..."; "Сила слова беспредельна"; "Слово – полководец человеческой силы"; "Ласковое слово и кость ломит"; И: "Словом делу не поможешь"; "Все это, видите ль, слова, слова, слова"; "Слово всего лишь слов..." (Не забываем также о двойном прочтении выражения *слово и дело*).

– Слово *вечно* и *мимолетно*: "Молчат гробницы, мумии и кости. Лишь слову жизнь дана". И – "... вылетит – не поймаешь".

– Слово *спасительно* и *губительно*: "Слово – лучшее лекарство"; "Слово – лечит"; "Словом можно убить, словом можно спасти"; "Слово не стрела, да пуще стрелы разит"; "От одного слова да навек ссора". А также: *доброе слово, теплое слово, золотые слова*. И – *черное слово, худое слово, страшные слова*...

Антиномичность смыслов характерна также для концептов ИГРА, СМЕРТЬ, БОГ и мн. др.

В заключение обратим внимание на некоторые принципиальные различия между антиномичными и антиномичными отношениями.

Под антиномией мы традиционно понимаем сочтание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта и каждое из которых допускает одинаково убедительное логическое обоснование.

Антиномичность как феномен была осмыслена еще античной диалектикой. Великолепные парадоксы античной мысли, пройдя через тексты мировой культуры, стали прецедентными текстами: *Omnis determinatio est negatio* (Всякое определение есть отрицание); *Credo, quia absurdum* (Верю, потому что абсурдно); *Tempus fugit, aeternitas manet* (Время течет, вечность неизменна); *Cum tacent, clamant* (Молчит, но говорит) и др. В философии учение об антиномии сопрягается прежде всего с именем Иммануила Канта, в лингвистике – Вильгельма фон Гумбольдта. В дискурсе "точных" наук принцип антиномии сочетается с вероятностными построениями, нежесткими суждениями, вариативностью ответов, итогов, выводов (ср., например, принцип дополнительности П. Бора). В словесных видах художественного творчества антиномия обычно реализует себя в парадоксе (от греч. 'неожиданный, странный'). Парадоксальные высказывания представлены в фольклоре и литературе всех времен и народов. Нередко становясь афоризмами, они шагают через века и границы, чему в немалой степени способствуют такие свойства парадокса, как оригинальность, дерзость, остроумие, сочетание трагического и комического, высокого и обыденного, печального и саркастического. Ср.: *"Не откладывая на завтра то, что можно сделать послезавтра"* (О. Уайлд), *"Когда мы скажем, что никогда не будем господами, тогда мы поккончим с рабством"* (Б. Шоу), *"Война – такое же наказание для победителя, как и для побежденного"* (Т. Джефферсон), *"Твои взгляды мне ненавистны, но всю жизнь я буду бороться за твоё право отстаивать их"* (Вольтер), *"Мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей"* (Тютчев), *"Сила женщины – в ее слабости"*, *"Никогда не говори 'никогда'"*, *"Хотели – как лучше, а получилось – как всегда"*, *"Благими намерениями путь в ад вымощен"*, *"Если я не молодец, то свинья не красавица"*, *"Лучше переест, чем недоспать"*, *"Этого не может быть, потому что не может быть никогда"* и мн. мн. др.

Как считают исследователи (ср., например: Хорунжий, 1990; Штайн, 2000), с особой ясностью принцип антиномии осмыслен и осуществлен в труде о П. Флоренского "Столи и утверждение истины". А господство (да, именно это слово мне хотелось бы употребить) парадокса можно видеть во всех произведениях Нобелевского лауреата по литературе М. Павича.

В последнее десятилетие XX века все чаще звучит и в философских работах мысль о том, что XXI век станет веком антиномии, которая уже сегодня начинает осознаваться как основной принцип и прием познания, как основной способ приближения к истине. От принципа *"борьба противоположностей"* человечество с неизбежностью будет двигаться к принципу *"гармония противоположностей"*. Утверждение принципа антиномии в гносеологии кардинально изменит основы нашего мировидения. Как считает В.С. Библер, *"новая рациональность, складывающаяся в XX веке, имеет своим стержнем переход к мышлению (соответственно – бытию) парадоксальному... Переход к разуму парадокса... совершается... в реальной живой логике бытия и мышления человека XX века"* (Библер, 1991, с.38).

Самое массовое из современных искусств – телекино – также ответило на "веление времени". В конце 90-х годов в американском кинематографе появился телесериал "Northern Exposure" (на нашем экране – "Северная сторона"). Создав свое произведение в жанре "интеллектуального кино", молодые (!) кинематографисты США представили в нем модель гармоничного мира, основанного на принципе антиномии, и тем самым на пороге третьего тысячелетия всем нам была послана Благая Весть: на Земле вполне возможен реальный (не утопичный!) светлый мир. Мир без Антихриста. Мир без вселенского зла. Где слово есть Бог и Бог есть слово. А словом владеет человек... Такое вот евангелие от кино.

Что же дает опора на антиномию лингвистике? Наши ответы на этот вопрос пока самые предварительные.

– Прежде всего, если говорить об общей теории, о философии языка, то антиномичный подход оказывается наиболее адекватным самому объекту изучения (языку) и обеспечивающим надлежащую эффективность исследования и надежность его результатов.

– Вся так называемая *динамическая лингвистика*, все исследования функционирования языка, несомненно, коррелируют с принципами антиномии.

– Изучение явлений, относящихся к *фатическому полю языка* (термин Л.Н. Мурзина), наиболее плодотворно именно в рамках антиномичного подхода, ибо здесь нежесткие решения и вероятностные суждения единственно возможны.

– Сами парадоксальные суждения обладают особой энергетикой, природа и своеобразие которой еще не исследованы лингвистами.

– Наконец, проникновению в лингвистические исследования "логики антиномии" способствует утверждение в языкознании понятия *концепт*. Концепт антиномичен по своей природе и сущности. Это явление "культурно-ментально-языковое", по Ю.С. Степанову (Степанов, 1997). Внутреннее содержание концепта, представляющее собой своеобразно организованную совокупность смыслов, выработанных в контексте национальной и мировой культуры, динамично совмещает, гармонизирует противоположные, на первый взгляд, смыслы. Так, например, в концепте СЛОВО просматриваются по крайней мере три следующие антиномии:

– Слово *всесильно и бессильно*: "В начале было Слово. И Слово было Бог..."; "Солнце останавливали словом, словом разрушали города..."; "Сила слова беспредельна"; "Слово -- полководец человеческой силы"; "Ласковое слово и кость ломит"; И: "Словом делу не поможешь"; "Все это, видите ль, слова, слова, слова"; "Слово всего лишь слов..." (Не забываем также о двояком прочтении выражения *слово и дело*).

– Слово *вечно и мимолетно*: "Молчат гробницы, мумии и кости. Лишь слову жизнь дана". И – "... вылетит – не поймаеть".

– Слово *спасительно и губительно*: "Слово – лучшее лекарство"; "Слово – лечит"; "Словом можно убить, словом можно спасти"; "Слово не стрела, да пуще стрелы разит"; "От одного слова да навек ссора". А также: *доброе слово, теплое слово, золотые слова*. И – *черное слово, худое слово, страшные слова*...

Антиномичность смыслов характерна также для концептов ИГРА, СМЕРТЬ, БОГ и мн. др.

В заключение обратим внимание на некоторые принципиальные различия между антиномичными и антиномичными отношениями.

- Отношения между компонентами антиномичной пары – центробежны, антиномичной – центростремительны.
- Компоненты антиномии взаимозаменяемы, антиномии – взаимоисключающи.
- Компоненты антиномии – проявления одной сущности, компоненты антиномии принадлежат различным сущностям.

P.S. Сердечно благодарю Г.И.Ерофееву, Т.И.Доценко, Н.Батюкову, А.Голованову и других участников школы социолингвистики. чьи вопросы и выступления помогли мне в осмыслении и формулировании ряда положений данной статьи.

Литература:

- Библер В.С. Из заметок впрок // Вопросы философии. 1991. №6.
- Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле // Фатическое поле языка. Пермь, 1998.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры (Опыт исследования). М., 1997.
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т.1.
- Штайн К.Э. Многогранность философско-религиозного дискурса о Павла Флоренского и глубинный стереотип // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2000.

И.А.Угланова*
Пермь

Психолингвистическая рефлексия над антиномией "социальное – индивидуальное"

*Мы говорим "парадоксы"
за невозможностью найти истины,
которые не были бы банальными.
М. Кондорсе*

Постановка проблемы. Обращение лингвистов к человеческому фактору не могло не оставить в стороне **проблему индивидуального**. Однако исследователи данной области зачастую предпочитают ограничиться лишь изучением наблюдаемого явления, так и не выходя на уровень сущности. Наши размышления о сущности индивидуального привели к парадоксу, который, как нам кажется, является достойным предмета рассмотрения. Парадокс индивидуального заключается в его социальном характере. Факт известный, однако, для нас интерес представляет "механизм обретения себя".

К обоснованию метода. Отложим в сторону "грамматику рассудка" и да будет желание познать истину нам руководством и защитой, хотя бы и метод наш, адекватный, на первый взгляд, скорее для психоаналитического, нежели для лингвистического исследования, быть может, вызовет даже у неискушенного разума некоторые сомнения и недоумения. Поскольку Цель, как стремление нашего Dasein, нам видится в достижении "того уровня осознания, который делает дос-

* И.А. Угланова 2002

трудным **непостижимое**" (К.Кастанеда), то представляется невозможным использование методик, основанных на безапелляционном принятии примата рации над стихией бесконечности. Поэтому мы остановили свой выбор на рефлексии (погружение в глубины сознания) в координатах психолингвистики.

На экране сознания возникает образ В. фон Гумбольдта, точнее, его работы "О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества": "...Не будучи актом непосредственного сознания и даже актом внезапной спонтанности и свободы, язык все же может принадлежать лишь существу, наделенному сознанием и свободой, исходя таким образом из **непостижимых** для него самого **глубин индивидуальности** и из деятельности заложенных в нем сил. Ведь язык целиком зависит от **бессознательной энергии**, приводящей в действие человеческую индивидуальность, и от формы, в которую этот процесс выливается. Однако вследствие такой связи с индивидуальной реальностью... язык в то же время оказывается подверженным **влиянию обстоятельств**, окружающих человека в мире и воздействующих даже на акты его свободы" (Гумбольдт, 2000, с.227).

"Без слова и имени человек вечный узник самого себя, по существу и принципиально анти-социален, необщителен, несоборен и, следовательно, также и не индивидуален, не-сущий, он – чисто животный организм или, если еще человек, умалишенный человек" (Лосев, 1993, с.632).

Парадокс – противоречие в законе. Человек – парадоксальное существо. И чтобы он ни пытался познать, наталкивается только лишь на все новые и новые проявления своей парадоксальной природы. Шутка ли это эволюции? А может быть парадокс является одним из фундаментальных оснований бытия?

За пределами рефлексии. По Гумбольдту, язык есть принадлежность человека постольку, поскольку он есть индивидуальность (хоть и не всегда осознаваемая). Следовательно, индивидуальность есть атрибут человека. Однако, далее по Гумбольдту, получается, что человек руководим своей индивидуальностью, находится в подчинении у нее, определяем ей. Язык оказывается в двойной зависимости: с одной стороны, от некой "бессознательной энергии", являющейся двигателем индивидуальности, с другой – от влияния внешних факторов, жизненного пространство индивидуальности. Несомненно, Гумбольдт прав, говоря, что язык определяется "индивидуальной реальностью", но сама эта реальность – детище "обстоятельств, окружающих человека в мире". Однако мы позволим себе не согласиться с некоторой идеализацией мыслителем сего атрибута рода человеческого. Индивидуальность – не данное, а приобретенное в процессе социализации, неизменнойшим условием которого является общение с себе подобным. Индивидуальность не есть атрибут человека. Это принципиально. Индивидуальность – социокультурный феномен. Благодаря языку обретает человек свою индивидуальность, самое себя. Индивидуальное есть дар коллективного. Человек через МЫ становится Я и благодаря Слову обретает свободу, которая является условием и проявлением индивидуальности. Парадокс размыкается.

Литература:

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.

К вопросу о природе подсистем языка**

Дихотомия "язык – речь", введенная в широкий лингвистический обиход Ф. де Соссюром, определила на довольно длительный период взгляд на язык как на чистую схему и, следовательно, как на целостное гомогенное образование, которое следует изучать и описывать с детерминистских позиций. Для всех направлений структурализма характерен именно такой подход к языку, основную идею которого выразил Н.С.Трубецкой в своем известном утверждении о том, что "язык лежит вне меры и числа" (1960, с.15).

Тем не менее, в истории лингвистики известен и другой подход, который признает за языком неоднородность, гетерогенность его структуры, рассматривает язык как совокупность различных по своей природе "подъязыков". Такая точка зрения на язык отражена прежде всего в работах некоторых русских лингвистов (Поливанов, Щерба, Ларин и др.) и в работах американских социолингвистов (Лабов, Бейли, Хердан и др.).

Признание за языком его гетерогенного характера требует и новых, недетерминистских, методов его описания. Таким методом становится вероятностное описание языка и различных входящих в него подъязыков.

Вероятностное описание (а также и вероятностное видение объектов исследования) становится все более популярным во всей современной науке, а не только в лингвистике. И эта популярность не только дань моде. За ней стоит новое по своей сути видение мира, новая философская основа, общая для изучения различных по своей природе явлений действительности от структуры кристаллов и эволюции живых организмов до семантических полей слов (Налимов, Дрогалина, 1995).

Вероятностным системам присущи определенные свойства: единство иррегулярности и устойчивости, автономности и зависимости, а также беспорядка и порядка в классе событий (Кравец, 1976, с.56). Количественной мерой, позволяющей измерить иррегулярность, автономность и беспорядок, является вероятность, которая занимает промежуточное положение между параметрами системы как целого и как множества автономных элементов (там же, с.72). Естественные языки и тексты обладают всеми названными свойствами (Мартыненко, 1988, с.25) и, следовательно, могут описываться вероятностно.

Лингвисты, признающие гетерогенный характер языка, выделяют в нем различные подъязыки по самым разнообразным основаниям: диалекты (членение по территориальному признаку), различные профессиональные и групповые жаргоны, "подъязыки" различных классов (деление по социальному признаку), "подъязыки" мужчин и женщин, взрослых и детей, разных психологических типов и т.п. (деление по биологическим и психологическим признакам), функциональные стили (деление по сферам применения) вплоть до "языков" индивидов – идиолектов. Изучением данных форм языка занимаются отдельные направления в лингвистике: диалектология, социолингвистика, психолингвистика, стилистика.

Выделяющиеся таким образом "подъязыки" в значительной степени оказываются "перекрещивающимися", наслаиваются друг на друга. По сути дела эти

* © Е.В. Ерофеева 2002

** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №02-04-00-445/Г

формы языка, или "подъязыки", имеют одинаковую природу (структуру). Все они есть не что иное, как различное речевое использование одних и тех же элементов языка. Разница же в использовании элементов является прежде всего количественной, т.е. одни и те же элементы используются в разных "подъязыках" с различной частотой.

Попробуем на примере фонетических особенностей продемонстрировать неразложимость языка на подсистемы без привлечения вероятностных характеристик.

В таблице 1 представлены основные произносительные черты, отмечаемые различными авторами в трех подсистемах русского языка: разговорной литературной речи (РР), пермском локальном варианте литературного языка (ЛВЛЯ), городском просторечии по данным для Москвы и Петербурга (П). Таблица составлена по данным следующих работ (Ерофеева, 1993; Интерференция звуковых систем, 1987; Розанова, 1984; Русская разговорная речь, 1973; Фонетика спонтанной речи, 1988). Наличие плюса в соответствующей графе обозначает, что данная черта отмечается хотя бы в одной из этих работ; отсутствие плюса говорит лишь о том, что данная черта не описана в литературе, а не о том, что ее вообще нет в данной подсистеме. Поэтому мы позволили себе проставить плюсы в некоторых графах, которые оставались пустыми, где личные наблюдения давали основания утверждать, что эти особенности встречаются в речи носителей данных подсистем (в таблице такие плюсы заключены в скобки).

Таблица 1

Произносительные особенности, отмечаемые в РР, ЛВЛЯ и П

Особенность	РР	ЛВЛЯ	П
Произнесение ударного [á] как [é]	+		
Произнесение ударного [é] как [ʲé] или [i]	+	+	+
Произнесение ударного [ó] как [ʲó] или [ú]	+	+	+
Произнесение [ы] как [i]	+	+	
Произнесение [i] как [i] или [e]	+	+	+
Неполное оканье	+	+	
Еканье	+	+	(+)
Произнесение [а]-образных звуков после мягк. согл.	+	+	+
Ненормативная редукция гласного /а/	+	+	+
Качественная редукция гласного /у/	+	+	+
Качественная редукция гласного /ы/	+	+	+
Стяжение гласных	+	+	+
Произнесение [sʲ:] как [s:] или [š]	+	+	
Утрата или ослабление смычки у аффрикат	+	+	+
Смятченные /s/ и /z/		+	
Твердые конечные губные вместо мягких	(+)	+	+
Невеляризованный [l]		+	
Упрощение конечных [sʲtʲ] в [sʲ]	+	+	+
Вставка [j] или [v] в интервокальном положении			+
Упрощение различных групп согласных	+	+	+
Выпадение интервокальных согласных	+	+	+
Вставка согласных в консонантные сочетания	+	(+)	+

Проанализируем данные таблицы 1. Из 22 рассмотренных особенностей 15 являются общими для всех трех подсистем, РР и ЛВЛЯ объединяют 18 особенно-

стей, РР и П, а также ЛВЛЯ и П имеют по 15 общих особенностей. Если вспомнить еще и о том, какое огромное количество общих произносительных вариантов этих подсистем и КЛЯ осталось за рамками этой таблицы, то расхождения в наборах покажутся совсем ничтожными. Таким образом, большая часть рассматриваемых особенностей является общей для нескольких подсистем, и эти особенности не могут считаться специфическими чертами ("дифференциальными признаками") какой-либо одной из подсистем.

В таблице для каждой подсистемы можно выделить и специфические, присущие только ей черты, однако число их очень невелико – по одной для каждой подсистемы. При этом расширение рассматриваемого количества подсистем явно снимает и эту "оппозицию" в наборе специфических признаков: все эти особенности встречаются в различных диалектах и полудиалектах. Таким образом, оказывается невозможным выделить набор произносительных черт, который характеризовал бы одну и только одну подсистему языка. Подсистемы как бы плавно перетекают друг в друга, образуя некий континуум, который невозможно четко расчлнить по наборам специфических черт (ср. с волновой моделью языка Бейли, описанной в (Белл 1980)).

Разница в подсистемах языка, очевидно, прослеживается скорее не в наборах, а в частоте проявления тех или иных черт в речи; (ср.: Лабов, 1975). В литературе, посвященной различным подсистемам, часто встречаются формулировки типа: "Такое произношение можно встретить и в РР, однако в просторечии замена [ч] на [ш] распространена гораздо шире" (Розанова, 1984, с.55). В цитатах подобного рода названия подсистем и особенности, естественно, варьируются в зависимости от объекта исследования. Такие высказывания, на наш взгляд, есть косвенное признание того факта, что в различении подсистем главное заключается не в наличии/отсутствии особенности (аллофона), но ее (его) **количественной мере**, т.е. частоте встречаемости в речи. Следовательно, различные подсистемы (по крайней мере, на фонетическом уровне) можно представить как отражение разных распределений вероятностей их элементов.

Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные позволяют сравнить частоты некоторых вокалических особенностей двух рассмотренных выше подсистем: РР Санкт-Петербурга (Фонетика спонтанной речи, 1988) и пермского ЛВЛЯ (см. табл.2).

Таблица 2

Частота произносительных особенностей, отмечаемых в РР Санкт-Петербурга и пермском ЛВЛЯ (%)

Особенность	Петербург	Перь
Неполное оканье	5	43
Еканье	22	54
Недостаточная редукция	20	около 20
Чрезмерная редукция	30	около 30
Произнесение [а]-образных звуков после мягк. согл.	1	46
Качественная редукция гласного /и/	3	9
Качественная редукция гласного /ы/	10	6

Из приведенной таблицы даже на таком небольшом числе особенностей хорошо видно, что некоторые из особенностей имеют примерно одинаковые частоты встречаемости, частоты некоторых особенностей отличаются, но незначительно, а также есть особенности, частоты которых существенно различны. В данном

списке такими особенностями оказались неполное оканье, еканье и произнесение [а]-образных звуков после мягких согласных в безударной позиции. Очевидно, именно эти особенности и определяют специфичность данных подсистем, причем специфичность эта выражена в различных частотах этих произносительных черт, а не в наборах черт в разных подсистемах.

Другой пример, наглядно демонстрирующий вероятностный характер различий между "подъязыками" и недискретность, плавность переходов одной подсистемы в другую – частотные характеристики тех же произносительных черт речи пермяков в разных коммуникативных условиях: при чтении, в монологе и диалоге (см. табл.3).

Таблица 3

**Частота произносительных особенностей
при разных коммуникативных условиях (%)**

Особенность	Чтение	Монолог	Диалог
Неполное оканье	15	43	68
Еканье	54	53	83
Недостаточная редукция	10	20	34
Чрезмерная редукция	27	30	45
Произнесение [а]-обр. зв. после мягк. согл.	16	46	40
Качественная редукция гласного /и/	0	9	10
Качественная редукция гласного /ы/	0	6	6

Из приведенной таблицы видны уже известные нам закономерности: далеко не все особенности дают нам разницу частот по всем коммуникативным типам речи. Некоторые черты сближают чтение и монолог, некоторые – монолог и диалог. В данном списке нет таких особенностей, которые были бы близки по частотам проявления в чтении и диалоге, однако, очевидно, что в общем списке всех встречающихся в речи аллофонов они будут. Тем не менее и для общего списка при сравнении диалога и чтения аллофонов с существенно разными частотами будет больше, чем при сравнении монолога и чтения или диалога и монолога. Таким образом, монолог является переходным звеном между чтением (самым неестественным типом речи) и диалогом (самым естественным).

Кажется разумным предположение, что вообще все распределения (подсистемы) построены на общей области задания, которой на фонетическом уровне является объединение множеств аллофонов всех подсистем языка. Понятно, что при таком расширении области задания некоторые элементы в том или ином распределении (= подсистеме языка) будут иметь частоту, равную 0 (см. табл.3).

Частота и вероятность связаны примерно так же, как речь и язык: частота есть конкретное выражение абстрактной вероятности. Существует точка зрения на вероятность как на внутренне присущую языку характеристику, объективную количественную меру языка. При таком подходе частота элемента рассматривается в качестве характеристики того или иного текста, а его вероятность, выводимая из множества подобных текстов, является уже языковой характеристикой (Головин, 1971; Пиотровский, Турьгина, 1971; Сегал, 1972; Herdan, 1956).

Однако вероятность элементов меняется в зависимости от коммуникативных потребностей говорящих и от условий функционирования языка в целом (Андреев, 1967). Замечательный пример вариативности частот фонетических особенностей речи в зависимости от различных коммуникативных условий дан в статье А.С.Штерн "Три аспекта городского билингвизма (фонетический уро-

вень)" (1993). Именно различные коммуникативные ситуации и определяют различные "подязыки", которые рождаются из вариации компонентов коммуникативных ситуаций (Сахарный, 1989), и, следовательно, логично связывать вероятность не с языком в целом, а с "подязыками".

Итак, мы предлагаем рассматривать социолингвистические подсистемы языка как отражение распределения вероятностей языковых единиц (в данном случае аллофонов), заданных на множестве всех возможных в языке единиц данного уровня (т.е. на множестве всех встречающихся произносительных вариантов). Единство базы задания предполагает единство языка и является, на наш взгляд, принципиальным моментом. Подобное описание различных подсистем языка позволяет представить их не как обычные множества элементов, а как нечеткие множества (Zadeh, 1992), в которые каждый элемент входит с той или иной долей вероятности.

Литература:

- Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. М., 1967.
- Белл Р.Т. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. М., 1980.
- Головин Б.Н. Язык и статистика. М., 1971.
- Ерофеева Е.В. Фонетическая вариативность фонологической системы гласных (сопоставительный анализ петербургского и пермского вокализма): Дис... канд. филол. наук. СПб., 1993.
- Интерференция звуковых систем. Л., 1987.
- Кравец А.С. Природа вероятности. М., 1976.
- Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. VII.
- Маргынченко Г.Я. Основы стилеметрии. Л., 1988.
- Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального: Вероятностная модель бессознательного. М., 1995.
- Пиотровский Р.Г., Турыгина Л.А. Антиномия "язык – речь" и статистическая интерпретация нормы языка // Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., 1971.
- Розанова Н.Н. Современная московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики) // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.
- Русская разговорная речь. М., 1973.
- Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л., 1989.
- Сегал Д.М. Основы фонологической статистики. М., 1972.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
- Фонетика спонтанной речи. Л., 1988.
- Штерн А.С. Три аспекта городского билингвизма (фонетический уровень) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993.
- Herdan G. Language as a Choice and a Chance. Groningen, 1956.
- Zadeh L.A. Fuzzy sets // Reading in Fuzzy Sets for Intelligent Systems. San Mateo, CA, 1992.

Ретроспекция атрибутов грузинского языка: социолингвистический аспект

Изучение типов языков, языковой ситуации, их статуса, роста и диапазона ставит своей целью создание социолингвистической типологии. Для социолингвистической типологии обязательна характеристика языков на основе следующих атрибутов: стандартизация (Stewart, 1962; 1968), фактические нормы (Haymes, 1971), жизненность, историчность, гомогенность, автономность (Stewart, 1962, 1968; Fishman, 1972), смещение (Haymes, 1971), редукция. Различные комбинации перечисленных атрибутов дают различные типы языков: стандартный, классический, диалектный, местный, креольский, пиджин, маргинальный, искусственный, интерязык, язык для иностранцев.

Историчность, гомогенность, стандартизация. Среди социолингвистических атрибутов грузинского языка в первую очередь необходимо отметить историчность, вместе со стандартизацией и гомогенностью.

Уже первые исторические памятники, которые датированы V в. н.э. и сохранились до нашего времени, написаны на строго стандартизованном языке. Стандартизация в одинаковой мере характерна как для памятников письменности, созданных в разных областях Грузии (в центре и на периферии), так и для обнаруженных за границей. Сегодня из-за отсутствия необходимых источников достаточно сложно говорить о начальном периоде стандартизации грузинского языка: во-первых, не совсем ясно, какой язык или какой тип грузинского (социальный или диалектный) был вытеснен или заменен стандартизованным грузинским; во-вторых, нельзя с уверенностью говорить и об основе стандартизованного языка – опирался ли он на речь "образованного среднего класса" (Ferguson, 1970, с.32) или же на "ядро городской интеллигенции" (Garvin, 1959, с.29). И все-таки надо думать, что стандартизованный грузинский был явлением урбанистическим.

К началу V в. грузинский язык уже был письменным языком; обладал свойствами унификации и интеграции, необходимыми для широкой коммуникации; был признанным и принятым грузинской христианской элитой. Вероятно, что грузинский литературный язык был разработан еще до христианства, а христианское книготворчество развило его лишь с интересующей христианство стороны. У нас есть все основания предполагать существование нефиксированной, длительной устной литературной традиции, которая предвляла письменную фиксацию языка. Грузинский этого времени уже оснащен специальной лексикой, связанной с христианством, и соответствующими христианству дискурсами: переводными книгами Ветхого и Нового завета, агиографией, гимнографией (оригинальной и переводной) и комментированной теологической литературой. Качество языковой обработки первых памятников письменности указывает на длительную и глубокую связь грузинского языка с высоко развитыми международными языками того времени.

Уже к началу V в. грузинский язык функционировал как средство идентификации и культурного самоутверждения грузинского народа. Согласно восточной христианской традиции все языки перед Богом равноправны (в отличие от

западной, которая считала святыми языками только еврейский, греческий и латинский). Восточное христианство взрастило коптов, готов, сирийцев, грузин, армян, позднее – славян, а также христиан Аравии и Персии. Однако, несмотря на признание равноправия языков, языки христианских народов Востока все-таки не могли конкурировать с греческим, так как Византия всегда мешала их легитимизации. Борьба за проведение литургии на родном языке перерастает в борьбу за национальную культуру и национальные права. В этот период грузинский становится символом религиозности и национальной идентичности.

В древнегрузинских агиографических произведениях неоднократно подчеркивалось, что грузинский защищает христианство на окраине культурного мира (под культурным миром подразумевались греки и римляне). И это, естественно, вызывало чувство национальной гордости. Грузия имеет честь называться древнейшим христианским государством, равным Греции, и является родиной святых (Сирадзе, 1975). Эти идеи – не патриотическая риторика, ибо они питают картлинскую христианскую элиту. Становление политико-культурных идеалов завершается в IX-X вв. Они окончательно оформляются в "Житие Григория Ханцгийского". В справке, предложенной автором этого агиографического произведения Георгием Мерчуле, точно определяются внутренние границы Картли, выявляется социально-культурная основа интеграции грузин и указывается на ту многовековую традицию, корни которой теряются в далеком прошлом: "Именем Картли называют многие земли, где церковная служба ведется на грузинском ("картули") языке".

Постепенно в грузинском обществе начинают задумываться о поиске "респектабельного" происхождения грузинского языка. Вследствие этого оживляются мифы, создаются и культивируются генеалогии, и грузинский язык вместе со строем страны, правительством, религией и историей занимает достойное место в грузинской "Великой традиции".

Особенности любого языка определяются временем и региональными условиями. Растущее национальное самосознание на пути политического, экономического и культурного процветания Грузии настойчиво требовало исторического осмысления древнейшей эпохи (Кекелидзе, 1981). Говоря словами Дж.Фишмана, подтверждением поисков "респектабельного" прошлого является труд "Житие царей", написанный общественным деятелем XI века, епископом Руисской епархии, Леонтием Мровели. В это историческое произведение включено полностью сказание, похожее на андрез, в котором рассказывается о необычном приключении основателя грузинского государства, царя Парнаваза. Согласно сказанию, Парнаваз – человек, отмеченный солнцем. На него снизошло царское величие, или парна, "святейшество", "венец", что и создает его имя (Кикинадзе, 1984, с.115-117; Марр, 1902, с.5; Адроикашвили, 1966, с.498-199). Несмотря на принятие христианства, язычник-царь Парнаваз, которому приписывается создание первого грузинского государства, объявление грузинского государственным языком и создание грузинской письменности, остается, как сказал бы Дж. Фишман, "респектабельным" предком, которым гордятся.

Хотя и трудно говорить о том, какие источники (письменные или устные) использовал грузинский историк XI века, когда писал о Парнавазе, но это не име-

* О понятии "Великая традиция" см. (Fishman, 1972)

ет решающего значения, так как история знает множество примеров как письменной, так и устной "Великой традиции" (Fishman, 1972, с.32).

Кодификация. Через конкуренцию с греческим, через борьбу с ним за равноправие совершенствовался грузинский литературный язык. Древнегрузинские литературные школы ставили перед собой цель углубиться в восточную христианскую традицию. А для этого, считали они, целесообразно максимально освоить греческую культурную традицию. Литературные школы объединялась вокруг кодификатора – такой личности, которая была бы арбитром, законодателем, авторитетом, достойным подражания не только для данной школы, но и для общества в целом (Haugen, 1979). Таким, например, был афонский отец Евфимий, новые переводы которого священных книг с греческого считались неподражаемой святыней. Признанным кодификатором был и Георгий Мтацминдели. Евфимий и Георгий Мтацминдели избавили свой грузинский народ от унижительного имени "варвар", которым их называли эллины, и приравняли грузин и грузинский язык к грекам и к греческому языку.

Несмотря на то, что греки были высокомерны по отношению к другим христианским народам, для самих афинских святых отцов двуязычие не являлось диглоссией*, т.е. грузинский и греческий были для них не функционально различными, а функционально равноправными языками.

Паулем Гарвином статус языка определяется по следующим критериям: а) внутренние свойства языка; б) его функции; в) отношение говорящего коллектива к данному языку. Стремление грузинского быть равным греческому основано на его внутренних свойствах: *гибкой стабильности* (что создает возможность для соответствующей культурной модификации языка), и *интеллектуализации* (кодифицированный вариант грузинского, на который переводятся священные писания и создаются оригинальные произведения, отличается от повседневного грузинского большей степенью искусственности). Разумеется, греческий – это язык высокого статуса, но и грузинский не "низкого" статуса, так как он приобрел функцию защиты в иноязычной среде (Voeder, 1983), что вызывает национальную гордость и увеличивает престиж языка. Кроме того, грузинский язык довольно давно выполняет функцию интеграции коллектива, на нем говорящего, и функцию дифференциации его от других иноязычных коллективов. Для части грузинской интеллигенции, работающей в зарубежных культурных центрах, родной язык – это осознанная норма.

В Гелатской философско-литературной школе, которой руководил признанный кодификатор Иоанн Петрицкий, была предпринята попытка создания единой моноструктурной системы грузинской философско-теологической терминологии. С помощью грузинских корней он точно передает значение терминов, которые в европейских языках существуют в виде заимствований из греческого и латинского (Меликишвили, 1999). Так представители Гелатской школы пытались модернизировать грузинский язык и приравнять его к греческому. Именно Иоанну Петрицкому мы должны быть благодарны за создание грузинской философской терминологии.

* Термин "диглоссия" означает такую языковую ситуацию, когда существует общественное согласие по поводу того, что с точки зрения социальной и культурной значимости среди функционально различных кодов один язык по своему статусу является "высшим", а другой – "низшим" (Ferguson, 1959).

По наблюдениям Дж. Фишмана, сила "Великой традиции" создает общество, члены которого верят, что их язык выражает их особую гениальность и аутентично связывается с их необычайным жизненным (и духовным – Т.Б.) опытом. Постепенно принцип равноправия грузинского и греческого сменяется идеей качественного превосходства грузинского языка. Естественно, возвеличение своего национального языка свойственно не только грузинам. Это универсальное явление, и разные народы по-разному выражают его (Fishman, 1975, с. 44-55). Памятник X в. "Хвала и Величие Грузинскому Языку" объявляет грузинский язык языком Всевышнего суда и тем самым приписывает ему специфическую вероисповедальную консекрацию. Объявление грузинского в этом смысле последним языком противоречит часто звучащему мнению о первичности и изначальности того или иного языка. Этим определением Иоанн Зосим поставил грузинский язык в сложные конкурентные отношения со святыми языками: еврейским, греческим и латинским. Однако эта конкуренция не непреодолима: в "Хвале" грузинский и греческий объявляются сестрами.

Фактические нормы, автономность, жизненность. Как было показано, грузинский язык стандартизирован, ибо имеет *de jure* установленные кодифицированные нормы, которые общеприняты и общепризнаны коллективом, говорящим на данном языке, и, следовательно, имеет фактические нормы. За проведением в жизнь установленных *de jure* кодифицированных норм грузинского языка следит Государственная палата языка.

Современный грузинский язык гомогенен, так как его системно-структурная организация является результатом предыдущих стадий его развития. В отношении исторической периодизации грузинского языка нет единства мнений. Одни исследователи в истории грузинского языка выделяют три периода: древний, средний и новый (Шанидзе, 1939, с.272; Сарджвеладзе, 1991), другие говорят о двух периодах: древнем и новом (Чикобава, 1950, с.18). Однако и в том, и в другом случае, обозначенные периоды – это лишь рабочие термины, которые называют один и тот же, а не три различных языка. Отсюда следует, что различные мнения об исторической периодизации грузинского языка не противоречат друг другу, а, наоборот, связываются гомогенностью этого языка.

Диапазон грузинского языка создают литературный грузинский, территориальные и социальные диалекты. Грузинский язык представлен 15 диалектами Восточной и Западной Грузии. За пределами Грузии распространены диалекты грузинского языка: ингилойский (в Азербайджане), имерхульский (в Турции), перейданский (в Иране), моздокский и пластунский (в России), которые также могут называться местными языками.*

При богослужении используется классический (он же древний) грузинский. В то же время библейские книги переводятся на современный грузинский, к чему общество относится по-разному. Некоторые считают, что в богослужении приоритет вновь должен принадлежать классическому грузинскому. Такая точка зрения обусловлена прежде всего тем, что классическим языком (древним грузинским) переведены библейские книги и создана дошедшая до нас богатая оригинальная литература. Эта литература осела в пассивной памяти народа, и от эпохи

* Местный язык – это родной язык той группы людей, которая подвергается социальному или политическому влиянию коллектива, говорящего на ином языке (UNESCO, 1953, с.40).

к эпохе она осмысливается заново, что и определяет ее традиционность. Важно также и то, что участник богослужения, идущего на древнегрузинском языке, подсознательно ощущает себя наследником "Великой традиции" отдаленных от него во времени предков. Кроме этого, чтение священного писания на древнегрузинском отдалает современного грузина от каждодневной речи, что делает и ее эвфемистичной и уважительной. По мнению последователей этой точки зрения, если читателю и попадаются непонятные места, то он может обратиться к апробированному и результативному методу толкования и комментирования (Болквадзе, 1997, с.49-50).

Некоторые разделяют взгляды архиепископа Михаила Мульдюгина. Архиепископ Михаил говорит: "Православный человек приходит в храм для молитвы и познания, а не для овладения каким-либо языком и наслаждения им". Современный переводчик библейских книг на грузинский язык пишет: "Для священного писания не существует привилегированных, окруженный особым ореолом святости языков. С этой стороны, как говорит апостол Павел, во Христе не существует ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни варвара, а мы добавим – ни нового и ни старого, ни флективно-синтетического, ни агглютинативного" (Кикнадзе, 1998, с.25).

Мы обсудили лишь некоторые вопросы социолингвистических атрибутов, важных для истории грузинского языка. Этим, конечно, не исчерпываются проблемы социолингвистической типологии. Они требуют дальнейшего исследования на материале других языков, которые используются в различных социополитических и культурных контекстах.

Литература:

Андроникашвили М. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям.

Тбилиси, 1966.

Болквадзе Т. Современный грузинский язык с точки зрения социолингвистики // Сборник, посвященный 70-летию дня рождения проф. З. Чумбуридзе. Тбилиси, 1997.

Джорбенадзе Б. Диалекты картвельских языков. Тбилиси, 1995.

Иоан Зосим. Хвала и Величие Грузинскому Языку. Тбилиси, 2000.

Кекелидзе К. История древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1981. Т. II.

Кикнадзе З. Сон Парнаваза // Известия АН Грузии: Серия языка и литературы. Тбилиси, 1984. №1.

Кикнадзе З. К вопросу о новом переводе Библии // Слово. 1998. №1.

Марр Н. Боги языческой Грузии. ЗВО, XIV, 1902.

Меликишвили Д. Из истории древнегрузинской философско-теологической терминологии. Тбилиси, 1999.

Сарджвеладзе З. Этапы развития грузинского литературного языка // Грузинский язык и литература в школе. 1991. №1-6.

Силадзе Р. Литературно-эстетические очерки. Тбилиси, 1975.

Чикобава Арн. Общая характеристика грузинского языка // Толковый словарь современного грузинского языка. Тбилиси, 1950. Т. I.

Шанидзе А. Древнегрузинский язык (краткий обзор) // Древнегрузинский язык и литература, Тбилиси, 1939.

Boeder W. Die Georgischen Mönche Aufdem Berge Athos Und Die Geschichte der Georgischen Schriftsprache, Bedi Kartlisa // Revue de Kartvelologie. 1983.

- Garvin P. The Standard Language Problem // Concepts and Methods. Anthropological Linguistics. 1959. Vol. 1, No.3.
- Haugen E., Linguistics and Language Planning // The Ecology of Language. Stanford University Press, 1979.
- Hymes D. The Anthropology of Communication // Human Communication Theory. Original Essays, 1967.
- Stewart A. An Outline of Linguistic Typology for Describing Multilingualism // Study of the Role of Second Languages in Asia, Africa and Latin America. Washington DC, 1962.
- Stewart A. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // Readings in the Sociology of Language / Ed. by S.A. Fishman. Mouton. The Hague-Paris, 1968.
- Ferguson Ch. A. Diglossia // Word. 1959.
- Ferguson Ch. A. Language Development. 1970.
- Fishman J. Sociolinguistics: A Brief Introduction. Rowley, Mass; Newbury House, 1970.
- Fishman J. National Languages and Languages of Wider Communication in the Developing // Nations. Stanford Union city Press, 1972.
- Fishman J. Language and Nationalism // Two Integrative Essays. Newbury House publishers. Massachussets, 1975.
- UNESCO: The Use of Vernacular Languages in Education, Monographs on Fundamental Education. Paris, 1953. No.8.

А.В. Голованова*
Пермь

Проблема языковой картины мира в польской лингвистике

Проблема языковой картины мира (ЯКМ) разрабатывается польскими лингвистами в тесной связи с проблемами языковой семантики, задачи которой на современном этапе польский исследователь П. Лозовский определяет так: "Основная проблема современной семантики – потребность изучения и описания механизма лексической категоризации не на структуралистской основе, а на когнитивной" (Łozowski, 1996, с.183). Согласно когнитивной концепции, язык не является автономной сущностью, а связан с другими познавательными процессами. В языке фиксируются и передаются другим поколениям результаты постижения окружающей действительности. Эти результаты закреплены в особой структуре – ЯКМ. Е.Бартминский так определяет ЯКМ: "ЯКМ – это закрепленные в языке и способах его употребления комплексные знания о человеке и мире" (Bartmiński, 2000, с.2). По мнению исследователя, эти знания включают в себя 1) полные характеристики предметов и исследующего субъекта; 2) способы структурирования этих знаний с помощью системы категорий; 3) убеждения и верования, участвующие в процессе вербальной коммуникации; 4) модели поведения. В зависимости от характера закрепленных знаний Е.Бартминский различает два типа ЯКМ. Первый он называет *видением мира*, а второй – собственно *картиной мира*. Структурным и функциональным центром ЯКМ первого типа является познающий субъект, смотрящий на мир. Такая ЯКМ основана на коннотативных значениях языковых единиц. В ней воплощены верования, убеждения и оценки гово-

* © А.В. Голованова 2002

рящих на данном языке. Второй тип ЯКМ представляет собой систему понятий, в его основе лежит десигнативный компонент значения. Как пишет Е.Бартминский, такая ЯКМ "не содержит так явно импликации субъекта, центр тяжести перенесен в ней на предмет, которым является то, что содержится в самом языке" (Bartmiński, 1999, с.103). О необходимости выделения двух типов ЯКМ говорит и Р.Токарский: "Два компонента значения слова, т.е. десигнация и семантическая коннотация, создают два взаимно перекрещивающихся, закрепленных в языке и выражаемых через язык способа упорядочивания мира, две техники формирования языковой картины мира, существующих в ней иерархизаций и оценок" (Tokarski, 1999, с.65).

Еще одним неоспоримым положением, лежащим в основе теории ЯКМ, является тезис о различиях ЯКМ разных лингво-культурных общностей. Эти различия обусловлены национально-культурной спецификой языков, связанной с условиями познания мира, особенностями процесса естественной категоризации. Но кроме этнической специфики, по мнению Е.Бартминского, существуют различия ЯКМ по стилям и жанрам в пределах одного языка. Такое разделение связано с понятиями "точка зрения" и "перспектива". Точка зрения – это "субъективно-культурный фактор, определяющий способ суждения о предмете, в том числе категоризацию предмета, выбор ономаσιологического основания при создании его названия" (Bartmiński, 1999, с.105). С понятием "точка зрения" связано понятие "перспектива", которое Е.Бартминский определяет как "набор свойств семантической структуры слов, коррелирующий с точкой зрения... Определяя эти свойства, получатель высказывания познает принятую точку зрения" (Bartmiński, 1999, с.106). Точка зрения, таким образом, определяет основание дефиниции и обуславливает различия значения слова в разных контекстах. Отдельные точки зрения могут сосуществовать, а иногда и гармонично взаимодействовать, что определяет целостность национальной ЯКМ. При этом "разнообразие закрепленных в языке и культуре точек зрения является мерой богатства культуры" (Bartmiński, 1999, с.111). Теория ЯКМ, в основе которой лежат понятия точки зрения и перспективы, которые определяют существование вариантов национальной ЯКМ, приводит к очень важному выводу: нельзя говорить о единой трактовке понятия в контексте всей национальной культуры. М.Мазуркевич-Бжозовская в своей статье "Два взгляда на труд. Перспектива интерпретации и значение слова" (Mazurkiewicz-Brzozowska, 1999) приводит в качестве примера различия в толковании понятия "труд" в текстах церковных проповедей и документов съездов коммунистической партии. Различие обусловлено разными точками зрения. Среди факторов, определяющих точку зрения, автор выделяет философско-мировоззренческий, социальный и исторический. На этом основании можно сделать вывод, что в языке воплощено множество точек зрения и перспектив, позволяющим говорящим выражать свои мысли.

Как уже было сказано выше, ЯКМ рассматривается в польской лингвистике как часть концептуальной картины мира (КМ). При этом в ЯКМ получают отражение не все понятия КМ. Это связано с тем, что язык более медленно подвергается изменениям, чем человеческое мировоззрение. В связи с этим И.Мачкевич говорит о **аисторичности** ЯКМ. Она пишет: "В современном языке сосуществуют несколько пластов, соответствующих разным этапам человеческого познания мира", и поэтому "ЯКМ можно реконструировать, однако было бы методологической ошибкой извлечение из этой реконструкции далеко идущих выводов о представлениях и убеждениях людей, которые в данный момент пользуются данным

языком" (Maćkiewicz, 1999, с.196). Но, с другой стороны, именно в силу своей инертности ЯКМ способна сохранять и передавать особый национальный взгляд на мир. В противном случае множество ЯКМ свелось бы к существующим типам мировоззрения.

Р.Гжегорчикова выделяет следующие элементы ЯКМ: грамматические свойства языка, лексику, словообразовательные средства, этимологию, семантическую коннотацию, поэтические (художественные) тексты (Grzegorzczukowa, 1999). Основным источником сведений о ЯКМ автор считает семантическую коннотацию, выражающую отношение говорящих и закрепленную в особых единицах (метафорах, фразеологизмах). Поэтические тексты могут служить лишь косвенным источником, так как их особенностью является как раз "нетрадиционность", нарушение стандартов языка. Они воплощают "факультативные коннотативные свойства со значительно меньшей степенью закреплённости" (Tokarski, 1996, с.102).

Результатом анализа всех этих данных должен стать новый словарь польского языка, в котором были бы представлены так называемые **когнитивные дефиниции**. Как пишет Е.Бартминский, цель таких дефиниций – "воссоздание способа или способов именованя предмета говорящими на данном языке, т.е. общественно сохраненных и познаваемых через язык и его употребление знаний о мире, категоризации его явлений, их характеристик и оценивания" (Bartmiński, 1988, с.169-170). Основой для создания такой дефиниции является тезис о неразрывной связи знаний о мире с языковой семантикой. Как пишет Р. Токарский, "семантические знания "погружены" в общих знаниях о мире, в знаниях реалий, культуры и т.п." (Tokarski, 1996, с.102). Однако такое "стирание границы" между семантикой и прагматикой значительно затрудняет создание лексикографических дефиниций и может потребовать от ученого построения почти энциклопедических описаний. В качестве решения этой проблемы Е.Бартминским и Р.Токарским была предложена формула **открытой дефиниции**. "Ее задачей является демонстрация понятийных моделей имен, в которых рядом с явными, сохраненными в системе свойствами, находится место и для коннотаций слабых, контекстных" (Tokarski, 1996, с.101). Целью польских лингвистов является создание на основе открытых когнитивных дефиниций двух словарей, соответствующих двум описанным выше типам ЯКМ, – "Словаря народных стереотипов" и "Словаря ценностей". В настоящее время вышло уже три тома "Словаря народных стереотипов". Словарные статьи объединяются в них по принципу семантических полей, в основе которых лежат естественные категории. Именно эти словари должны стать, по мысли авторов, материальным воплощением реконструированной польской ЯКМ.

Подводя итог, можно сказать, что в современной польской лингвистике разработана достаточно стройная концепция ЯКМ. Основами ее послужили идеи В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианства, с одной стороны, и когнитивной лингвистики и теории прототипов, с другой. Создана целая лингвистическая школа, занимающаяся разработкой теоретических и практических проблем, связанных с теорией ЯКМ, результатами которой должны стать новые словари польского языка, основывающиеся на принципах естественной категоризации и когнитивной дефиниции.

Литература:

- Bartmiński J. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji // *Konotacja* / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988.
- Bartmiński J. Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata // *Językowy obraz świata* / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1999.
- Bartmiński J. *Językowy obraz świata Polaków w okresie przemian* / Рукопись, 2000.
- Grzegorzczkova R. Pojęcie językowego obrazu świata // *Językowy obraz świata* / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1999.
- Łozowski P. Świat snów za światem słów: kategoryzacja *snu* w języku staroangielskim // *Językowa kategoryzacja świata* / Pod red. R. Grzegorzczkovej i A. Pajdzińskiej. Lublin, 1996.
- Maćkiewicz J. *Wyspa – językowy obraz wycinka rzeczywistości* // *Językowy obraz świata* / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1999.
- Mazurkiewicz-Brzozowska M. Dwa spojrzenia na pracę. Perspektywa interpretacyjna a znaczenie słowa // *Językowy obraz świata* / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1999.
- Tokarski R. Ramy interpretacyjne a problemy kategoryzacji // *Językowa kategoryzacja świata* / Pod red. R. Grzegorzczkovej i A. Pajdzińskiej. Lublin, 1996.
- Tokarski R. *Językowy obraz świata w metaforach potocznych* // *Językowy obraz świata* / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1999.

Цун Япин*
Шаньдунь (Китай)

Национально-культурная коннотативная лексика в русском и китайском языках

Как в русском языке, так и в китайском имеется лексическая группа, семантические особенности которой обусловлены национальной культурой. Это коннотативная лексика.

Коннотация в лингвистике понимается как дополнительные элементы в значении слова. Лексическое понятие восходит к классифицирующей и номинативной функциям языка, однако в слове имеется и семантический компонент, который не исчерпывается одним лишь лексическим понятием. По определению Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова, "вся совокупность непонятных СД, относящихся к слову, называется его лексическим фоном" (1990, с.43). Лексический фон и называется коннотацией. Одним словом, коннотация – это дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п. Эмоциональные и эстетические ассоциации, сопровождающие слово в рамках языковой культуры, существуют в различных культурах и языках. Их сходство и различие приобретают большое значение в процессе коммуникации. Сравнение лексических единиц одного языка с соответствующими единицами другого языка показывает, что семантические расхождения их нередко вызваны различиями предмета. Это могут быть как материальные расхожде-

ция реалий, так и расхождения в их социальной, а также эмоциональной значимости, т.е. различия в плане реалий и различия в плане культурных коннотаций.

И для китайцев, изучающих русский язык, и для русских, изучающих китайский язык, рассмотрение коннотативной лексики должно, на наш взгляд, основываться на безэквивалентных словах русского и китайского языков (в том числе и фоновых), совпадающих в двух языках своими денотатами (объективным содержанием), но не совпадающих своими коннотациями (эмоционально-эстетическими ассоциациями). Специфику национальной культуры русского и китайского народов отражает именно такая безэквивалентная, фоновая лексика. Скажем, слова *береза* и *сун шу* (сосна) вполне могут быть переведены на большинство языков мира, но для русского *береза* полно личных, родных воспоминаний и тесно связано с образом Родины, а *сун шу* (сосна) для китайцев символизирует непоколебимую волю и долголетие. У человека, который не знаком с русской или китайской культурами, не возникает никаких эмоционально-эстетических и эстетических ассоциаций. Поэтому в ходе изучения и преподавания русского или китайского языка надо уделять большое внимание коннотативной лексике. В национально-культурной коннотативной лексике мы можем выделить 4 наиболее важные группы.

1. Коннотативная лексика имеет тождественные социальные и эмоциональные значимости в двух языках. Интернациональная культура представляет собой общность культуры человечества, она формируется на основании человеческого сходного осознания окружающего мира. Именно она дает возможность обеснечить межкультурное общение между разными нациями. Например, русские слова *голубь, радуга*, а китайские *гэцзы* (голубь), *цайхун* (радуга); рус. *красный, белый, левый, правый*, кит. *хундэ* (красный), *байдэ* (белый), *цзудэ* (левый), *йодэ* (правый); рус. *орел, пень, тварь, шваль*, кит. *ш* (орел), *мутоугэда* (пень), *чушэн* (тварь), *фэйбу* (шваль) и т.п. В русском и китайском языках слово *голубь* одинаково символизирует мир или стремление к миру, а *радуга* – символ радости и надежды. Слова *красный, белый, левый, правый*, кроме своего прямого значения, приобретают общие социальные значимости, обозначают представителей правого, левого политических направлений, течений. Слова *орел, пень, тварь, шваль* имеют тождественное оценочное переносное значение. Слово *орел* является символом гордого, смелого, сильного человека; *пень* обозначает человека бесчувственного, тупого (например, в рус. *Разве этот пень может что-нибудь понять?*, а в кит. *Этот человек дурной, как пень*); а *тварь, шваль* могут означать "мусорного" человека, который ни к чему негоден. Такие и подобные слова демонстрируют совпадение двух культур, тождественно означают одни и те же коннотативные значения. Это межкультурная коннотативная лексика, которая вызывает общую ассоциацию у людей разных стран.

2. Коннотативная лексика, которая присутствует в одной культуре и отсутствует в другой. Именно такие слова обладают своеобразием как на уровне реалий, так и на уровне культурных коннотаций. Они относятся к числу коннотативно-безэквивалентной лексики. Из-за расхождения слов в плане культурной коннотации в межъязыковой коммуникации или при чтении художественных произведений часто возникают "помехи" и непонимание. Возьмем для примера слово *шляпа*. Русские хорошо понимают, что это слово, кроме значения головного убора, может означать вялого, безынициативного человека, растяпу. Такое слово, имеющее коннотативное значение, тесно связывается с русской историей и культурой: в древней Руси только богатые люди носили шляпу, а у бедных не было

денег купить ее; часто богатые люди вели себя рассеянно и небрежно. На этой основе возникло такое переносное оценочное значение, которое сохраняется до сих пор. Человек, не знает об этом значении слова *шляпа*, даже представить себе не может, что этому слову придан смысл оценки человека. Предложение Я – *шляпа* обязательно вызывает недоумение у китайцев, не усвоивших русскую культурную коннотацию, а потому не понимающих, что слово *шляпа* может означать рассеянного человека. В русском языке еще имеются подобные коннотативные слова: *жук* (о ловком человеке), *бирюк* (о нелюдимом человеке), *заяц* (о безбилетном пассажире), *зусь* (о ненадежном, плутоватом человеке), *кит* (о том, на ком держится все дело), *мешок* (о толстом, неповоротливом, неуклюжем человеке), *колпак* (о тупом, глупом, бестолковом, неученом человеке), *свистун* (о человеке легкомысленного поведения), *тряпка* (о бесхарактерном, слабовольном человеке), *слизняк* (о безвольном, ничтожном человеке) и т. д.

В китайском языке тоже существуют подобные коннотативные слова, которые передают чувственное, субъективное отношение человека к предметам, явлениям действительности, которые для русских являются непонятными. Русским не может прийти и в голову, что китайское слово *цутаньцзы* (сосуд для уксуса) может означать завистливого человека. Это тоже тесно связано с китайским обычаем. Уксус имеет кислый запах (вкус), является любимой приправой в китайской кухне. Если уксус умеренно используется в пище, то он полезен для здоровья человека, а если сверх меры, то вреден, опасен. На основе этого возникло переносное значение слова *уксус* (ревность), а *цутаньцзы* (сосуд для уксуса) постепенно превратилось в прозвище завистливого человека. В китайском языке имеются и другие подобные коннотативные слова: *яогуань* (горшок для варки лекарства – о вечно больном человеке), *хуанню* (бык – о трудолюбивом человеке), *цинва* (лягушка – о малознающем, невежественном человеке), *цывэй* (ож – о раздражительном, занозистом человеке), *чоучун* (клоп – об отвратительном человеке), *цань* (шелкопряд – о самоотверженном человеке), *цанин* (муха – о ничтожном человеке), *фаньтун* (кадка для риса – о никудышном человеке) и т. д.

К такой лексике примыкает еще одна группа слов, отягощенных коннотативными элементами, а именно лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Такая субъективно-оценочная лексика есть усиление выразительности, образности, увеличение воздействующей силы сказанного. Слова, выражающие субъективную оценку (*голубчик, голубушка, бабенка, девка, братец, букетик, дружок* и т.п.), несут весьма существенную эмоциональную информацию, которая с большим трудом передается в переводе с русского языка на китайский. В китайском языке слов с такими субъективно-оценочными оттенками гораздо меньше, чем в русском. Субъективная оценка в китайском языке выражается в словах такими аффиксами или суффиксами, как *-а*, *-эр*, *-цзы*, например: *ама* (маманя), *аде* (папаня), *аи* (тетушка); *лаопозэр* (старушка), *хуазэр* (цветик); *лаотоньцзы* (старичок), *шацзы* (дурачок) и т.д. Такие слова тоже трудно переводятся на русский язык.

3. Тождественная коннотативная лексика в двух культурах различается своей эмоциональной, социальной значимостью. Такая культурная коннотация направлена на формирование отношения, оценки, чувства людей. Эмоциональная, социальная значимость слова является основой определенного национального символического ореола. Подобная национальная символика слова отражает свое национальное своеобразие, вызывает национальные ассоциации. Но экспрессивная коннотативная лексика необязательно во всех языках эмоционально окраше-

на, потому что эмоциональные и социальные ассоциации во многих случаях не совпадают в двух языках. Иными словами, то, что близко одной нации, чуждо другой, то, что заряжено яркими ассоциациями для одной, сравнительно пусто для другой. Например, русские слова *береза, осина, дуб, рябина, черемуха, фикус, калина, аист, журавль, сойка, ива, вишня* и т.п. не только обозначают предметы, но и вызывают эмоционально-этические и эстетические ассоциации. Такие коннотативно окрашенные слова соотносятся с устойчивыми национальными ассоциациями, источники которых в самой жизни, в национальной литературе. К примеру, слово *береза* не столько типичное дерево русского леса, сколько символ, олицетворение Родины. Береза имеет тесную связь с Русью, Россией, поскольку береза всегда играла большую роль в традиционном быте русских. Во многих художественных произведениях о Родине, о войне, о победе встречается символическое слово *береза*. В художественной литературе часто используются также слова *рябина, черемуха, калина, вишня, ива*, которые символизируют любовные отношения молодых людей.

Слова, обозначающие эти же реалии, существуют и в китайском языке. Однако у китайцев они вызывают совсем другие ассоциации. *Береза* для русских символизирует Родину, а для китайцев это просто дерево, из которого изготавливают мебель; *аист* у русских – символ покоя в доме, семейного счастья, появления ребенка в семье, а у китайцев – это символ долголетия; *плачущая ива* у русских – печаль, а у китайцев – тишина, спокойное счастье; *сойка* у русских – крайне болтливый человек, а у китайцев – радость, семейное счастье; *тигр* у русских – хищный зверь, а у китайцев – мощь и власть; *дракон* у русских – чудовище в виде крылатого огнедышащего змея, а у китайцев – примета прошлого императора и долголетие и т.д. Цвета тоже вызывают разные ассоциации у двух народов. *Желтый* у русских ассоциируется с изменой в любви, а у китайцев – с весной, с императором; белый у русских – с чистотой и свежестью, а у китайцев – с несчастьем, со смертью. Сравнение человека с животными вызывает также разные ассоциации. Например, в русском языке: *храбрый как лев, трусливый как заяц, выносливый как лошадь*; а в китайском – *храбрый как тигр, трусливый как мышь, выносливый как верблюд*.

4. Коннотативная лексика в двух культурах обладает частично различающейся эмоциональной значимостью. Ассоциации, которые в некотором смысле совпадают или не совпадают с ассоциациями другой нации, свидетельствуют о том, что в межнациональной культуре существуют сходства и расхождения, обуславливающие своеобразие национальной специфики. Возьмем для примера слово *медведь*. Медведь у русского народа символизирует добродушие, простоватость, неуклюжесть, т.е. слово *медведь* таит в себе как бы два образа: грубый, сильный, тяжеловесный, но добрый человек и жених. В китайском языке медведем тоже называют неуклюжего, простоватого человека, но китайцы никак не представляют себе медведя как доброго человека, хозяина, жениха. В русском языке есть такая фраза: *Хозяин в доме, что медведь в бору. Медведь – хозяин*. В жизни русского народа есть символ-примета: видеть медведя во сне – значит быть свадьбой; *медведь – жених*. А китайцы только говорят: *Этот человек глупый, как медведь*. Очень интересно, что в Китае есть поговорка: *Сюн ся цзы бай бао ми* (медведь обрывает кукурузу), означающая напрасный труд. Этот образ восходит к известной китайцам басне, в которой рассказывается о том, как медведь собирает кукурузу: он обрывает одну штуку, роняя другую, – и в конце концов не может ничего собрать.

В интернациональной общности культура одной нации неизбежно находится под влиянием культуры другой нации, что вызывает известные изменения в значении слов. Например, слово *белый* в традиционном понимании китайцев передает символ несчастья, смерти. Поэтому на похоронах все в белом цвете, люди ходят в белых одеждах. С развитием общества слово *белый* приобрело другое значение – символ чистоты, счастья. Сейчас в Китае на свадьбе невеста носит свадебную одежду белого цвета. В результате этого в китайском языке *белый* имеет два значения: несчастье и счастье. Только с последним совпадает *белый* в русском языке.

На примере выше рассмотренных 4 групп лексических единиц можно сделать вывод, что своеобразие коннотативной лексики заключается как в своеобразии реалий, ею передаваемых, так и в специфике культурных коннотаций. Национально-культурная коннотативная лексика непосредственно отражает внеязыковую действительность, фиксирует и передает от поколения к поколению особенности природы, обычаи, отношения людей к окружающему их миру, общественное устройство разных стран. Поэтому при обучении учащихся русскому (или китайскому) языку надо уделять особое внимание усвоению ими знаний лингвострановедческого характера, которые помогут им в правильном понимании и интенсивном обогащении русской (или китайской) речи.

Литература:

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.

И.В. Дьяконова*
Пермь

Междисциплинарный подход к рассмотрению понятия "стереотип"

Несмотря на широкую распространенность и уже определившееся значение понятия "стереотип", его объем и содержание продолжают оставаться дискуссионными. Единой трактовки в определении данного понятия не существует до настоящего времени. Связано это с тем, что вопрос о стереотипе достаточно сложен, так как сам феномен "стереотип" может рассматриваться с разных точек зрения. Этому явлению уделяли и уделяют пристальное внимание философы, психологи, социологи, этнографы, лингвисты. В настоящее время специализированные подходы к стереотипу требуют синтеза полученных данных.

Принято считать, что понятие "стереотип" было введено в научное обращение в 20-х годах XX века У.Липпманом, который понимал под термином "стереотип" устойчивые стандартные представления и мнения, эталоны поведения и идеологические догмы, однако данное понятие уже анализировалось ранее Ф.Бэконом, Р.Декартом, Дж.Локком.

Проследим развитие понятия "стереотип" в научном обращении. Исторически сложилось так, что стереотип понимался как средство познания человека человеком на основе его принадлежности к определенной социальной или этнической группе или на основе его личностных особенностей (поведения, физических качеств, внешности). И, в зависимости от качественных характеристик изучаемой

* © И.В. Дьяконова 2002

группы, предлагалось выделять национальные, этнические, ролевые, профессиональные, классовые, гендерные, статусные и прочие стереотипы.

Следует отметить, что в первый период (с 20-х по 60-е годы XX века) изучение стереотипов являлось практически монопольной прерогативой западных, в основном американских, исследователей. В большинстве исследований данного периода стереотип в целом рассматривался как отрицательное, но неизбежное явление социальной практики. Основное внимание было направлено на изучение антропостереотипов.

Однако уже в 60-е годы XX века появляются первые работы отечественных авторов (И.С.Кон, Г.М.Копрагренко, В.А.Ядов), посвященные до этих пор не поднимавшейся в нашей науке проблеме социальных стереотипов. В качестве наиболее интересных исследований, предпринятых с тех пор отечественными учеными в данной области, следует отметить работы В.С.Агеева, Е.Егоровой-Гантман, Г.У.Козевой, В.Ф.Петренко, Н.А.Рождественской, П.Н.Шихирева и др. При этом для большинства отечественных исследователей (в отличие от западных коллег) характерным является поиск определенных позитивных стереотипов, а не однозначно негативная их оценка. С другой стороны, нашими учеными была продолжена сложившаяся на Западе традиция ориентации на изучение антропостереотипов.

Итак, начальный подход к определению понятия "стереотип" заключался в следующем: стереотип трактовался, вслед за У.Липпманом, как упрощенная картинка мира, возникающая в результате удовлетворения человеческой потребности видеть мир более понятным, чем он есть на самом деле. Данной точки зрения придерживались П.Брейли, Ф.Мерилл, Х.Элдридж, Р.Д.Ашмор, Ф.Тильман и др. Западные социологи, приняв тезис о стереотипах как о защите от сложности, неоднозначности мира, главной темой исследований сделали послужаю о нелогичности, ложности и несовершенстве социальных стереотипов. Начался длительный период поиска эмпирических фактов, неопровержимо подтверждающих отрицательный характер стереотипов. Исследователи делали вывод, что социальные стереотипы вредны, они были объявлены источником или причиной социальной несправедливости. Такие пути развития теории вели в тупик, ибо не ставили задачи найти ответы на основные вопросы о причинности, механизмах формирования социальных стереотипов.

В дальнейшем социальные стереотипы начинают исследоваться как относительно устойчивые когнитивные структуры, связанные со схематизацией общественного опыта, служащие фильтром для вновь поступающей информации. Среди отечественных ученых этой точки зрения придерживаются В.С.Агеев, В.Н.Куницына, В.П.Трусов, П.Н.Шихирев, В.А.Ядов и др. В этой связи наиболее полным и точным, по нашему мнению, является определение социального стереотипа, данное В.А.Ядовым: "Стереотип – схематичный, стандартизированный образ или представление о социальном объекте, эмоционально окрашенные и обладающие высокой устойчивостью... В основе социального стереотипа находится реальный психологический феномен, представляющий один из компонентов установки восприятия, которая аккумулирует предшествующий опыт индивида в своеобразный алгоритм отношения к соответствующему объекту" (Ядов, 1989, с.626-627). Как видим, в этом определении преодолевается ограниченность оценочного подхода к феномену "стереотип" с точки зрения дихотомии "хорошо – плохо".

В работах, посвященных явлению стереотипа, указывается и на то, что стереотип – это неотъемлемый элемент обыденного сознания. Ни один человек не в

состоянии творчески, самостоятельно реагировать на все встречающиеся ему в жизни ситуации. Стереотип, аккумулирующий некий стандартизированный коллективный опыт, внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение. Суть стереотипа в том, что он выражает отношение данной социальной группы к определенному явлению.

Психологической основой явления стереотипа является установка, т.е. определенное направление личности, состояние готовности, тенденция к определенной деятельности, способной удовлетворить какие-то потребности человека. В отечественной науке теорией установки занимались Л.М.Дробижина, Ш.А.Надирашвили, Д.Н.Узнадзе, В.А.Ядов и др.

Ситуации и аспекты взаимодействия людей в их повседневной жизни часто повторяются и поэтому стереотипны. В свою очередь повторяемость и стереотипность жизненных ситуаций приводят к образованию стереотипов в речи. С другой стороны, появление стереотипных высказываний обусловлено направленностью языка на общение, которая вызывает потребность в стандарте. Это подчеркивали В.П.Левкович, Е.Д.Поливанов, В.М.Соковнин.

Для характеристики явления стереотипизации в лингвистике используются термины: штамп, клише, стандарт, шаблон, трафарет, стереотип. Создается впечатление, что перед нами стройный синонимический ряд. Тем не менее указанные понятия необходимо терминологически различать. На это указывали еще Т.М.Дридзе, В.Г.Костомаров, Н.Н.Кохтев, Г.Я.Солганик, Ю.А.Сорокин.

Так, Г.Я.Солганик пишет: "Чтобы избавиться от терминологической путаницы, следует наряду со словом "штамп" ввести другой термин, например "словесное клише". Шапмы – это словесное клише с выветрившимся лексическим значением, стертой экспрессивностью. Шапмы – несомненный недостаток стиля. Словесное клише – необходимый и закономерный компонент любой речи" (Солганик, 1968, с.46-47).

О разграничении терминов "штамп" и "клише" говорит и Н.Н.Кохтев: "Одни – шапмы – от частого или нецелесообразного употребления выступают со стертой семантикой, потускневшей эмоционально-экспрессивной окраской, становясь вялыми, худосочными, воспринимаемая как инородные в контексте. Другие – клише, наоборот, несмотря на частое употребление, сохраняет свою семантику, используя как положительные конструктивные единицы" (Кохтев, 1968, с.40).

В.Г.Костомаров противопоставляет штампу другое речевое явление, используя термин "стандарт": "На мой взгляд, надо терминологически различать стандарт и штамп, называя штампом лишь тот стандарт, особенно лексический, который наносит – при некорректном с ним обращении и излишнем повторении – вред мыслям. Стандарт – лингвистическое явление, штамп – психологическое" (Костомаров, 1968, с.72-73).

Т.М.Дридзе предприняла попытку разграничить функционирующие стереотипы (клише) и дисфункциональные стереотипы (шапмы) на основе оценки текста языковым сознанием его получателя. "Языковые клише, – отмечает Т.М.Дридзе, – это всякая готовая языковая формула, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях. Наличие таких языковых формул нормально, необходимо и позволяет поставлять относительно общезначимую и общепонятную информацию. Речевым штампом становится языковое клише, которое по той или иной причине потеряло для интерпретатора свою привычную, или текстовую, информационную нагрузку, стало незначимым для получателя информации, иными словами, стало

дисфункциональным. Такое клише мы называем "штампом сознания" (Дридзе, 1980, с.139).

Ю.А.Сорокин пишет, что "стереотипизация (как результат) осознается индивидуумом в форме таких видовых понятий, как стандарт и норма (родовым в этом случае выступает понятие стереотип), причем стандарт является реализацией некоторой семиотической и/или технологической модели на социальном и социально-психологическом уровнях, а норма является реализацией такой модели на языковом и психологическом уровнях... В свою очередь, и стандарт, и норма существуют для того или иного реципиента (индивидуума) в двух, по крайней мере, подвидах: штампам и клише" (Сорокин, 1985, с.10).

Таким образом, понятия стереотип, шаблон, штамм, клише, трафарет, стандарт следует разграничивать. С нашей точки зрения, в синонимический ряд выстраиваются термины речевой стереотип, клише, стандарт как всякие готовые речевые формулы, критерием для выделения которых служит регулярность их появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях. Основной чертой данных явлений выступает их нейтральная оценка, а из преимуществ можно назвать соответствие психологическим стереотипам как отражению в сознании часто повторяющихся явлений действительности, легкую воспроизводимость данных готовых речевых формул, автоматизацию процесса воспроизведения, облегчение процесса коммуникации, экономию усилий, мыслительной энергии и времени как для говорящего (пишущего), так и для слушающего (читающего).

Явлениями одного порядка необходимо считать и штамп, шаблон, трафарет. Это "вторичная продукция", ею становятся речевые стереотипы, которые по той или иной причине потеряли свою первоначальную информационную нагрузку, стали бессмысленными, незначимыми для получателя информации. Термины штамп, шаблон, трафарет имеют негативно-оценочное значение и относятся, главным образом, к бездумному и безвкусному использованию средств языка. В этом состоит их отличие от нейтральных понятий стереотип, клише, стандарт, имеющих информативно-необходимый характер и относящихся к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы.

Итак, бесспорным является тот факт, что стереотип – это сложное социально-психологическое и лингвистическое понятие. Сложность взаимодействия целого ряда факторов – социального, психологического, этнокультурного, эмоционального, языковедческого и др. – послужила причиной создания нескольких классификаций стереотипов и применения различных подходов к их изучению. Все они в той или иной степени объясняют положительное восприятие стереотипов, их информационную нагрузку и функции.

Так, в социально-психологических науках стереотип понимается как устойчивая совокупность представлений, складывающихся в сознании и на основе личного жизненного опыта, и с помощью многообразных источников информации.

В свою очередь, общественная практика, отраженная в языковом сознании, порождает языковые стереотипы, способствующие успешной коммуникации. Степень эффективности стереотипных явлений варьируется в зависимости от ряда факторов. К положительным относятся стереотипизация, стандартизация, клишированность, к отрицательным – штампованность, трафаретность, шаблонность. В ряду этих феноменов стереотип выступает как родовое понятие, как экономящая наши усилия, помогающая ориентироваться в условиях избытка информации, регулярно появляющаяся в определенных повторяющихся речевых ситуациях, отражающая взгляды данного языкового коллектива на определенном

этапе развития общества всякая готовая формула. Следовательно, стереотип – это функциональная языковая единица, используемая для нужд общения, связанная с отражением в языке мыслительных процессов.

Литература:

- Дрилзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.
- Костомаров В.Г. Эстетствующее фразерство и проблема стандарта // Вестник Московского университета. Серия 11. Журналистика. – 1968. - № 4.
- Кохтев И.Н. Клише и газетная речь // Вестник Московского университета. Серия 11: Журналистика. 1968. № 3.
- Солганик Г.Я. О штампах и газетном языке // Вестник Московского университета. Серия 11: Журналистика. 1968. № 2.
- Сорокин Ю.А. Отечественные исследования по массовой коммуникации // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 1985.
- Ядов В.А. Стереотип социальный // Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

Е.В. Ерофеева, А.Н. Кудлаева*
Пермь

Вариативность экспозиции спонтанного текста

В современной теории текста принято в качестве его структурных элементов выделять экспозицию, тело и постпозицию (Кожевникова, 1979; Пропп, 1928; Штерн, 1991). Предметом нашего исследования послужила экспозиция спонтанных текстов. Традиционно экспозиция определяется как структурный элемент текста, занимающий начальное положение и выполняющий функцию завязки, т.е. введения в тему текста. Классическим примером экспозиции служат традиционные формулы начала сказок или этикетные формулы в устной речи.

Однако структура текста может трансформироваться в соответствии с коммуникативной ситуацией. Можно сказать, что инвариант текстовой структуры выступает в различных вариантах в зависимости от общих условий коммуникации. В современной речевой ситуации города достаточно большое место занимают такие коммуникативные ситуации, при которых коммуниканты оказываются незнакомы друг с другом. Одной из таких ситуаций является ситуация торговли, в частности на рынке (она характеризуется большим разнообразием тем и менее формальной обстановкой, чем ситуация магазинной торговли). Почти каждый из горожан оказывается в ситуации рыночной торговли и, следовательно, является творцом соответствующих текстов. С этой точки зрения речь рынка оказывается вписанной в общую картину городской речи. Для коммуникативной ситуации рынка характерны следующие черты. 1) Во взаимодействие вступают незнакомые между собой люди, цели которых, с одной стороны, противоположны (продавцу нужно продать товар, покупателю – купить), а с другой – взаимообусловлены самой ситуацией рынка; при этом социальный статус человека на рынке почти никогда не вызывает сомнений: мы всегда знаем, покупатель или продавец перед нами. 2) Общению между продавцом и покупателем свойственны неподготовленность и непринужденность и, как следствие этого, устная форма речи и активное использование невербальных средств коммуникации. Все эти условия отражают-

* © Е.В. Ерофеева, А.Н. Кудлаева 2002

ся на структуре рыночных текстов вообще и своеобразно преломляются в диалогических и монологических текстах.

Наиболее очевидные изменения в структуре текстов рынка претерпевает экспозиция текстов. С точки зрения структуры экспозиции текстов в спонтанной речи можно выделить собственно экспозицию и экспозицию, включающую в себя элементы тела текста.

К собственно экспозиции мы относим невербальный компонент завязки текста (подход покупателя к продавцу, обращение внимания покупателя на товар, обращение внимания продавца на покупателя и сопутствующие этому действия) и собственно вербальный компонент экспозиции – первая реплика продавца, покупателя или ее определенная часть (обычно начальная). Эта реплика обычно бывает семантически пустой (этикетные формулы, обращения, указательные местоимения, междометия и т.п.) и не содержит информацию о товаре. Кроме того, к экспозиции может относиться и общий интонационный рисунок фразы (вопрос, просьба, побуждение, утверждение), реализованный в данном случае на отрезках речи, содержащих перечисленные лексемы.

Экспозиция, включающая в себя элементы тела текста, отличается от собственно экспозиции тем, что кроме вышеперечисленных элементов она может реализовываться одновременно с элементами тела текста, т.е. наблюдается соединение двух структурных составляющих элементов текста – экспозиции и тела.

Отметим, что в спонтанных текстах вербальный и невербальный компоненты обычно сосуществуют во времени и сопровождают друг друга. Невербальный компонент играет не менее важную роль, чем вербальный, а иногда занимает и ведущую позицию (в примерах невербальный компонент дан курсивом).

Рассмотрим типы начала текстов в коммуникативной ситуации рынка (экспозиции в тексте выделены жирным шрифтом).

1. Собственно экспозиция находится в начале текста и может быть представлена:

– этикетными формулами

Покупатель: *Подходит к продавцу.* – Извините!

Продавец: *Обращает внимание на покупателя.*

Покупатель: Сколько стоит ваш лак?

Покупатель: *Подходит к продавцу.* – Здравствуйте!

Продавец: *Обращает внимание на покупателя.* – Здравствуйте, здравствуйте!

Покупатель: Мне опять килограмм яблочек!

– обращениями покупателя к продавцу или продавца к покупателю

Покупатель: *Подходит к продавцу.* – Девушка!

Продавец: *Обращает внимание на покупателя.*

Покупатель: А абрикосы действительно сладкие?

Продавец: Эй, хозяйка!

Покупатель: *Обращает внимание на продавца.*

Продавец: Идем, мяско выберем, хорошее мяско, свежее!

– вопросами или репликами продавца или покупателя, еще не содержащими конкретной темы текста, произнесенными с вопросительной или побудительной интонацией

Покупатель: *Подходит к продавцу.*

Продавец: *Обращает внимание на покупателя.* – Что для вас?

Покупатель: Килограмм яблок по 24.

Покупатель: *Подходит к продавцу.* – Скажите...

Продавец: *Обращает внимание на покупателя.*

Покупатель: *Эта* «Венгерка» у вас мягкая, рассыпчатая?

Нередко собственно экспозиция текста может совмещать в себе все выше перечисленные виды завязки текста.

Покупатель: *Подходит к продавцу.*

Продавец: *Обращает внимание на покупателя.* – Молодой человек, что желаете?

Покупатель: Яблок желаю.

(Обращение продавца к покупателю + вопрос.)

Продавец: *Девушка, посмотрите на меня!*

Покупатель: *Обращает внимание на продавца.*

Продавец: У меня на вас прекрасные ботинки.

(Обращение продавца к покупателю + призыв обратить внимание на продавца.)

Продавец: *Подходите, девушка!*

Покупатель: *Обращает внимание на продавца.*

Продавец: Очень спелый, вкусный виноград.

(Призыв продавца обратить внимание на него + обращение продавца к покупателю.)

К экспозиции принадлежит только первое слово реплики продавца или покупателя (призыв продавца купить, посмотреть, померить товар; вопрос, пожелание, просьба покупателя, представленные в основном указательными местоимениями *это, вот*) или первое слово ответа продавца или покупателя (междометия, соединительные союзы), произнесенные с интонацией вопроса, призыва, побуждения, просьбы и т.п.

Продавец: *Подходим, смотрим!* Импортные трикотажные изделия производства Сирии и Турции.

(Призыв продавца к покупателям обратить внимание на его товар, который произносится с побудительной интонацией, относится к вербально выраженной экспозиции.)

Покупатель: *Подходит к продавцу.* – Это воротники?

Продавец: *Обращает внимание на покупателя.* – Да.

(Местоимение *это* первой фразы покупателя, а также интонационный рисунок фразы относятся к вербальному выражению экспозиции текста, которая продолжается телом *воротники*.)

2. Экспозиция и тело текста могут быть формально совмещены в одной фразе (выкрики-призывы, выкрики-завывы продавца, фразы покупателя с вопросительной, повелительной интонацией, интонация просьбы) и являются неразрывным целым. Однако фактически к вербально выраженной экспозиции относится только побудительная, повелительная или вопросительная интонация фраз.

Продавец: Арбузы, дыни!

Покупатель: *Обращает внимание на продавца.* – Почему?

(Первая реплика продавца – призыв к покупателю, является телом текста, а побудительная интонация реплики – экспозицией текста.)

Покупатель: *Подходит к продавцу.* – Рубашки женские джинсовые есть?

Продавец: **Обращает внимание на покупателя.** – Конечно.
(Первая реплика покупателя, обращенная к продавцу, является телом текста, а вопросительная интонация фразы относится к экспозиции текста.)

Экспозиция текста может пересекаться с телом текста, т.е. часть тела текста вклинивается в середину экспозиции (Э-Т-Э).

Покупатель: **Подходит к продавцу.** – Мне туфли на 39 покажите.

Продавец: **Обращает внимание на покупателя.** Вот.

(Начало первой реплики покупателя (местоимение *мне*), а также просьба покупателя показать товар (*покажите*), произнесенные с интонацией просьбы, относятся к вербально выраженной экспозиции, которая, в данном случае, разделяется телом текста – *туфли на 39*.)

Покупатель: **Подходит к продавцу.** – Это майонез, да?

Продавец: **Обращает внимание на покупателя.**

Покупатель: Он жидкий, наверное, да?

Продавец: Да, жидковатый.

(Часть первой реплики покупателя, обращенной к продавцу (слово *это*) и междометие *да*, а также вопросительная интонация, с которой произносится фраза, являются вербальным выражением экспозиции текста, внутри которой находится тема текста – *майонез*.)

Экспозиция текста может предшествовать его телу, т.е. тело в структуре текста опережает экспозицию.

Продавец: Брусничку **не желаете, молодые люди?**

(В данном случае тема тела текста (*брусничку*) опережает экспозицию, которая вербально представлена обращением к покупателю, а также интонационным рисунком вопроса.)

Продавец: Мяско **выбираем, пожалуйста!** Какое надо? Давайте покажу. Недорого.

(Тема тела – *мяско* – находится в начале текста, т.е. опережает экспозицию текста, представленную в данном случае призывом продавца к покупателю и этикетной формулой, а также побудительной интонацией.)

Таким образом, в спонтанных диалогических и монологических текстах экспозиция, выполняющая роль начала разговора, функцию привлечения внимания покупателя или продавца, более лабильна в структуре текста в условиях коммуникативной ситуации рынка, где используются только устные формы текста. Она может быть выражена обособленно, являясь собственно экспозицией, одновременно с телом или даже после некоторых элементов тела. Однако функция привлечения внимания и указания на начало контакта остается неизменной. Поэтому следует говорить о том, что именно данная семантическая, или смысловая, сторона экспозиции является ее определяющей стороной, а место ее в тексте зависит от типа текста и коммуникативной ситуации. Место экспозиции можно определить только так: "ближе к началу". Таким образом, к инвариантным свойствам экспозиции относится ее функция в тексте, а место экспозиции является вариативным.

Литература:

Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как в целом // Синтаксис текста. М., 1979.

Пропп В. Морфология сказки. М., 1928.

Штерн А.С. Восприятие текста // Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск., 1991. С.69-162.

Зависимость ассоциирования от когнитивных характеристик ребенка**

Интерес к ассоциациям со стороны психологов и лингвистов не в последнюю очередь обусловлен возможностью на их материале исследовать индивидуальность. Попытаемся определить, какими психологическими особенностями ребенка определяется предпочтение экстралингвистического или языкового (лингвистического) ассоциирования. Итак, цель настоящей работы – выявление зависимости типа вербальных ассоциаций от основных когнитивных характеристик ребенка.

Уточним основные понятия. Вербальные ассоциации – это непроизвольно актуализирующиеся в сознании взаимосвязи единиц лексикона, отражающие частотность совместной встречаемости слов и обозначенных ими объектов в индивидуальном опыте человека. Эти связи можно охарактеризовать количественно и качественно. Качественная характеристика представлена типологией ассоциативных реакций. Количественная характеристика ассоциации отражает силу связи со стимулом, т.е. вероятность возникновения реакции. Вероятностная и типологическая характеристики ассоциаций взаимосвязаны: частотные ассоциации закрепляют речевые и мыслительные автоматизмы, тем самым упрощая смысловое программирование высказывания. Среди частотных ассоциаций встречаются синтагматические, тематические и парадигматические. В соответствии с принадлежностью к языковым и неязыковым знаниям синтагматические и парадигматические ассоциации определяют как лингвистические, а тематические – как экстралингвистические. Синтагматические ассоциации составляют со словом-стимулом основу грамматически оформленного словосочетания (*МАТЬ* → *молодая*; *ДОМ* → *стоять*). Лингвистические парадигматические и экстралингвистические тематические (референтные) ассоциации не противопоставлены жестко. Между "чистыми" парадигматическими (гипо- и гиперонимы, синонимы, антонимы) и тематическими существует переходная зона от сигнификативных к денотативным реакциям. Переходная зона представлена опосредованными ассоциативными связями, отражающими взаимосвязи между категориями. Например, взаимосвязь между стимулом *ВОДА* и реакцией *газ* эксплицирует связь между жидким и газообразным состояниями вещества (*вода* в данном случае осознается прежде всего как *жидкость*). Парадигматические и тематические ассоциации можно разграничить как реакции, отражающие автоматизированные операции логического мышления (включение в категорию, отождествление и противопоставление) и реакции, закрепляющие частотные ситуативные, частотные объектные и другие частотные предметные "нелогические" связи (*КНИГА* → *чтение*; *ДОМ* → *сад*). Частотность ассоциаций определенного типа отражает индивидуальные особенности речемыслительной деятельности носителя языка. Приоритетная стратегия ассоцииро-

* © И.Г. Овчинникова 2002

** Исследование поддержано РФФИ (гранты 00-06-80160; 00-15-98855)

вания характеризует существенные для языковой личности способы установления взаимосвязей единиц ментального лексикона.

Материал исследования. Рассмотрим устные ассоциации на 27 стимулов-существительных, полученные от 60 детей шести лет (34 девочки, 26 мальчиков). В эксперименте использовалась компьютерная версия ассоциативного теста (Ахутина и др., 1997). Ассоциативные реакции записаны на CD и хранятся в лаборатории нейропсихологии МГУ и в Пермском университете. Количество ассоциаций на каждое слово варьирует от 40 на стимул *ИГРУШКА* до 57 на стимул *ВЕЩА* (всего 1264 реакции).

Когнитивные характеристики детей любезно предоставлены психологом М.Н. Соколовой. В качестве количественных показателей мы использовали данные об уровне развития наглядно-образного мышления и произвольной памяти. В качестве дополнительного фактора, не связанного с когнитивными характеристикам ребенка, но влияющего на его языковую компетенцию, рассматривался гендер.

Метод исследования. Влияние выбранных когнитивных характеристик на предпочтение стратегий ассоциирования устанавливалось при помощи дисперсионного анализа (ДА). Цель использования ДА – выявить, какой фактор в большей мере влияет на количество ассоциаций разных типов: уровень развития наглядно-образного мышления, уровень развития произвольной памяти, гендер. В таблице 1 приведены результаты ДА материала (методику см.: Штерн, 1992). При ДА в качестве результирующих рассматривались признаки: количество парадигматических ассоциаций, количество синтагматических ассоциаций, количество тематических ассоциаций. Заметим, что в целом у детей среди устных ответов преобладают тематические (т.е. экстралингвистические) реакции.

Таблица 1

ДА устных ассоциативных реакций: степени влияния (η^2) и критерии достоверности (F) (F стандартное = 2,8 при $P > 0,95$)

Реакции	Наглядно-образное мышления		Произвольная памяти		Гендер	
	η^2	F	η^2	F	η^2	F
Парадигматические	0,207	2,08	0,177	1,91	0,211	2,39
Синтагматические	0,137	1,27	0,140	1,94	0,246	6,81
Тематические	0,007	0,05	0,111	1,14	0,036	0,75

Обсудим результаты, представленные в таблице 1. Полученные критерии достоверности превосходят стандартное значение в случае, выделенном подчеркиванием. В этом случае мы имеем закономерность, которая проявляется не только в нашей выборке, но и во всей генеральной совокупности. Гендер, влияющий на количество синтагматических ассоциаций у наших испытуемых, и в других случаях влияет на количество синтагматических реакций у шестилетних детей. У мальчиков синтагматических реакций существенно больше, чем у девочек. При этом можно уточнить: чем лучше развита произвольная память, тем больше синтагматических реакций у мальчиков. Заметим, что при снижении уровня значимости гендер существенно влияет и на количество парадигматических ответов

(критерий достоверности чуть ниже стандартного при $p > 0.95$). Устные парадигматические ассоциации чаще приводят девочки.

В остальных случаях мы не обнаружили достоверного влияния исследуемых факторов на предпочтение стратегий ассоциирования. Однако это не означает, что ни уровень развития наглядно-образного мышления, ни уровень развития произвольной памяти не оказывают никакого влияния на предпочтение ребенком определенной стратегии ассоциирования. Влияние этих факторов проявляется на нашем материале, но мы не можем распространять данную закономерность на всю генеральную совокупность. Степень влияния уровня развития наглядно-образного мышления и произвольной памяти ниже, чем фактора гендер. Вероятно, насколько позволяют судить данные психологов, исследуемые факторы связаны сложной непрямой зависимостью: при тестировании способностей отмечаются более высокие показатели у девочек по сравнению с мальчиками (Обухова, 1998). Возможно, способ оценки уровня развития исследуемых когнитивных функций недостаточно надежен для определения значимых различий между детьми. Тем не менее по показателю степени влияния заметно, что на количество парадигматических реакций в большей мере влияет уровень развития наглядно-образного мышления, в то время как количество синтагматических реакций в большей мере зависит от уровня развития произвольной памяти.

Таким образом, естественной стратегией порождения реакций в устном свободном ассоциативном эксперименте для шестилетних детей является тематическая. Это означает, что в этом возрасте наиболее актуальны экстралингвистические связи обозначенных словом реалий. Отступление от "нормативной" стратегии реагирования предопределено прежде всего гендером. Для девочек характерны парадигматические, т.е. автоматизированные логические, взаимосвязи единиц ментального лексикона, для мальчиков – синтагматические, т.е. коммуникативные, взаимосвязи. Выявленная закономерность отражает сравнительно быстрое освоение парадигматических системных связей лексикона национального языка шестилетними девочками. Для шестилетних мальчиков более актуальны текстовые, а не системные связи, что можно интерпретировать как "коммуникативную готовность" мальчиков.

Литература:

- Ахутина Т.В., Курганская М.Е., Курганский А.В. Грамматический прайминг-эффект в русском языке // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Тезисы докладов. М., 1997.
- Обухова Л.Ф. Детская психология: теория, факты, проблемы. М., 1998.
- Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.

Осмысление слова – начальный этап формирования лексического навыка на иностранном языке

Обычно исследователи-методисты, рассматривая особенности понимания, усвоения и сохранения в памяти новой иноязычной информации, акцентируют свое внимание на стратегиях освоения отдельных уровней иностранного языка (фонетического, лексического, грамматического). В данном исследовании мы обратились к проблеме освоения лексического уровня английского языка. С методической точки зрения усвоение лексики – это сложный и многогранный процесс, который должен вести к выработке лексического навыка как "способности автоматизировано вызывать из долговременной памяти эталон слова, словосочетания, готовой фразы для решения коммуникативной задачи" (Мишьяр-Белоручев, 1987, с.5). При таком понимании лексический навык близок к процессу ассоциирования, который можно наблюдать в ситуации ассоциативного эксперимента. Традиционно в эксперименте перед информантами ставится коммуникативная задача: отреагировать на данное слово другим, первым пришедшим в голову словом. Появление другого слова и будет указывать на определенную степень сформированности лексического навыка.

Для выявления степени сформированности лексического навыка среди студентов первых курсов неязыковых факультетов вуза, впервые начавших изучать английский язык (54 человека), в письменной форме был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В ходе эксперимента использование языкового кода никак не оговаривалось.

Эксперимент проводился дважды: на этапе первоначального овладения словарным минимумом (после первых трех месяцев обучения) и на этапе первичного расширения этого минимума (после шести месяцев обучения). Для каждого эксперимента были составлены списки слов с показателем субъективной частоты: в первый список вошло 43 лексические единицы, во второй – 52. Словники были составлены на основе двух экспериментов, проведенных по упрощенной методике субъективного шкалирования с преподавателями английского языка, работающими в это время со студентами первых курсов неязыковых факультетов. В оба списка вошли знаменательные слова (существительные, глаголы, прилагательные) с единичными вкраплениями служебных слов (союзы, местоимения, вопросительные слова). Количественное соотношение частей речи в обоих списках примерно одинаково: почти половина слов – существительные, около четверти – глаголы и незначительное число (7 %) прилагательных. Большинство слов в списках являются одно- или двусложными и простыми по словообразовательной структуре. В первом списке была представлена тематическая лексика учебных разговорных блоков: 'My Family', 'I am a Student', 'Leisure'; во втором – 'My Flat', 'My Native City', 'Weather'. В обоих списках, примерно 10% слов были представлены коммуникативной лексикой учебной ситуации.

В результате обработки экспериментального материала, полученного в ассоциативном эксперименте, были выявлены следующие стратегии осмысления иноязычного слова, формирующие лексический навык: 1) соответствие иноязычного слова со словом родного языка по звукобуквенному сходству; 2) соответне-

* © Т.И. Доценко, Ю.Е. Лещенко 2002

ние иноязычного слова со словом родного языка по семантическому сходству; 3) достраивание слова-стимула до целостного словосочетания изучаемого языка. Количественное соотношение этих стратегий представлено в таблице 1.

Таблица 1

Частота стратегий осмысления иноязычного слова (%)

Стратегия осмысления слова	Эксперимент 1	Эксперимент 2
Соотнесение со словом родного языка по звукобуквенному сходству	27	2
Соотнесение со словом родного языка по семантическому сходству	64	97
Включение слова в иноязычный контекст	9	1

Данные таблицы 1 показывают, что на этапе первоначального овладения словарным минимумом (эксперимент 1) в качестве ведущих выступают две стратегии: 1) соотнесение иноязычного слова со словом родного языка по сходству звукобуквенного облика; 2) соотнесение значения иноязычного слова со словом родного языка по сходству значения. На этапе же первичного расширения словарного минимума (эксперимент 2) только вторая стратегия сохраняет статус ведущей. Две другие стратегии: достраивание иноязычного словосочетания и объяснение слова - для обоих этапов обучения характеризуются как индивидуальные.

Рассмотрим подробнее эти стратегии.

1. Соотнесение иноязычного слова со словом родного языка по звукобуквенному сходству. На этапе первоначального овладения словарным минимумом эта стратегия представлена примерно одной третью ответов, и такие ответы в первом эксперименте распределялись по всему частотному словнику равномерно. На этапе же первичного расширения словарного минимума число таких ответов резко снижается, но они продолжают сохраняться как по отношению к высокочастотной, так и низкочастотной части словника.

Исследователями в области восприятия речи давно установлена следующая закономерность: слова, которые встречаются более часто, опознаются быстрее, лучше и с меньшим количеством ошибок, чем более редкие (Сазонова, 1999). Однако зависимость исследуемой стратегии от группы высокочастотных слов, позволяет в целом говорить о недостаточной сформированности механизма восприятия английского слова. По-видимому, несформированность механизма восприятия блокирует работу механизма семантического осмысления слова и направляет вектор поиска похожего слова в сформированный идиолексикон родного языка. Поиск слова родного языка осуществляется через опору на акустический и/или графический облик английского слова и установление формальных, звукобуквенных связей между экспонентами английского и русского слова. Результатом этого процесса являются русские слова, близкие английским либо по звучанию: *tea* – *ты*, *book* – *бука*, *call* – *кол* (фонетические реакции), либо по написанию: *son* – *сон*, *funny* – *финик*, *come* – *кома* (графические реакции). В дальнейшем такие звукобуквенные связи между экспонентами слов изучаемого и родного языка часто используются учащимися как мнемонические опоры при заучивании слов иностранного языка.

2. Соотнесение иноязычного слова со словом родного языка по семантическому сходству. Эта стратегия предполагает передачу содержания иноязычного слова средствами родного языка и может быть условно соотнесена с пере-

водом. В материалах эксперимента были выявлены следующие варианты перевода: ошибочный, приблизительный, адекватный, тождественный. Количественный анализ стратегий соотнесения иноязычного слова со словом родного языка по семантическому сходству представлен в таблице 2.

Таблица 2

Частота стратегий соотнесения иноязычного слова со словом родного языка по семантическому сходству (%)

Стратегия осмысления слова	Эксперимент 1	Эксперимент 2
Ошибочный перевод	19	9
Приблизительный перевод	2	4
Адекватный перевод	11	6
Тождественный перевод	32	73
Перевод слова по частям	0	5
Всего	64	97

Рассмотрим каждый из этих вариантов отдельно.

А. Ошибочный перевод. Эта стратегия, как и предыдущая, обуславливается ошибочным восприятием английского слова. Но если стратегия поиска слова по звукобуквенному сходству совершалась на оси межязыкового сходства слов, то в основе ошибочного перевода лежит уже внутриязыковое сходство слов: английское слово воспринимается как орфографически сходное и содержание орфографически сходного слова переводится на родной язык.

Судя по материалу, при ошибочном восприятии английского слова большей вариативности подвергаются корневые гласные: *meet* (ср. *meat*) – мясо; *bad* (ср. *bed*) – кровать; *many* (ср. *money*) – деньги; *read* (ср. *red*) – красный. Кроме этого, неверное восприятие английского слова может сопровождаться подменой конечной согласной: *cat* (ср. *car*) – машина; *work* (ср. *word*) – слово, *tell* (ср. *tea*) – чай; а также изменением некоторых гласных и согласных в середине и/или конце слова: *exercise* (ср. *excuse*) – извините; *please* (ср. *play*) – игра; *funny* (ср. *fine*) – чудесно. Заметим, что подобные процессы наблюдаются в речи русских детей в ситуации воспроизведения нового слова (Цейтлин, 2000, с.77-82).

Из примеров видно, что информанты при восприятии орфографического английского слова акцентируют свое внимание на "ключевых точках слова": первая буква, начальный слог, сочетания согласных в начале и иногда в середине слова. Эти типичные доминанты восприятия английского слова "играют роль магнита, который как бы притягивает слова-ассоциаты к слову-стимулу" (Банкевич, 1981, с.27).

В заключение скажем, что стратегия ошибочного перевода позволяет говорить о существовании в первичном английском лексиконе учащихся более сильных, хорошо усвоенных, хотя и сходных по графическому облику, слов-конкурентов.

Б. Приблизительный перевод возникает в том случае, когда учащимися еще плохо усвоены семантические связи слов, и ответ по своему значению является достаточно близким исходному слову, хотя и не может считаться адекватным: *work* (*работа*) – завод, *street* (*улица*) – дом, *place* (*место*) – улица. При таком переводе учащиеся опираются не столько на представление о референте, сколько на широкий контекст той предметной области, к которой он относится (Соловьева, 1996, с.27).

К стратегии приблизительного перевода мы сочли возможным отнести и такие ответы, в которых информанты опираются на представление о принадлежности слова к определенному грамматическому классу: *what (что, какой, как)* – кто, *why (почему)* – кем, *how (как, каким образом)* – что. Во всех этих случаях английское слово актуализирует у учащихся содержание того слова, которое, вместе с исходным, относится к одному грамматическому классу вопросительных местоимений. По-видимому, такая стратегия поддерживается часто встречающейся начальной позицией этих слов в структуре английского и русского предложений.

В. Адекватный перевод возникает тогда, когда учащийся реагирует на слово одним из возможных субъективных (контекстных) значений, которое входит в семантическое поле английского слова. Такое значение очень часто является результатом овладения значением слова при работе с учебным текстом, когда внимание фокусируется на смысле и референция отдельных слов естественно расширяется или сужается.

Расширение значения слова проявляется в расширении сферы его использования, в увеличении числа учебных контекстов, элементом которых оно выступает. При этом "один или несколько дифференциальных компонентов как бы вычеркиваются, в связи с чем зона использования слова расширяется" (Цейтлин, 1997, с.137): *beautiful* – хороший, *fine* – хороший, *happy* – веселый. Сужение значения слова связано с "добавлением дифференциальных семантических компонентов" (Цейтлин, 1997, с.139), в результате чего слово приобретает новое, контекстуальное значение: *fine* – теплый, *nice* – ясно, *beautiful* – солнечный, *picture* – фотография, *exercise* – зарядка. Наблюдения над материалом показывают, что на начальной стадии освоения иностранного языка в основе процесса расширения или сужения референции слова часто лежит его общая (положительная или отрицательная) коннотация.

Следует также отметить, что процесс расширения значения слова может затрагивать не только лексическое, но и грамматическое значение: слово английского языка может осмысляться через принадлежность его к логико-грамматической категории: *he* – местоимение, *do* – вспомогательный глагол. В этом случае процесс расширения значения слова связан не столько с расширением сферы его использования в учебных текстах, сколько с целенаправленным обучением, при котором внимание акцентируется на формальных признаках слова и оно вписывается в модель грамматической системы изучаемого языка.

Г. Тожественный (или словарный) перевод – это максимально точная передача значения иноязычного слова соответствующим словом родного языка: *book* – книга, *table* – стол, *friend* – друг.

В отличие от приблизительного и адекватного переводов, указывающих на процесс овладения словом в широком или узком контексте, тождественный перевод является результатом процесса овладения изолированным словом. На начальном этапе освоения лексики при тождественном переводе путь от означающего на иностранном языке к его означаемому лежит через означающее родного языка: означающее иностранного языка – означающее родного языка – понятие (Беляев, 1965; Залевская, 1996, с.167).

В таблице 2 показано, что тождественный перевод является одной из основных стратегий освоения иноязычного слова на этапе формирования лексического минимума (эксперимент 1). На стадии первичного расширения лексического минимума (эксперимент 2) эта стратегия постепенно вытесняет другие и становится

ведущей к концу первого года обучения. Такая ситуация объясняется преобладанием переводных методов работы с иноязычным словом на только на занятиях иностранным языком в средней школе, но и в университете.

Д. Перевод слова по частям. Эта стратегия осмысления иноязычного слова не была отмечена в материалах эксперимента I. Она возникает лишь к моменту первичного расширения словарного минимума, когда у студентов уже сформирован опыт работы с односложным английским словом, и наблюдается только по отношению к новым двусложным словам частотного списка эксперимента 2.

Стратегия перевода слова по частям может быть либо результатом ошибочного восприятия двусложного слова: двусложное слово воспринимается как два односложных, каждое из которых переводится отдельно; либо результатом сознательного осмысления значения слова через опору на его внутреннюю форму, или контекст: *blackboard (классная доска) – черная доска, copybook (тетрадь) – книга, newspaper (газета) – новая бумага*. И в том, и в другом случае значение слова определяется суммой значений его компонентов, что, естественно, нарушает идиоматичность слова, а полученный результат может рассматриваться как ошибочный перевод.

3. Включение слова в иноязычный контекст. При этой стратегии учащийся воспринимает слово не как изолированную лексическую единицу, а как часть хорошо усвоенного контекста. В основе такого осмысления слова лежит механизм "вероятностного прогнозирования", при включении которого происходит автоматизированное всплывание в памяти привычного контекста (Залевская, 1990, с.175). Воспроизводимость и устойчивость таких структур определяется частотой совместной встречаемости словоформ в речевом опыте информанта (Леонтьев, 1977, с.8): при чтении, написании, говорении, слушании. В материалах эксперимента было выявлено два типа таких воспроизводимых контекстов: формулы речевого этикета и свободные атрибутивные словосочетания.

А. Формулы речевого этикета: *how – how do you do, thank – thank you, happy – happy birthday*. Эти речевые клише ориентируют учащегося на осознание норм речевого поведения в стандартных этикетных ситуациях, соотносимых как с русскоязычной, так и англоязычной культурой, и являются результатом частого и регулярного употребления их в структуре учебных диалогов.

Б. Свободные атрибутивные словосочетания: *girl – beautiful, cold – morning, happy – child*. При такой стратегии осмысления слова актуализируются схемы и модели беспредложного атрибутивного словосочетания, свойственные как для родного, так и для изучаемого языка и часто встречающиеся в учебных текстах.

Однако можно предположить, что на начальной стадии изучения иностранного языка в подобный случаях может работать и несколько другой механизм – механизм конструирования (Горохова, 1986) словосочетания: иноязычное слово не просто актуализирует знание английского контекста, а требует промежуточного перевода слова на родной язык, после чего и дается ответ.

Итак, анализ материала показывает, что начальный этап формирования лексического навыка на иностранном языке у взрослого человека, успешно окончившего школу, соотносится с процессами восприятия и осмысления слова. Взрослый учащийся, не будучи лингвистом, в период освоения лексического минимума английского языка (первые три месяца) чаще пользуется не столько полученными в учебной ситуации сведениями о значении изолированного слова (тождественный перевод – 32%), сколько процедурными знаниями, выработанными

ными "для себя" при освоении слова родного языка. К таким процедурным знаниям следует отнести: 1) поиск слова в идиолексиконе по сходству экспонента (соотнесение слова со словом родного языка по звукобуквенному сходству – 27% и ошибочный перевод 19%); 2) осмысление слова через его внешние, контекстные связи, которые функционируют на уровнях цельности (тематические и семантические связи: приблизительный – 2% и адекватный перевод – 11%) и связности текстов (включение иноязычного слова в контекст – 9%).

Примерно, через шесть месяцев обучения, на этапе первичного расширения лексического минимума стратегия осмысления изолированного слова постепенно становится ведущей (тождественный перевод – 73%) и начинает вытеснять естественные стратегии освоения слова. В это же время на основе лингвистической базы лексического минимума начинают функционировать процедурные знания освоения слова по его формальным элементам (перевод слова по его частям – 5%).

Литература:

- Банкевич Л.В. Тестирование лексики иностранного языка. М., Наука, 1981.
Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранному языку. М., 1965.
Горохова С.И. Психолингвистические особенности механизма порождения речи по данным речевых ошибок. АКД., М., 1986.
Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
Миньяр-Белоручев Р.К. К проблеме формирования иноязычных лексических навыков // Иностранные языки в высшей школе. М, 1989. Вып.22.
Сазонова Т.Ю. Фактор частотности в моделях распознавания слова // Психолингвистические исследования: Слово, текст. Тверь, 1999. С.37-43.
Соловьева Н.В. К вопросу о речевой мотивированности // Актуальные проблемы психолингвистики: Слово и текст. Тверь, 1996. С.24-98.
Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.
Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. СПб., 2000.

О.В. Выставной, Т.Н. Чугаева*
Пермь

Особенности восприятия английского слова в условиях "двойной интерференции"

В ситуации "учебного билингвизма" мы имеем дело с искусственными формами языкового контакта, когда изучаемый язык (вторичная система), целенаправленно формируется в специально создаваемых "школьных условиях", и можно говорить лишь об одностороннем влиянии родного языка (первичной системы), на вторичную (U.Weinreich, В.Ю.Розенцвейг, А.Р.Дибольд и др.). Как правило, в такой ситуации наблюдается несовершенное владение вторым языком в той или иной степени и влияние родного, т.е. имеют место явления интерференции как "вторжение норм одной системы в пределы другой" (Вайнрайх, 1972, с.27).

* © О.В. Выставной, Т.Н. Чугаева 2002

Такой тип билингвизма отличается неустойчивостью в силу недостаточной сформированности у обучаемого речеслуховых мыслительных механизмов пользования иностранным языком, помимо того он характеризуется "опосредованностью", вторичностью, поскольку обучение осуществляется вне языковой среды и, как правило, не исконным носителем данного языка, что также может служить дополнительным источником интерференции (Федоров, 1981).

Фонетическая интерференция занимает особое место в силу своего регулярного и системного характера, пронизывая весь речевой материал и затрагивая как артикуляторную, так и перцептивную базы языка (Бондарко, 1981; Интерференция..., 1987; Чугаева, Штерн, 1989; Штерн, 1992; Любимова, 1988, 2001 и др.). Поскольку восприятие иноязычной речи происходит сквозь призму звуковой системы и нормы родного языка (Е.Д.Поливанов, Н.С.Трубецкой, Л.В.Бондарко, З.Н.Джапаридзе и др.), естественно влияние перцептивной базы родного языка на перцептивную базу изучаемого. В данной статье рассматриваются особенности влияния русского (родного) языка на перцептивную базу английского (изучаемого) языка при восприятии английского слова, произнесенного с русским акцентом, т.е. в ситуации "двойной интерференции". (Термин принадлежит У.Вайпрайху (1979, с.48), однако вслед за А.С.Штерн (Штерн, 1992) мы считаем правомерным называть "двойной интерференцией" ситуацию действительно двойной помехи, возникающую при восприятии русскоязычными аудиторами английской речи, измененной русским акцентом.)

Настоящее исследование проводилось в рамках модели восприятия по лингвистическим признакам (Зиндер, Штерн, 1972; Штерн, 1992), где моделирование механизмов восприятия речевого отрезка (в данном случае – слова) основывается на выявлении совокупности лингвистических признаков (факторов) (ЛП), влияющих на его восприятие. Под **механизмом** здесь понимается определение набора ЛП, влияющих на восприятие слова, выявление иерархии этих признаков в соответствии со степенью влияния, или весом (η_x^2), фактора на восприятие слова и установление среди факторов существенных (СЛП). От адекватности восприятия факторов, точнее их градаций, зависит правильность восприятия речевого отрезка. Таким образом, СЛП являются своеобразными опорами при восприятии, существующими на каждом языковом уровне. Например, на уровне слова такими признаками являются признаки "ударная гласная", "длина слова", "частотность", "часть речи" и др. (Штерн, 1992; Краузе, 1989; Чугаева, 1989). Применение в данной модели дисперсионного анализа силы влияний (ДА), проведенного по однофакторной схеме для качественных признаков (Плюхинский, 1970), позволяет построить статистико-дескриптивную иерархическую модель процесса восприятия по лингвистическим признакам (Штерн, 1992, с.40).

Непосредственная задача исследования состояла в выявлении и изучении механизма восприятия изолированного акцентного (т.е. произнесенного с русским акцентом) английского слова (ИС_{акц}) русскоязычными аудиторами. Кроме того, ставилась задача сопоставления данного механизма с механизмом восприятия английского безакцентного слова, произнесенного носителем британского варианта английского языка, владеющим нормой RP (ИС).

Экспериментальный материал представлял собой два списка английских слов, по 61 слов каждый*, сбалансированных и равнотрудных, необходимость че-

* Артикуляционные таблицы были составлены Т.А. Кокориной (Вертипраховой) в дипломном исследовании, выполненном под руководством Т.Н. Чугаевой (Кокорина, 2000).

го определялась корректностью проведения дисперсионного анализа. Особенность данных артикуляционных таблиц состоит в том, что они состоят только из односложных слов. Односложные слова были выбраны в качестве объекта исследования как наиболее уязвимая единица восприятия на уровне слова (Штерн, 1992; Чугаева, 1989; Кокорина, 2000). Таблицы были начитаны на магнитную ленту диктором – студентом выпускного курса специальности "Английский язык и литература" ПГУ, имеющим "остаточный" фонетический акцент с характерными русскоязычными чертами**. Запись слов производилась на фоне белого шума; кроме того, в качестве комплексной помехи расценивался характерный для ситуации естественного общения и звукозаписи естественный шум. Аудиторами были студенты старших курсов специальности "Английский язык и литература" филологического факультета ПГУ.

Основным параметром полученных экспериментальных данных был процент правильного опознания слова (р%). В среднем по группе он составил 48,4% с колебанием от $\min = 36,8\%$ до $\max = 59,0\%$. Рассматривалось влияние на восприятие английского слова 8-и факторов. Исходный набор признаков включает как факторы, традиционно считающимися важными с точки зрения их влияния на восприятие любого слова (Штерн, 1992; Чугаева, 1989; Краузе, 1989), так и факторы, специфические только для восприятия односложного слова, например, "длина в фонемах" и "начальный звук" (Кокорина, 2000).

Результаты ДА приведены в таблице 1, где представлены вес признака ($\eta_x^2\%$) и его ранг в иерархии (R); подчеркнутые цифры означают, что признак в высшей степени существен.

Таблица 1

Показатели силы влияния ($\eta_x^2\%$) при восприятии ИС_{акц} и ИС русскоязычными аудиторами

Фактор	ИС _{акц}		ИС	
	$\eta_x^2\%$	R	$\eta_x^2\%$	R
Ударный гласный	<u>10,65</u>	1	<u>13,75</u>	1
Частотность F _{суб}	<u>5,1</u>	2	<u>5,79</u>	5
Консонантная нагрузка	<u>4,67</u>	3	<u>5,89</u>	3,5
Длина в фонемах	<u>1,24</u>	4	<u>5,89</u>	3,5
Смычность – шелевость	0,32	5	0,47	7
Начальный звук	0,06	6	<u>6,11</u>	2
Звонкость – глухость	0,05	7	0,25	8
Шумность – сонорность	0,02	8	0,55	6
Σ	23,11		38,70	

Как видно из таблицы, в механизме восприятия английского ИС_{акц} наиболее весомыми и существенными оказались 4 фактора: "ударная гласная", "субъективная частотность (F_{суб})", "консонантная нагрузка" и "длина в фонемах". Сумма весов всех факторов (Σ) составляет 23,11%: это означает, что получено объяснение вариации результирующего признака (в терминах ДА) примерно на 23%. Можно предположить, что остальную вариацию вызывают неучтенные факторы, прежде всего семантического характера, не поддающиеся формализации в силу своей природы; кроме того, ее можно объяснить влиянием фонетического акцента.

** Подробнее о характерных чертах русского акцента в английской речи см. (Чугаева, 1989).

Мы имеем возможность сравнить данный механизм восприятия с другим, полученным в исследовании, проведенном на идентичном материале в той же методике, с аудиторамии того же уровня сформированности перцептивных навыков и с сопоставимыми средними процентами опознания, но при произнесении слов диктором-британцем (Кокорина, 2000). Задача сопоставления состоит в выделении сходства и различия механизмов восприятия односложного английского ИС_{акц} и ИС.

Прежде всего отметим, что процент правильного опознания при восприятии программы ИС составил 42% с колебаниями от 32 до 53%, т.е. вполне сопоставим с нашими результатами по восприятию ИС_{акц} (48,4%). Однако сумма весов факторов в нашем случае значительно ниже – 23,11 vs 38,7 (см. табл.1), что можно трактовать как значительно меньшую опору описываемые факторы при восприятии ИС_{акц}. Кроме того, при восприятии ИС_{акц} имеется тенденция к уменьшению количества точек опоры: вместо 6 в высшей степени существенных (подчеркнутых) факторов, существенных при восприятии ИС, имеются лишь 4.

Сопоставление механизмов с помощью коэффициента ранговой корреляции (ρ Спирмена) показывает среднюю положительную корреляцию: $\rho = +0,589$, что обнаруживает как сходство, так и различия данных механизмов восприятия. К чертам сходства можно отнести опору на факторы "ударная гласная", "консонантная нагрузка" и отчасти "длина в фонемах", однако обращает на себя внимание повсеместное снижение весов всех факторов, т.е. степени опоры на них, при восприятии ИС_{акц}.

Особенно заметной точкой рассогласования механизмов является резкое снижение опоры на фактор "начальный звук" при восприятии ИС_{акц}: $\eta^2 \% = 6,11$ (ранг 6) vs 0,06 (ранг 2) при восприятии ИС. Вторым ярким отличием является сильное повышение в ранге фактора "F_{суб}" (ранг 5 при восприятии ИС vs ранг 2 при восприятии). Повышение опоры на этот фактор можно расценивать как явное проявление интерференции при восприятии ИС_{акц}. Дело в том, что в исследовании Т.А.Кокориной анализировалось влияние двух факторов субъективной частоты. В дополнительном эксперименте по определению субъективной частотности слов по методике Р.М.Фрумжиной и А.П.Василевича для всех слов программы был получен словарь субъективных частот, в результате чего каждое слово характеризовалось двумя величинами: F_{суб} БР – для носителей английского языка (британского варианта) и F_{суб} РУС – для русскоязычных студентов, изучающих английский язык (на том же уровне овладения, что и наши аудиторы). Артикуляционные таблицы были сбалансированы по фактору F_{суб} БР, но в ДА оценивалось влияние обоих факторов. Таким образом, была возможность проследить, какая из частот является ведущей при восприятии английских слов русскими аудиторамии. В нашем эксперименте по восприятию ИС_{акц} было рассчитано только влияние фактора F_{суб} РУС. Именно на этот фактор и делается опора аудиторамии, в чем также сказывается сильное влияние интерференции родного языка. При восприятии ИС_{акц} наблюдается стратегия гештальтного узнавания знакомых слов (чаще всего высокочастотных) и неузнавания слов более редких. В сочетании с отставанием стратегии восприятия слова по частям (отсутствие опоры на фонетические элементы) это приводит к невысокому проценту правильного восприятия слов программы. Возможно, такая диспропорция использования стратегий является следствием влияния фонетического акцента.

Итак, подводя итоги, можно отметить следующее.

Во-первых, полученные данные свидетельствуют о том, что механизм восприятия акцентного слова заметно отличается как количественно, так и качественно (см. табл.1) от механизма восприятия слова, произнесенного без акцента, то

есть можно говорить о характерных для данного этапа формирования изучаемого английского языка особенностях перцептивной базы.

Во-вторых, последовательное снижение весов фонетических факторов говорит о том, что фонетическая некорректность речи является помехой при восприятии, что согласуется с ранее полученными данными (Чугаева, 1989). Однако этот вывод противоречит некоторым описанным в литературе данным по восприятию акцентной речи, весьма неоднозначным и довольно противоречивым. Так, S.Johansson (1978) и H.Lane (1963) сходятся в том, что при маскировке шумом и фильгровании речь с иностранным акцентом гораздо хуже воспринимается носителями языка. Однако при этом отмечается, что при восприятии речи на неродном языке наличие акцента не столь существенно влияет на разборчивость. С другой стороны, утверждается, что, изучающие язык обычно лучше понимают не только своих соотечественников, но и других носителей изучаемого языка, говорящих с акцентом, несмотря на то, что акцент вообще ухудшает распознавание слова (Koster, 1987).

В-третьих, изменение механизмов восприятия слова в ситуации "двойной интерференции" подтверждает реальность существования промежуточной системы (Любимова, 2001) в условиях формирования двуязычия как при порождении, так и при восприятии речи. Описываемое состояние формирующегося механизма восприятия у русских аудиторов как бы находится на "ничейной" полосе" (У.Вайнрайх) как некоторое переходное состояние, когда с одной стороны еще чувствуется опора на первичную систему, а с другой наблюдается стремление к овладению системой и нормой изучаемого.

Литература:

- Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М, 1972. Вып. VI.
- Зиндер Л.Р., Штерн А.С. Факторы, влияющие на опознание слова // Материалы IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972.
- Кокорина Т.А. Влияние контекста на механизмы восприятия односложного английского слова: Дипломная работа. Пермь, ПГУ, 2000. (Рукопись).
- Краузе М. Динамика механизма восприятия слова при различных условиях овладения иностранным языком: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
- Любимова Н.А. Еще раз о фонетической интерференции и промежуточной системе // Экспериментальная фонетика. СПб., 2001.
- Интерференция звуковых систем. Л., 1987.
- Плохинский Н.А. Биометрия. М., 1970.
- Федоров А. М. Иноязычный акцент в ритмико-временном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1981.
- Чугаева Т.Н., Штерн А.С. Изучение механизма восприятия речи в условиях интерференции // Экспериментально-фонетический анализ речи. Л., 1989. Вып.2.
- Чугаева Т.Н. Механизмы аудирования родной и иноязычной речи: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. СПб., 1992.
- Koster, 1987

Субъективная частотность как характеристика слова у носителей и неносителей языка

Слово как единица языка обладает внешними и внутренними характеристиками – смыслом, длиной, фонетическим обликом, частотностью употребления и т. п. Некоторые из этих характеристик могут быть описаны, исходя из внешней формы слова – его длина (в фонемах, в морфемах, в слогах), акцентно-ритмическая структура и т.п. В отличие от них, сведения о частотности слова нельзя почерпнуть из внешней формы слова. Однако частотность, по мнению многих ученых (Залевская, 1990; Фрумкина, Василевич, 1967), является одним из принципов организации слов в речевых механизмах человека, от так называемого "индекса частоты" слова зависит способ его хранения и поиска в памяти. При этом предполагается, что организация слов по "индексу частоты" является общей для некоторой совокупности индивидов-носителей языка.

Вероятностные характеристики элементов речи прослеживается в самых разных процессах функционирования речи. Реакции индивида на частые стимулы существенно отличаются от реакций на редкие. Это явление находит свое применение в исследованиях по восприятию речи, как устной, так и письменной (Краузе, 1989; Фрумкина, Василевич, 1967; Чугаева, 1989; Штерн, 1992; Savin, 1963).

Частоту встречаемости слова в речи можно описывать двумя величинами, коррелирующими между собой: объективной частотой ($F_{об}$) и субъективной частотой ($F_{суб}$) словоупотребления. Как правило, в качестве оценок частотности слов используются $F_{об}$, т.е. данные частотных словарей, где частотность определяется путем подсчетов появления слов в определенных наборах текстов. Большинство существующих словарей основано на анализе письменных текстов, т.е. отображает ту частоту, с которой слово встречается при чтении. Организация же слов по частоте в памяти человека отражает весь его речевой опыт, следовательно, наилучшим способом определения частоты слова является оценка, учитывающая все стороны речевого опыта индивида: чтение, слуховое восприятие, употребление слова самим индивидом. Такой оценкой, с нашей точки зрения, является субъективная частотность слова.

Для исследования восприятия речи в модели существенных лингвистических признаков (СЛП), разработанной А.С. Штерн (1992), необходима предварительная балансировка материала по определенным факторам, среди которых частотность занимает особое место. Существенность этого фактора подтверждена многими исследованиями (Краузе, 1989; Чугаева, 1989; Штерн, 1992). Как было отмечено выше, сведения о частотности можно почерпнуть из частотных словарей. Однако существующие словари частотности английского языка не соответствуют цели исследования по ряду причин. Например, наиболее доступный словарь частотности слов английского языка (Thorndike, Lorge, 1944) имеет достаточно небольшой объем выборки (18 млн. словоупотреблений). Кроме того, он, во-первых, отражает американский вариант английского языка, а во-вторых, был создан в сороковые года XX века, и сейчас его данные можно считать в значительной мере устаревшими.

Определение же субъективной частотности позволяет получить наиболее достоверную информацию с точки зрения истинности отражения лексикона в сознании носителя языка. Кроме того, оценки субъективной частотности могут быть получены для какой-то конкретной группы слов, интересующей исследователя.

Для эксперимента по восприятию слова в модели СЛП в качестве предварительного этапа исследования двумя группами информантов: русскими, изучающими английский язык на продвинутом этапе (4 курс языкового вуза), и носителями английского языка – определялась субъективная частотность 150 слов английского языка по методике Р.М.Фрумкиной и А.П.Василевича (1971). После этого рассчитывалась мера согласия информантов в этих двух группах.

Следует пояснить, почему эксперимент проводился для двух групп информантов. Дело в том, что эксперимент на восприятие английских слов предполагалось провести для русских аудиторов, изучающих английский язык, поэтому нам показалось интересным проследить, какая из $F_{\text{суб}}$ – носителей языка ($F_{\text{суб бр}}$) или русских информантов ($F_{\text{суб рус}}$) – будет более существенна для русских аудиторов.

В ходе эксперимента информантам предлагалось разделить предложенные им на отдельных карточках слова на 5 категорий: очень редкие; редкие; ни редкие, ни частые; частые; очень частые. Выбор количества категорий был обусловлен следующими требованиями: в практике психометрических методов используются шкалы с нечетным количеством категорий, кроме того, человеческое сознание не способно на более тонкое различение оценок (Малаховский, 1980; Фрумкина, Василевич, 1971).

Результаты, полученные для обеих групп информантов, были сопоставлены нами следующим образом: в пределах каждой категории определялось количество слов, помещенных разными группами информантов в данную категорию, а также процентные показатели сдвигов оценок русских информантов по сравнению с носителями языка. Значения медиан (Me) для каждого слова мы считали совпадающими, если разница составляла не более 0,25; если значение $Me_{\text{рус}}$ выше значения $Me_{\text{бр}}$ более чем на 0,25, это условно обозначалось как "сдвиг вверх", если ниже более чем на 0,25, то как "сдвиг вниз". Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Анализируя таблицу, можно выявить следующие закономерности:

1. Чем ближе категория к краю шкалы, тем больше процент совпадений оценок британских и русских информантов.
2. Чем ближе категория к краю шкалы, тем меньше "сдвигов вниз".
3. У русских информантов распределение частот тяготеет к бимодальному, тогда как у носителей языка оно ближе к равномерному.
4. Русские информанты тяготеют в своих оценках к левому краю шкалы, то есть в целом оценивают слова как более редкие по сравнению с носителями языка.

Таблица 1

Сдвиги в оценках русских информантов по сравнению с британцами

Категория	Совпадение (%)	Сдвиг вверх (%)	Сдвиг вниз (%)	Количество слов	
				британцы	русские
Очень редкие	50,00	50,00	0,00	10	17
Редкие	28,20	10,25	61,54	39	42
Ни редкие, ни частые	20,00	12,00	68,00	25	34
Частые	28,57	4,76	66,70	42	30
Очень частые	76,47	0,00	23,53	34	27

Исходя из вышеприведенных закономерностей, можно сделать следующие выводы:

1. Бимодальное распределение оценок русских информантов говорит о несформированности у них чувствительности к частотности слова именно к словам срединным, то есть не слишком редким и не слишком частым.

2. Бимодальное распределение, а также тот факт, что русские информанты оценивают слова как более редкие, позволяют говорить о недостаточной сформированности так называемого "чувства языка", или "языковой компетенции", у русских студентов, изучающих английский язык. С нашей точки зрения, этот факт говорит о том, что при обучении иностранного языка эта компетенция должна сознательно и направленно формироваться.

Таким образом, определение $F_{\text{суб}}$ (которая рассматривается нами как одна из составляющих языковой компетенции) может использоваться для диагностики уровня владения языком.

Литература:

- Залевская А.А. и др. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. Тверь, 1998.
- Краузе М. Динамика механизма восприятия слова при различных условиях владения иностранным языком: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Малаховский Л.В. Принципы частотной стратификации словарного состава языка // Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., 1980.
- Фрумкина Р.М., Василевич А.П. Вероятность слова и восприятие речи // Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967.
- Фрумкина Р.М., Василевич А.П. Получение оценок вероятностей слов психометрическими методами // Вероятностное прогнозирование в речи. М., 1971.
- Чугаева Т.Н. Механизмы аудирования родной и иноязычной речи: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
- Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. СПб., 1992.
- Savin H.V. Word-Frequency Effect and Errors in the Perception of Speech // The Journal of the Acoustical Society of America. Vol. 35. Num. 2. Febr. 1963.
- Thorndike, E.L., Lorge I. The Teacher's Wordbook of 30.000 words. Columbia University, New York, 1944.

Периферийные реакции в детских ассоциативных полях**

В настоящее время в исследованиях детской речи актуальной является проблема вариативности стратегий овладения речью в зависимости от индивидуальных психологических характеристик. Взаимосвязь лексического ассоциирования и уровня развития высших психических функций ребенка неоднократно подвергалась анализу как в психолингвистике, так и в психологии. Известно, что ассоциации ребенка отражают характер его мышления и уровень интеллектуального развития: дети с высоким уровнем когнитивного развития продуцируют больше парадигматических реакций (Marsalova, 1982); на ход ассоциативных процессов влияют доминирующее полушарие, уровень развития памяти и внимания (Каменская и др., 1994); скорость реагирования у детей с высоким интеллектом выше (Палермо, 1966); существует зависимость ассоциирования от нейропсихологических характеристик (Ахутина, 1994, с.1999). То и дело раздаются "призывы" использовать ассоциативный эксперимент как тестовую методику, диагностирующую уровень речевого и когнитивного развития (Андриевская, 1974). Однако целостная картина взаимодействия стратегий ассоциирования в свободном ассоциативном эксперименте детей с разным уровнем развития отдельных психических функций до сих пор не установлена.

Ассоциативные нормы выявляют в ходе ассоциативного эксперимента. Испытуемому предъявляется изолированное слово-стимул и предлагается реагировать на него первым пришедшим в голову словом или иным речевым ассоциатом.

Совокупность реакций репрезентирует ассоциативное поле заданного слова. Термин "ассоциативное поле" впервые был введен Ш.Балли (Bally, 1940). За стабильную часть ассоциативного поля – ядро – как правило, принимаются все единичные реакции, то есть с частотой 2 и более, за периферию – единичные (хотя не все исследователи относят реакции с частотой 2 к ядру – см.: Клименко, 1970; Рогожникова, 1981).

Исторически психология и психолингвистика "разграничили" сферы изучения ассоциаций. Психологическую науку прежде всего интересуют необычные, уникальные ассоциации, позволяющие сделать вывод о нарушениях психической сферы. Психолингвистика же традиционно изучает реакции, вошедшие в ядро – типовые реакции, закрепленные в языковом сознании людей речевой традицией, законами логики и наличием некоторого инвариантного "ядра" в потоке информации, поступающей к носителям языка. Периферийные реакции до сих пор оставались вне сферы пристального внимания психолингвистов.

Задача нашего исследования – установить вариативность периферийного реагирования, то есть определить, какой из типов периферийных лексических ассоциаций актуализируется чаще в зависимости от уровня развития высших психических функций (произвольного внимания, опосредованной памяти и наглядно-образного мышления) у детей 6-7 лет.

Исследование проводилось на материале, полученном в ходе свободного ассоциативного эксперимента с учениками подготовительных классов школы №77 г. Перми. Опрошено 100 человек (43 мальчика, 57 девочек). С каждым ребенком

* Н.И. Береснева 2002

** Работа ведется при поддержке РФФИ (грант 00-06-80160).

эксперимент проводился индивидуально. За один сеанс экспериментатор задавал 30 слов-стимулов. Ход эксперимента записывался на диктофон.

Периферийные реакции, ставшие объектом нашего внимания:

1. "Уникальные" реакции. К этой группе относятся реакции, связанные со стимулом, но не встречающиеся в нормативном детском ассоциативном словаре (Береснева, Дубровская, Овчинникова, 1995). Например: КАСТРЮЛЯ – фарфор, ДЕЛО – ноги, БЕРЕЗА – тропинка, РАБОТА – царь.

2. "Экстрасигнальные" реакции. К этой группе относятся ответы "не знаю", реагирование типа "а?", "что?", реакции типа "надоело говорить", "а скоро кончите?", реакции на предыдущий стимул (персеверации от раздражителя) или на собственные предыдущие реакции (персеверации от реакций), стереотипные реакции (реагирование много раз одним и тем же словом на любые раздражители), реакции на стимул, исходящие из окружающей среды (ребенок перечисляет окружающие его предметы), а также молчание (см. классификацию А.Р.Лурии: Лурия, 1928).

Рабочая гипотеза состоит в том, что реакции первого типа свидетельствуют о высоком интеллектуальном развитии и о наличии творческого начала, реакции второго типа – наоборот, являются свидетельством низкого уровня развития психических функций.

Результаты ассоциативного эксперимента сопоставлялись с данными психологического тестирования. Данные психологического тестирования были предоставлены психологом школы М.Н. Соколовой. Для тестирования использовались доказавшие свою надежность методики – тесты П. Келса в адаптации А. Лидерса (см.: Битянова и др., 1988).

Для обработки материала использовался дисперсионный анализ (методику см.: Ивангер, Коросов, 1992; Штерн, 1992). Дисперсионный анализ позволяет выявить, какой фактор (пол, уровень развития произвольного внимания, опосредованной памяти, наглядно-образного мышления) или сочетание факторов в большей мере влияет на результирующий признак – количество "уникальных" или "экстрасигнальных" реакций.

Полученные результаты представлены в таблице 1. В таблице приведены показатели степени влияния (η^2) и критерии достоверности F ($F_{\text{стандартное}} = 5,1$ при $p > 0,99$ и 2,8 при $p > 0,95$). Значения критерия достоверности, превышающие стандартные, выделены.

Таблица 1

Фактор	Веса (η^2) и значения F-критерия в дисперсионном анализе			
	"Уникальные" реакции		"Экстрасигнальные" реакции	
	η^2	F	η^2	F
Пол	0,09	3,03	0,11	5,69
Мышление	0	0,03	0,3	2,2
Мышление/пол	0,3	4,03	0	0,1
Память	0,1	1,9	0,1	0,9
Память/пол	0,19	2,3	0,2	0,7
Внимание	0,1	0,5	0,11	2,9
Внимание/пол	0	0,3	0,33	8,64

Рассмотрим данные, представленные в табл. 1 и в наших расчетах. Начнем с "уникальных" реакций. На количество "уникальных" реакций оказывает влияние

фактор "пол": у мальчиков "уникальных" реакций больше, чем у девочек (63 и 37 % соответственно). Причем этот фактор оказывает влияние в сочетании с фактором "мышление". Анализ данных показывает, что больше "уникальных" реакций в ассоциативных полях мальчиков с менее развитым наглядно-образным мышлением и, наоборот, в ассоциативных полях девочек с более развитым наглядно-образным мышлением. Факторы "память" и "внимание" на количество реакций этого типа влияния не оказывают.

Перейдем к "экстрасигнальным" реакциям. На их количество не оказывает влияния факторы "мышление" и "память". Реагирование по этому типу связано с фактором "пол": их также больше у мальчиков, чем у девочек (79% против 21%). Фактор "пол" влияет на количество "экстрасигнальных" реакций в сочетании с фактором "внимание": чем лучше оно развито, тем их меньше.

Подведем итоги. По нашим данным, ассоциативные поля мальчиков более вариативны: периферийных ассоциаций у них больше. Это еще раз доказывает, что девочки в речевом поведении больше ориентированы на стандарт, усвоение норм. У мальчиков операции на языковом материале менее автоматизированы. Они обращают внимание на несущественные признаки, на факты, связанные с личным опытом. Это свидетельствует о том, что в структуре слова еще не сформировался сигнификат, слово связано с устойчивым образом предмета. Возможны и другие объяснения этого положения, в частности большее разнообразие жизненного опыта у мальчиков (Осорина, 1999), которое отражается в несовпадающих, малочисленных и единичных ассоциациях. Наличие необычных, индивидуальных, "уникальных" реакций может быть свидетельством высокого уровня развития наглядно-образного мышления у девочек и низкого – у мальчиков. Может оказаться, что в данном случае идет реагирование по разным стратегиям. Тогда необходимо в отношении этих реакций провести дополнительную классификацию с выделением подтипов – это может быть задачей на будущее. Реагирование по "экстрасигнальному" типу отражает неустойчивость нервно-психических процессов у ребенка, недостаточную концентрацию внимания на условиях эксперимента. Фактор "память" не оказывает влияния на периферийное реагирование.

Итак, обнаружение устойчивых закономерностей в речевом поведении индивидов (детей), характеризующихся различными психологическими факторами, является, на наш взгляд, одной из наиболее актуальных задач, как исследования ассоциаций, так и психолингвистики в целом.

Литература:

- Андриевская В.В. Словесно-ассоциативный эксперимент как метод диагностики речевого развития школьников // Вопросы диагностики психического развития. Таллин, 1974.
- Ахутина Т.В. Вариативность нормы – нейропсихологический и нейролингвистический анализ индивидуальных различий у взрослых и детей // Язык. Сознание. Этнос. Культура. Тезисы XI Всероссийского симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994.
- Ахутина Т.В. Методика оценки речи детей 6-8 лет: нейропсихологический подход // Проблемы детской речи – 1999: Материалы Всероссийской конференции. СПб., 1999.
- Берсенева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). Пермь, 1995.

- Битянова М.Р., Азарова Т.В., Афанасьева Е.И., Васильева Н.Л. Работа психолога в начальной школе. М., 1988.
- Ивантер Э.В., Коросов А.В. Основы биометрии. Петрозаводск, 1992.
- Каменская В.Г., Зверева С.В., Шапиро Е.И., Томанов Л.В. Вербальные ассоциации как показатель специфики развития ребенка // Проблемы детской речи: Материалы межвузовской конференции. СПб, 1994.
- Клименко А.П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970.
- Лурия А.Р. Речь и интеллект в развитии ребенка. М., 1928.
- Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999.
- Палермо Д. Словесные ассоциации и речевое поведение детей // Изучение развития и поведения детей. М., 1966.
- Рогожникова Т.М. Предварительные материалы свободного ассоциативного эксперимента с русскими детьми разных возрастных групп // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.
- Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.
- Balli Ch. L'arbitraire du signe. Valeur et signification // Le Francais Moderne. Paris, 1940. P.8.
- Marsalova L. Psycho-linguisticka analiza, vyvinu lexiky (asociacne struktury v subjektivnom sloviky). Bratislava, 1982.

Н.И. Береснева, Н.Н. Сединина*
Пермь

Цветовые ассоциации у детей**

Изучение цветоименований имеет давнюю традицию, но внимание исследователей к этой группе слов, которой присуща денотативная неопределенность, не ослабевает. Настоящее исследование посвящено изучению принципов систематизации фрагмента внутреннего лексикона и соответствующей детской наивной "картины мира цветов" (Фрумкина, 1984), которые проявляются в закономерностях ассоциирования.

Названия цветов усваиваются в раннем возрасте. Установлено, что в адъективном словаре ребенка 2-3 лет цветовые прилагательные являются одной из многочисленных лексико-семантических групп (Ященко, 1999). Цветоименования появляются в словаре ребенка последовательно, начиная с белого, красного, черного (Лепская, Соколова, 1998). Но, хотя в словарном запасе ребенка и присутствуют названия цветов, в речи отдается предпочтение выражениям через предметные ассоциации (Базжина, Соколова, 1999).

Цветоименования входят в ядро языкового сознания взрослого носителя русского языка (красный, белый, черный) (Уфимцева, 1997) и ребенка (белый, красный) (Овчинникова и др., 2000). В детском ассоциативном словаре (Береснева и др., 1995) отмечен ряд реакций (RR), связанных с обозначением цветов. Так слова *цвет* и *цветной* появились в качестве R на 13 стимулов (SS), *разноцветный* – на 4. Также встретились ассоциации *темный* (на 10 SS), *яркий* (на 9 SS), *светлый* (на 7 SS). Отмечено 16 RR, обозначающих цвета (см. табл. 1). Наиболее активными в языковом сознании ребенка являются слова, обозначающие основные

* © Н.И. Береснева, Н.Н. Сединина 2002

** Исследование поддержано грантом РФФИ 00-06-80160.

цвета спектра. Причем обобщенная картина цветовой иерархии выглядит такой же, как у взрослой языковой личности (Караулов, 1999).

Таблица 1

Реакции-цветонаименования, данные детьми в ассоциативном эксперименте

Реакция	Количество SS, вызвавших данную реакцию
Белый	28
Красный	22
Зеленый	15
Желтый	13
Голубой	8
Розовый	8
Синий	8
Серый	8
Черный	7
Коричневый	4
Фиолетовый	3
Алый	3
Оранжевый	2
Бирюзовый	1
Бурый	1
Золотистый	1

Анализ данных детского ассоциативного словаря позволяет выявить "обратную" ассоциативную зависимость. Для выявления семантических связей, стоящих за самими обозначениями цветов, был проведен дополнительный эксперимент. Испытуемыми стали дети 6-7 лет, ученики подготовительных классов школы №77 и воспитанники детского сада №306 г. Перми. Каждому ребенку предъявлялись 8 цветоименований (цвета, используемые в тесте М.Люшера) и 8 карточек с соответствующими цветами. От испытуемых требовалось при названии цвета или предъявлении цветовой карточки ответить первым пришедшим в голову словом. Затем полученные реакции классифицировались и исследовалась структура ассоциативных полей (АП) с вычислением энтропии и коэффициентов перекрытия.

Таблица 2

Значения коэффициента перекрытия (ρ) ассоциативных полей на слово-цветонаименование и соответствующий цвет (%)

Цвет/слово	ρ
Зеленый	50
Желтый	50
Коричневый	50
Синий	41
Красный	40
Серый	40
Черный	33
Фиолетовый	20

Значение коэффициента перекрытия (ρ), т.е. отношения количества RR, общих для двух АП, к общему количеству RR, варьирует от 20 до 50% (в среднем – 40,5%). Это значит, что довольно большое количество RR на слово и соответствующий цвет совпадают (см. табл. 2). Обычно в парных АП совпадают RR, обо-

значающие "эталоны", объекты соответствующих цветов, находящиеся в момент проведения эксперимента вне поля зрения (СИНИЙ – *небо*; ЗЕЛЕНЬЙ – *трава*; КРАСНЫЙ – *помидор, цветок*; ЖЕЛТЫЙ – *солнце*; КОРИЧНЕВЫЙ – *дом, дерево*; ФИОЛЕТОВЫЙ – *лампа*; ЧЕРНЫЙ – *ночь, туча*; СЕРЫЙ – *мышка, заяц, грязь*).

Вычисление энтропии (H) – степени гомогенности/гетерогенности – АП показало, что намечается тенденция к более компактному распределению RR в АП цветопаименований по сравнению с АП цветов, то есть слово-S провоцирует более разнообразные RR. Это касается основных цветов (см. табл. 3). АП дополнительных цветов структурно похожи.

Таблица 3

Энтропия (H) ассоциативного поля (бит)

Стимул	H	
	S-слово	S-цвет
Желтый	3,8	4,4
Зеленый	3,9	4,5
Синий	4,6	6,9
Красный	4,9	5,3
Коричневый	4,9	4,8
Серый	5,6	5,5
Черный	5,7	5,6
Фиолетовый	5,6	5,7

Самые компактные АП SS-слов и цветов ЖЕЛТЫЙ и ЗЕЛЕНЬЙ: здесь четко выражено ядро, чаще даются повторяющиеся RR, эти RR повторяются при предъявлении слова и цвета (см. значения коэффициентов перекрытия в табл. 2). Причем для детского мировидения, в отличие от взрослого, не характерна отрицательная эмоциональная нагруженность желтого цвета (см.: Караулов, 1999). Самые диффузные – SS-слов и цветов ФИОЛЕТОВЫЙ, ЧЕРНЫЙ, СЕРЫЙ, а также S-цвета СИНИЙ. На эти SS дети дают меньше согласованных, больше разнообразных RR, причем индивидуальных для слова и для цвета (см. значения ρ в табл. 2).

Наиболее частотными являются RR, называющие реалии, связанные с цветом, находящиеся вне поля зрения. По этой стратегии ребенок ищет в памяти образ, обычно природный объект, являющийся носителем качества. Менее частотны названия объектов, находящихся в поле зрения: одежды, инструментов, интерьера (например, СЕРЫЙ – *брюки*, КРАСНЫЙ – *карандаш*, СИНИЙ – *футболка*). Чаще их дают на SS ЖЕЛТЫЙ и СИНИЙ. Приблизительно в том же объеме встречаются RR-названия других цветов (ЗЕЛЕНЬЙ – *красный, желтый*, КРАСНЫЙ – *розовый*, ЧЕРНЫЙ – *оранжевый*). Такие RR чаще дают на SS ФИОЛЕТОВЫЙ, ЧЕРНЫЙ, СЕРЫЙ. Осознавая, что предъявленный S относится к классу цвета, испытуемый затрудняется в выборе объекта-носителя.

Рассмотренные RR встречаются при предъявлении и слов и цветовых карточек. Есть RR, специфические для АП только слов или только цветов. В случаях со SS-цветонаименованиями могут появиться RR, отражающие формально-семантические связи слова (СИНИЙ – *синька, синее*, ЗЕЛЕНЬЙ – *зеленее*, КРАСНЫЙ – *красника*, ФИОЛЕТОВЫЙ – *фиювик*). Только на SS-цвета дети дают в качестве RR прилагательные, не являющиеся обозначениями других цветов (ФИОЛЕТОВЫЙ – *маленький*, КРАСНЫЙ – *красивый*).

Глаголы, встречающиеся в АП, обозначают действия, связанные с названием цвета (зеленеть, краснеть, чернеть и т.п.). На SS-цвета дети не дают RR-глаголов.

Проведенный эксперимент показал, что названия цветов в языковом сознании ребенка являются системно организованной компактной группой, и позволил определить основные тенденции в ассоциировании детей на цветовые стимулы. В качестве перспективы можно наметить выявление гендерных и возрастных различий в ассоциациях.

Литература:

- Базжина Т.В., Соколова В.С. Исследование цветоименований в речи русскоязычных детей и взрослых // Проблемы детской речи – 1999. СПб., 1999.
- Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). Пермь, 1995.
- Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначений в языках различных систем). М., 1987.
- Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
- Пенская И.И., Соколова В.С. Формирование представлений о цвете и становление системы цветоименований у русскоязычных детей // Проблемы детской речи. СПб., 1998.
- Люшер М. Цвет вашего характера. М., 1997.
- Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). Пермь, 2000.
- Уфимцева Н.В. Доминанты образа мира современных русских // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации "Языковое сознание и образ мира". М., 1997.
- Фрумкина Р.М. Цвет. Смысл. Сходство. М., 1984.
- Ященко М.Я. Цветовые прилагательные в речи ребенка 2-3 года жизни // Проблемы детской речи – 1999. СПб., 1999.

К.В. Гарганеева*
Томск

Параметры "пол" и "возраст" в детской речи (по данным мотивологического исследования)

За всю историю становления и развития мировой онтолингвистики сформировалось два принципиально противоположных по своим целям, задачам и методам пути изучения детской речи (Кубрякова, 1987, с.8). Первый реализуется в длительном, повседневном, систематическом наблюдении за речью одного ребёнка (или нескольких детей одного возраста), направленном на сбор эмпирического материала с последующим, как правило, собственно лингвистическим, описанием детской речи в естественных условиях, второй – в специальных экспериментах, результаты которых служат подтверждением тем или иным психологическим или психолингвистическим теориям. При этом всё более распространяется оценка второго подхода к изучению речи детей как более перспективного и продуктивного для современной онтолингвистики, так как именно он позволяет об-

наруживать психологические и психические механизмы, на которых основана специфика детской речи, в частности, те её особенности, которые указаны в определении самого термина "детская речь": детерминизм форм языковых знаков, большее число (по сравнению с речью взрослых) звукоподражаний и изобразительных слов, употребление нерегулярных форм по регулярным моделям, окказиональное словообразование, случайность обобщения при номинации (Шахнарович, 1990, с.131).

Данная работа отражает результаты разработки мотивологического аспекта исследования речи ребёнка. Следует отметить, что мотивология возникла в недрах лексикологии и относится к "собственно лингвистике", но как наука, сосредоточившая своё внимание на проблемах мотивированности, то есть рациональной связи звучания и значения слова, осознаваемой носителем языка, она работает прежде всего с показаниями языкового сознания. Таким образом, эмпирическим материалом для мотивологического анализа детской речи, становятся метаязыковые высказывания, полученные как в ходе наблюдения над свободной речью детей разных возрастных групп, так и в экспериментальных условиях, что позволяет воссоздавать картину становления языковой личности и последовательного развития языковой компетенции и вносит вклад в решение общелингвистических проблем, предполагающих обращение к результатам исследований детской речи. Одной из таких проблем становится выявление способов и средств, с помощью которых человек осваивает родной язык, а также ответ на вопрос о том, "как именно приобщается ребёнок к отработанному тысячелетиями опыта человечества процессу речевой деятельности и сложившейся организации языка" (Кубрякова, 1987, с.7). Процесс этого приобщения связан прежде всего с осознанием мотивированности языковых знаков (Стрельцова, 1987, с.42), т.е. с анализом внутренней формы слова, передающей "опыт" говорящего социума и отражающей его метаязыковую рефлексию в настоящем. Следует отметить, что и основные характеристики детской речи, перечисленные выше, также непосредственно обусловлены явлением мотивации и лексическими процессами, обусловленными мотивированностью. Экспликация осознания внутренней формы слова не только позволяет высветить детскую языковую картину мира изнутри и наблюдать становление языковой способности на каждом этапе, но и предоставляет данные для социолингвистического и психолингвистического анализа речи ребёнка. Обратимся к двум параметрам – речь и возраст, речь и пол – традиционно исследуемым психо- и социолингвистикой.

Мотивация слова и речевозрастная дифференциация. В ходе интервьюирования, направленного на выявление осознания связи между формой и значением слова, было опрошено 24 информанта в возрасте 4,5 лет, 37 – в возрасте 5 лет, 53 – 6 лет, 65 – 7 лет. Полученные данные отражают последовательное речевое развитие и постепенное формирование лингвистического отношения к слову. Участники эксперимента отвечали на вопросы о причине возникновения названий тех или иных предметов. В 40% случаев у детей 4,5-5 лет обнаружены затруднения в поиске лексического мотиватора (ЛМ), то есть мотивирующего слова, сопоставимого с мотивемой (мотивируемой лексической единицей) не только в значении, но и в звучании, когда единица, устанавливающая с анализируемым словом реальные мотивационные связи, заменяется синонимом: *невалышка* – её назвали так, потому что она не падает (ЛМ *не валяться*); *скакалка* – через неё прыгают (ЛМ *скакать*); *чайник* – в нём греют воду (ЛМ *чай*). Информантам указанной группы в 20% случаев свойственно использование в качестве ЛМ собст-

венных словотворческих инноваций, чаще образованных от мотивируемой единицы: **черепаха** – потому что *черепахает, черепашит, пароход* – потому что *пароходит, паровоз* – потому что *паровозит*. Чаще это явление связано с невозможностью найти удовлетворяющий мотиватор. В значительной части случаев дети 4,5-6 лет, опираясь лишь на эмоционально-образные компоненты значения слова, обращаются к ЛМ, звуковая оболочка которого совпадает со звуковой оболочкой мотивемы только в отдельных звуковых сегментах: **ландыш** – потому что им приятно *дышать*; потому что он *душистый*; потому что он похож на *ладошку*, – что становится причиной лексической ремотивации (обретения немотивированным словом лексической мотивированности) (Блинова, 2000, с.39). У детей старшего дошкольного возраста (6-7 лет) наряду с лексической ремотивацией наблюдается противоположное явление – лексикализация внутренней формы (ослабление мотивационных связей вплоть до утраты лексической единицей способности к установлению отношений лексической и/или структурной мотивации) (там же, с.24). Её основанием, так же, как и основанием ремотивации, становится приоритет субъективных представлений, которые возникают в детском сознании и воспринимаются им как единственно возможные в силу этоцентризма мышления. Внутренняя форма слова может диссонировать с реальным опытом ребёнка, полученным в эмпирическом познании действительности. Например, у информантов 6-7 лет вызывает сомнение полная мотивированность слов, содержащих в своей формально-смысловой структуре сегмент *сам(-о)-* 'сам, без посторонней помощи', так как в реальности, наблюдаемой детьми, самостоятельность действий называемых объектов оказывается относительной: Исследователь (И.): *Почему самолёт назвали самолётом?* – Информант (Инф.) (6 л.): *Не знаю. – И.: Может быть, потому что сам летает?* – Инф.: *Самолёт сам не летает, в нём сидит самолётчик*; Инф.: *Самовар вообще-то сам варить не может. Только с целоваром*; Инф. (анализирует слово *самосвал*): *Всё равно кто-то на кнопку нажимает – значит, он не сам сваливает (груз)*. Лексикализация может рассматриваться как следствие расширения знаний об экстралингвистической действительности, постепенного установления равновесия между "этимологическим доверием" и "этимологическим скепсисом" (4, с.9), а также пристального внимания говорящего к лексической системе языка и к её противоречиям. При этом в речи мальчиков явление лексикализации, как и "этимологический скепсис", наблюдается чаще, чем в речи девочек, что, возможно, связано с большим вниманием к приобретаемому в эмпирическом познании действительности опыту и с "тенденцией к точности номинации".

Мотивация слова и речеполовая дифференциация. Есть основания полагать, что результаты исследования явления мотивации в детской речи эксплицируют речеполовую дифференциацию в вербализациях осознания внутренней формы слова. Некоторые результаты проведённого интервьюирования сопоставимы с данными ассоциативных экспериментов, проводимых в детских группах (Берсенева и др., 1995). В частности, по наблюдениям составителей словаря ассоциативных норм младших школьников, девочки 6-10 лет чаще отражают в своих ассоциативных реакциях парадигматические связи лексической единицы, мальчики – типичный контекст слова-стимула и существенные признаки депотата, что "хорошо коррелирует с данными психологов о более высоком уровне развития языковой компетенции в этом возрасте у девочек по сравнению с мальчиками" (Берсенева и др., 1996, с.93). Речеполовая дифференциация выявляется и в полных ответах старших дошкольников (6-7 лет), которые, по сути, содержат мо-

тивационные ассоциации, вызванные с "суггестией" внутренней формы слова (Голев, 1998, с.11). Можно говорить о некотором сходстве проведённого интервьюирования с направленным ассоциативным экспериментом, где заданным условием становится мотивационная связь слова-стимула и слова-реакции. Отмечено, что девочки обращаются к "узальным" лексическим мотиваторам, характеризующимся высокой частотностью, мальчики чаще предлагают единичные, индивидуальные, с субъективной ассоциативной природой. Например, наименование сказочного персонажа **Мышка-Норушка** девочки мотивируют словом *нора*, тогда как мальчики, наряду с указанным ЛМ, используют мотиваторы *нарушать, рушить, разрушать*: *Мышка нарушает порядок; Мышка всё грызёт, рушит, Мышка разрушает дом*. Мотивема *беседка* в ответах девочек сопоставляется с ЛМ *беседа* (там, где люди *беседуют*), в ответах мальчиков – с ЛМ *беситься* (там, где можно *беситься*). В то же время, в метатекстах девочек чаще, чем в ответах мальчиков, вербализуется проникновение "детской", а также "взрослой массовой культуры" (прежде всего телевизионной) в сознание ребёнка, что также коррелирует с данными ассоциативных экспериментов: *Беседка – там пьют чай "Беседка"* (реклама); *скрежет – похоже на дядю Скруджа, поэтому такой же вредный* (мультипликация); *балерина – девочка, которая танцует на балу* (сказка) (ср.: *балерина – это Золушка*), *пуховик назвали пуховиком, потому что человек в нём толстый, как медвежонок Пух*. Мотивация слов способна отражать формирование "мужского" и "женского" начала в детском возрасте (различия в интересах, в игровой деятельности, в представлениях о реалиях окружающего мира). Так, девочки успешнее мальчиков мотивируют названия игр, в которые играют сами: *пятнашки – как будто ставят пятно на спине; хватают пятью пальцами; хлопают пятернёй; в классики – как будто прыгаем из класса в класс; пуганица – когда все запутываются, чтобы не распутали; светофор* (игра, в которой ведущий позволяет "переходить дорогу" только тем играющим, в одежде которых есть названный им цвет) – *потому что как будто переходим дорогу по светофору*. Поиск ЛМ к мотивемам, обозначающим технические инструменты и принадлежности, спортивную одежду, транспортные средства, быстрее проводит "мужская" группа информантов: *отвёртка – то, чем отвёртывают; плоскогубцы – похожи на рыбу, с плоскими губами; катер – на нём катаются; вертолёт – у него вертится пропеллер, и поэтому он летит; футболка – в ней играют в футбол; кроссовки – в них бегают кросс*. Девочки справляются с мотивацией указанных лексических единиц лишь в 15,5% случаев.

Результаты мотивологического анализа речи дошкольников подтверждают, что метаязыковые высказывания ребёнка, содержащие интерпретацию внутренней формы слова, позволяют исследовать развивающуюся языковую личность как с собственно лингвистических, так и с психолингвистических, социолингвистических позиций.

Литература:

- Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995.
- Береснева Н.И., Овчинникова И.Г., Дубровская Л.А. Словарь ассоциативных норм младшего школьника и его возможности // Глагол и имя в русской лексикографии: Теория и практика. Екатеринбург, 1996.
- Блинова О.И. Русская мотивология. Томск, 2000.

- Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте её взаимоотношений с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1998.
- Кубрякова Е.С. Данные о детской речи с общелингвистической точки зрения // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987.
- Стрельцова М.И. Образование прилагательных в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987.
- Шахнарович А.М. Детская речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

С.М. Киливнюк*
Пермь

Специфика английского многословного высказывания у русских детей

Проблемы, связанные с усвоением неродного языка, долгое время исследовались только методикой преподавания иностранного языка и психологией. Однако в последнее время эти проблемы стали небезынтересны и для лингвистики. Именно в этой отрасли научных знаний сформировались предпосылки для создания теории овладения неродным языком. Цель данной статьи – описать некоторые способы овладения связями многословных высказываний, которыми пользуются русские дети при изучении английского языка.

Естественный и оптимальный способ усвоения иноязычной речи в дошкольном возрасте – погружение в языковую среду. Остальные методы в той или иной мере являются "искусственными". Однако существует еще и промежуточный путь, когда обучение идет методом, близким к естественному. При обучении промежуточным методом ребенок способен понимать и конструировать из нескольких десятков звуков неродного языка неограниченное количество речевых сигналов, которые он ранее не произносил и которые будут иметь для него и для окружающих определенное значение. Необходимым условием такого умения является неосознанное чувство закономерностей языка.

Суть промежуточного метода заключается в следующем. Погружение детей в языковую среду происходит не полностью, а лишь на короткий период времени (около четырех часов в день). Дети в это время общаются лишь с носителями языка и не имеют возможности использовать родной язык.

Английская разговорная речь детей дошкольного возраста, полученная с помощью промежуточного метода обучения, послужила материалом для исследования. Речь детей записывалась на магнитофон и видеокамеру, использовались также и карандашные записи.

Формирование связей в многословных высказываниях ребенка основывается на действии тех же механизмах, которые "работают" при переходе от однословных к двухсловным, от двухсловных к трехсловным и от трехсловных к многословным. Во всех этих случаях дети могут, во-первых, соединить отдельные компоненты в двухсловные высказывания: *Token. My. – My token*; во-вторых, перераспределять места компонентов в высказывании: *Token. – Token. My. – Token my. – My token. – My token give. – Give my token me. – Give me my token*; в-третьих, использовать интонационные средства для передачи наиболее полного

выражения мысли: *This ... this* (это и это одного и того же цвета); в четвертых, использовать жесты и мимику.

Заметим, что не выраженные словесно связи можно выявить, только зная общий контекст учебной ситуации. Высказывания, вырванные из контекста ситуации, представляют для непосвященного исследователя лишь набор не связанных между собой компонентов. Например: *He English* ('Я хочу, чтобы он говорил только на английском' + жест) – мальчик сначала показывает на себя, затем показывает на мальчика, который разговаривает на русском и грозит при этом ему пальцем. Данное высказывание было порождено в следующей ситуации: на уроке изучалась основная структура: *I want you to do smth.*; *I want him to do smth.*; *I want her to do smth.* ('Я хочу, чтобы ты (он, она) сделал(а) что-то'), а ребенок выступал в роли учителя. Или, например, высказывание *I good I no destroy* ('Когда я в хорошем настроении, я ничего не ломаю') невозможно было бы понять, не зная ситуации и интонации, с которой оно было произнесено.

Известно, что к видам связей относят и актуальную для ситуации связь, не выраженную формально, но которую можно выразить в тема-рематических отношениях. Такой вид связи не предполагает в детской речи на начальном этапе формально выраженных средств (таких, например, как *и, или, а, но, чтобы*), но во всех ситуациях, где необходимо употребление связок или связочных слов, они подразумеваются.

Кроме того, когда ребенку нужно связать два высказывания, он соединяет их с помощью опорных слов. Опорные слова помогают ребенку на всех этапах становления высказывания и присутствуют в многословных высказываниях в качестве связующего элемента. Например, *I want to me shuffle* ('Я хочу, чтобы ты дала мне помешать карты'); *He is biggest for you Sonya* ('Он больше, чем ты Соня'). Повидимому, в таких высказываниях, дети 3-5 лет не осознают разницу между "настоящим" связочным словом, или связкой, и "выдуманым", опорным словом (может быть поэтому у детей 3-5 лет этап использования опорных слов длится дольше, чем у детей 6-8 лет). Сходная стратегия наблюдается у детей 6-8 лет, и даже у детей 9-11 лет, с одной лишь отличительной особенностью – период употребления опорных слов вместо связочных длится недолго. Применяя методические термины, можно сказать, что достаточно трех-четырёх "исправлений" (взрослый, повторяя за ребенком это же высказывание, употребляет связку вместо опорного слова) и ребенок начинает использовать связку осознанно. Пауза, которая следует за первым высказыванием, подтверждает это. Ребенок подыскивает связочное слово, пытается вспомнить его, и выходит из ситуации, используя в качестве связи опорное слово, жест, мимику, интонацию, слово из родной речи или связку, которая первой придет в голову. При этом он понимает, что связочный элемент не совсем правильный и не точно соответствует данному высказыванию.

Все рассмотренные типы связей выступают в роли зависимых компонентов. С их помощью ребенок лишь пытается связать логически одно высказывание с другим или одну мысль с другой. Возникает вопрос: почему ребенок торопится освоить всевозможные типы связей на всех этапах становления высказывания? Это происходит прежде всего потому, что языковые возможности выражения мысли ограничены, но в то же время высказывания усложняются (прежде всего в плане увеличения количества компонентов), и ребенок вынужден искать способ наиболее адекватный для передачи мысли. К тому же система обучения, максимально приближенная к естественному обучению, позволяет чувствовать себя свободно в выборе таких способов. Например, следующее высказывание вполне

приемлемо при таком обучении: *She doesn't know what is dangerous but she is don't go with the school.*

Итак, можно назвать несколько вариантов связочных средств, используемых русскими детьми при овладении многословным высказыванием английского языка:

1) Интонация. *Look, Sveta me* (Смотри, Света, как я сделала).
2) Использование жеста вместо связки. *He busy + жест + bee* (Он занят, как пчела).

3) Следование законам упрощенной грамматики. *I can say by me sitting little pig* (Я могу сказать, что рядом со мной сидит маленькая свинка). *But she said she is not know the story* (Но она сказала, что она не знает историю). *Sveta, Anya no Russian, yes English* (Света, скажи Ане, чтобы она не говорила на русском, а говорила на английском).

4) Использование pivot-слова вместо связки. Под pivot подразумевают слово, заменяющее в высказывании любое знаменательное слово. *Nastya don't want with she help* (Настя не хочет, чтобы она помогала). *You write with she is Alina and Nastya reading* (Ты пишешь, а Алина и Настя будут читать). Pivot-слово полифункционально, и в данном случае with употребляется в разных значениях: будущего времени (*Next class with come?* – В следующий раз приходит?); падежа (*She asked with Rob* – Она спросила Роба); предлога (*We go with figure skating* – Мы ходим на фигурное катание).

5) Использование связочных слов родного языка: *To hot, mo cold* (То холодно, то жарко). *Ha-ha, a what are you have* (А как мало у тебя фишек). *Apple, pear, orange are fruit, a onion is vegetable* (Яблоко, груша, апельсин – это фрукты, а лук – это овощи).

6) Неточное употребление связки. *Do you how me see* (Ты видишь, то, что я вижу). Данный пример интересен не только в плане формирования связей, но и тем, что в высказывании реализован так называемый предварительный эллипсис. В первой части высказывания опущен глагол и основная нагрузка падает на вторую часть предложения. На этапе становления связей таких высказываний в речи детей наблюдается довольно много. Необходимо также отметить различие примеров *Do you how me see* и *Nastya don't want with she help*. Если опорное слово with использовалось в разных ситуациях, то how используется в качестве связки с неточным значением только в одной ситуации.

7) Присоединение компонентов, объединенных интонацией перечисления. *Play, read, draw* (Давайте сначала играть, потом читать, а в конце рисовать). Данный пример интересен в первую очередь специфичным использованием интонации и пауз, которые передают точный смысл слов *сначала, потом, в конце*.

8) Точное употребление связочного слова. *I bigger than Nastya* (Я больше, чем Настя). *Sister take plum and eat* (Сестра взяла сливу и съела ее).

В речи детей встречаются и такие высказывания, в которых одновременно в качестве связки используются и pivot-слова, и слова из родной речи: *You on the this, a I want to look* (Покажи мне, как разжечь огонь, а я посмотрю).

Данный материал демонстрирует, что на любом языковом уровне ребенок строит собственные структуры, отличающиеся от нормы. Но "модели", образующиеся в сознании ребенка, являются результатом выражения связей объективной действительности. "Неправильные", субъективные структуры постоянно изменяются, но не перестают быть средством общения. Развитие от субъективных структур до конвенциональных – это путь развития языковой способности ребенка.

Английское слово в русской речи

В настоящий момент русский язык испытывает мощное давление со стороны английского языка. Идя по улице, мы уже не обращаем внимания на разноцветные неоновые вывески: *шоп, супермаркет, секонд хэнд*. Мы сами уже давным-давно привыкли ездить на *карах* и отдыхать в *дансингах*. Когда мы слушаем радио и смотрим телевизор, или, как сейчас принято говорить, *масс-медиа*, нам уже не режут слух такие слова, как *маркетинг, брифинг, лизинг* и т.д.

По-видимому, использование английских слов в русской речи в наше время можно сравнить с тем, что происходило в XVIII – XIX вв. Французский язык в то время считался элитарным, и многие дворяне знали его лучше русского. Те же, кто недостаточно хорошо изъяснялся по-французски, время от времени разнообразили свою речь отдельными французскими словами и выражениями, что придавало ей некий аристократизм и изысканность. Но в XVIII – XIX вв. это явление охватывало только верхние слои общества. Сейчас же английские слова и выражения очень ловко используют все социальные слои общества.

Почему сегодня заимствования приходят к нам в основном из английского, а точнее сказать, из американского английского? Это обусловлено целым рядом причин. Во-первых, жизнь современного российского общества ориентирована на западный, в частности, на американский образ жизни. Переходя к демократии и рынку, Россия взяла за образец подражания американскую модель развития экономики и политики со всеми ее достоинствами и недостатками. В результате этого "американизации" подверглись не только экономика и политика, но и культура, и искусство и, в некоторой степени, даже образование. Все эти социальные явления нашли свое отражение в языке. Сначала появились экономические и политические термины, такие как *толерантность, консенсус, лизинг* и т.д. Затем американизмы начали активно просачиваться в периодическую печать, на радио и телевидение. Английские заимствования часто используются в средствах массовой информации: *В рамках конкурса Долорес Кондрашова провела "master-class" и показала настоящие чудеса парикмахерского искусства* (Спид-Инфо, 1999, №5). Их можно увидеть и услышать в рекламах, названиях фирм, журналов, магазинов и различных предприятий ("*Инком банк*" – в переводе 'доход', баскетбольная команда "*Урал-грейт*" – 'великий', журнал "*Cool*" – 'крутой' или "*Girl*" – 'девушка' и т.д.). По радио и телевидению транслируются каналы и передачи на английском языке (*MTV, EUROSPORT, KIDS FOX* и т.д.), названия многих товаров и продуктов являются английскими ("*Glade*" – 'поляна', "*Sprite*" – 'эльф' и т.д.).

Нельзя не отметить и огромное влияние американской массовой культуры. Российский кинорынок буквально завален всевозможными боевиками, или, как сейчас говорится, *фильмами жанра экшен*, где супергерой всегда выходит победителем и в конце обязательно говорит что-то типа: "*I'll be back!*" Такие выражения очень легко запоминаются и затем используются в основном представителями молодежи в повседневной речи.

Второй причиной столь бурного заимствования именно английских слов и выражений является процесс глобализация или интеграции. В.К. Журавлев в сво-

* © А.В. Чубарова 2002

ей книге "Внешние и внутренние факторы языковой эволюции"(1982) справедливо утверждает, что интеграционные процессы в глобальном масштабе, усиление разнообразных научных, экономических и социальных связей между народами, повышение роли науки и техники, общий подъем уровня народного образования и т.д. оказывают социальное давление на развитие языков.

На передний план языковой жизни выдвигается интернационализация, которая проявляется двояко: с одной стороны, наблюдается усиление функциональной нагрузки языков межнационального и международного общения, а с другой – рост билингвизма и увеличение объема интернационального элемента в литературных языках.

На данный момент мы можем констатировать, что английский язык практически является господствующим языком международного общения. Прежде всего, он обслуживает сферу науки и техники. По данным реферативных журналов, более 20% реферируемых ежемесячно работ по химии и 26% по физике пишутся и публикуются на русском языке, в то время как 90% – на английском. Кроме того, английский язык продолжает оставаться языком мировой торговли, бизнеса и дипломатии.

Таким образом, включение английских слов в русскую речь обусловлено социально-историческими причинами. Влияние этих экстралингвистических факторов на язык несомненно, но ярче всего это проявляется в разговорной речи, которая более всего восприимчива к новому. Для осуществления разговорной речи необходимы три условия: неподготовленность речи, непосредственное участие говорящих в речевом акте и непринужденность речи. Непринужденность возможна только при неофициальном общении, т.е. когда беседа проходит в неофициальной обстановке. (Земская, 1981; Ерофеева, Королева, 1978) Если хотя бы одно из этих условий не выполняется, то общение людей происходит уже на какой-либо другой форме национального языка. Разговорная речь рассчитана на непосредственное восприятие, поэтому она обычно диалогична, спонтанна и всегда ситуативна. Лексика разговорной речи чрезвычайно разнообразна по своему составу. В нее входят нейтральная, собственно разговорная лексика и книжно-терминологическая лексика. Разговорная речь быстрее, чем литературный язык, откликается на новые веяния. Будучи основной формой общения, она во многом влияет на нормы кодифицированного литературного языка. Разговорная речь является своего рода воротами, через которые в наш язык приходит нечто новое, чужое (Земская, 1981).

С течением времени язык изменяется. Каждое отдельное поколение и каждый отдельный индивид, принадлежащий к этому поколению, усваивают язык. Но усвоение носит избирательный характер: воспринимается и репродуцируется именно то, что необходимо. Поэтому наиболее частотное употребление разнообразных английских заимствований было зафиксировано в молодежной среде. Молодежь – та группа, которая готова к быстрому освоению и восприятию нового. Между тем причины, по которым молодые люди используют американизмы, весьма разнообразны. В качестве основных можно указать на следующие: во-первых, английские заимствования используются для того, чтобы произвести впечатление на других; во-вторых, показать, что владеешь английским языком; в-третьих, чтобы уточнить мысль; в-четвертых, чтобы придать речи экспрессивность и выразительность.

Согласно исследованию, проведенному Т.В.Сердитых (1999), возраст людей (не специалистов), использующих в русской речи английские слова, колеблется в

пределах от 18 до 24 лет. Тематика заимствований чрезвычайно разнообразна. В основном, это широкий круг предметов понятий, представляющих интерес для людей: человек и окружающие его предметы, основные действия и состояния, их оценка. Людями более зрелого возраста английские слова используются крайне редко, причем это в основном широко известные слова: *OK, TV, thanks*.

В ходе нашего исследования выяснилось, что и половой признак влияет на использование английских заимствований в речи студентов. Так, женщины используют английские слова намного чаще мужчин. Кроме того, эмоционально окрашенная лексика больше используется женщинами, мужчины включают стилистически сниженную лексику.

Еще одним немаловажным фактором, влияющим на употребление американизмов, оказался уровень владения английским языком. Люди, не знающие английского языка или плохо владеющие им, почти не используют английские слова в своей речи. А если используют, то уже в модифицированном виде. Например, прибавляют русское окончание к английскому слову: *пиллы* (от *people*), *шузы* (от *shoes*). Иногда согласовывают английское существительное с русским прилагательным, причем род прилагательного определяется по роду русского эквивалента: *квадратный face* (лицо), *моя security* (охрана), *крутой man* (мужчина). Те, кто свободно говорит на английском, включают в свою речь большое количество заимствований. Целые идиоматические выражения или цитаты из известных песен, фильмов, книг активно используются в их речи. Например: вместо *добралась наконец-то* – *home sweet home*; или *Где ключи?* – *I don't know*; или *Все под контролем*, *Don't worry* и т.д. В данном случае английские заимствования используются для придания речи ироничности или особой эмоциональной насыщенности. Достаточно часто американизмы употребляются в предложении после русского эквивалента для усиления его смысла. Например: *Мне нужны деньги* – *money, money* или *Это любовь* – *love*. Так как разговорная речь в большинстве случаев диалогична, то употребление английских слов и выражений часто бывает вызвано тем, что их употребил собеседник. Например: *Расскажи, пожалуйста!* – *Never!* – *OK!*

Таким образом, употребление заимствованных слов и выражений факультативно. Использование их в речи – индивидуально. В принципе, можно прекрасно обойтись и без английских заимствований. Лингвистические средства русского языка достаточно выразительны и разнообразны, с их помощью можно точно оформить любую мысль. Но английские заимствования придают особый колорит разговорной речи молодежи.

В России достаточно широко распространено двуязычие или билингвизм. И это в свою очередь является весьма сложной проблемой. Некоторые исследователи считают, что билингвизм начинается с понимания смысла отдельных высказываний на иностранном языке. С этой точки зрения все мы – билингвы, так как отдельные высказывания на английском языке понимают практически все. Кроме того, в России довольно распространенным является определенный тип билингвизма – билингвизм искусственный, который возникает при изучении языка в школе и вузе. Естественно, изучается не только английский, но и французский и немецкий языки, но их влияние на разговорную речь несравнимо слабее (Костомаров, 1999).

В ситуации двуязычия языки взаимодействуют и влияют друг на друга. Наблюдается интерференция языков – явление взаимодействия структур и структурных элементов одного языка на другой. Нередко интерференцию сводят к влиянию родного языка на другой. Естественно, воздействие иностранного языка

на родной значительно слабее, но от этого не менее интересно и значимо, тем более, если оно подкреплено социальными причинами. Именно ситуация искусственного билингвизма, на наш взгляд, является своего рода катализатором для столь обширного использования английских заимствований.

Таким образом, проблему заимствования английских слов, как и всякую сложную проблему, нельзя рассматривать однозначно. Она имеет как положительные, так и отрицательные моменты. Плюсом является заимствование некоторых терминов для обозначения явлений и предметов, которые не имеют аналогов названий на русском языке. Это способствует дальнейшему развитию науки и техники, экономики и политики. Позволяет ученым разных стран тесно сотрудничать, избегая двусмысленности и разночтения в научных определениях.

Кроме того, большое количество английских заимствований выступает своего рода стимулом для изучения иностранного языка. Как уже было отмечено, английский является официальным международным языком. На разных изделиях, одежде, косметике, бытовой химии аннотации, описания, инструкции пишутся, в основном, на английском языке. Стремясь понять эти надписи, человек узнает значения отдельных слов, некоторые из них запоминает.

Знание английского языка необходимо для получения престижной, хорошо оплачиваемой работы, так как многие фирмы сейчас сотрудничают с зарубежными партнерами. Английский язык также необходим для работы с компьютером. Все эти факторы заставляют людей изучать английский язык, повышать уровень владения им. Зная иностранный язык, человек может познакомиться с культурой и литературой других стран, что, безусловно, расширяет его кругозор и обогащает его духовно. Однако есть люди, которые автоматически заучивают английские слова и выражения, не вникая в их смысл, используют их во всех ситуациях, даже если эти слова не отвечают смыслу высказывания. Это приводит к засорению русской речи. В связи с этим очень остро встает вопрос о чистоте русского языка. Безусловно, постоянные изменения, искажения в языке могут привести к его деформации. Но, с другой стороны, без изменений невозможно развитие языка. В связи с этим следует тщательно изучать все явления, происходящие в языке, даже если они могут оказать негативное влияние на язык.

Литература:

Ерофеева Т.И., Королева Л.К. Об определении статуса разговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1978.

Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. М., 1981.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1999.

Сердитых Т.В. Иностранное слово в русской разговорной речи: Дипломная работа. Пермь, 1999. (Рукопись).

Личность в экспериментальном изучении

Изучение личности обязательно связано с исследованием множества самых разнообразных компонентов: биологических, социальных, психологических и т.д. Одной из важнейших психологических характеристик личности является степень независимости, самостоятельности и активности человека в достижении своих целей, развитие чувства личной ответственности за происходящие с ним события. Данный аспект личности изучается с помощью так называемой шкалы локуса контроля Д.Б.Роттера (Немов, 1998). Эта шкала основана на следующем принципиальном положении: люди различаются между собой по тому, где они локализируют контроль над значимыми для себя событиями. Возможны 2 полярных типа такой локализации, или локуса контроля: экстернальный и интернальный. В первом случае человек полагает, что происходящие с ним события являются результатом действия внешних сил: случая, других людей и т.д. Во втором случае человек интерпретирует значимые события как результат своей собственной деятельности. Человеку свойственна определенная позиция на континууме от экстернального типа до интернального. Локус контроля, характерный для индивида, универсален по отношению к любым типам ситуаций и событий, с которыми ему приходится сталкиваться.

На предмет выявления уровня субъективного контроля нами было опрошено 36 человек, из которых для исследования было отобрано 24: 12 мужчин (6 интерналов и 6 экстерналов) и 12 женщин (6 интерналов и 6 экстерналов) в возрасте от 22 до 28 лет. Все информанты имеют высшее образование. Производилась запись рассказов информантов на магнитофонную пленку. Данные рассказы представляют собой описания словесных картин, составленных нами на основе тематики всех вопросов опросника уровня субъективного контроля (УСК): было придумано семь ситуаций в соответствии с семью шкалами интернальности. Например, шкале интернальности в области достижений соответствует следующая словесная картина: представьте себе человека, который впервые в жизни прыгает с парашютом; опишите развитие ситуации; расскажите историю этого человека, сколько ему лет, какой образ жизни ведет, чем занимается и т.д.; как вы думаете, для чего ему нужен этот прыжок? Всего было получено 168 словесных картин.

Степень подготовленности устной речи испытуемых была практически равна нулю, что, на наш взгляд, весьма важно для психологического и прагмалингвистического исследований, поскольку в этом случае информант проявляет большую изобретательность при создании текста.

Почему мы придумали словесные картины, опираясь на тематику шкал интернальности? Поскольку в данной работе мы попытались совместить аспект лингвистический с аспектом психологическим (УСК), то нам показалось необходимым, чтобы содержание текстов было связано с тематикой интернальности-экстернальности. В этом случае наше исследование зависимости речевой продукции говорящего от его определенного УСК было бы вполне оправданным.

Описания словесных картин были проанализированы с учетом конкретно определенного локуса субъективного контроля каждого из 24 информантов.

* © М.В. Усманова 2002

Анализ словесных картин наших информантов позволяет сделать следующие выводы. Интерналы делают акцент преимущественно на внутренних возможностях человека, считая, что многое зависит именно от него самого. Экстерналы же, наоборот, говорят о влиянии внешних факторов: других людей, воспитания, везения-невезения.

В целом речь интерналов более красочна, богата фактами из собственной жизни, как явными, так и подразумеваемыми жизненным контекстом. Они чаще анализируют ситуацию. Высказывания развернуты и интонационно вариативны. Интерналы весьма емко раскрывают социальную обусловленность текста, активно размышляя о жизненных ситуациях, давая явлениям самостоятельное, индивидуальное объяснение и оценку. В отличие от интерналов, экстерналы редко дают оценку тем или иным фактам; чаще предпочитают говорить об отвлеченных ситуациях. Кроме того, в своих словесных картинах они чаще говорят об абстрактном человеке, в то время как интерналы зачастую описывают самих себя.

Цель нашего эксперимента – выявление лингвистических характеристик речевого портрета автора текста для научно обоснованного диагностирования его индивидуальных черт, на основании которых можно было бы прогнозировать его речевую деятельность и речевое поведение, предвидеть уровень эффективности речи.

Важно заметить, что языковые единицы сами по себе с точки зрения их системной организации для данного психолингвистического исследования не играют роли. Все языковые единицы – лексические, грамматические, синтаксические лингвистически равнозначны и системно равноценны (Матвеева, 1999). Они приобретают значимость в функциональной синтагматике, в их линейном употреблении отправителем текста с учетом ситуации. Их иерархическая зависимость проявляется в тексте и зависит от того, какую значимость им придают участники общения.

Нас же заинтересовало употребление нашими информантами местоимений; особый акцент был сделан на личных местоимениях. С точки зрения системы, как уже было замечено, все личные местоимения равнозначны. Но в речи частота "я" приобретает большое значение. Объективно существующие ситуативные элементы детерминируют ценность языковой единицы. Эти единицы употребляются субъективно индивидом: он, пропуская их через свое сознание, присваивает их себе и они оседают в сознании как тонкие смысловые наслоения. При употреблении в речи языковые единицы обрастают рядом таких смысловых оттенков, которые ориентированы на компоненты ситуации. И эти тонкие нюансы смысла сопровождают основные значения языковой единицы.

Так, личное местоимение "я" имеет главным образом дейктическое значение, указание на участника речевого акта, но тонкий смысловой оттенок, который наслаивается на основное значение – это элемент самоутверждения, авторитарности, эгоцентричности. И почувствовать этот нюанс в речи отдельного человека мы сможем тогда, когда это "я" будет встречаться в его речи достаточно часто. Этот тонкий оттенок создает "фоновый шум" в тексте, причем тонкие нюансы смысла сопровождают многие лексические, грамматические, синтаксические, текстуальные основные значения. Наблюдения над выбором актуализаторов (в данном случае личных местоимений) позволяет уточнить некоторые признаки личности. Тот факт, что в речи информантов № 3 и 17 личное местоимение *я* и его косвенные формы (*меня, мне, мной* и т.д.) вообще отсутствуют, приводит нас к определенной оценке их индивидуальности.

Сконцентрировав свое внимание на местоимениях (в частности на личных и лично-указательных), мы постарались рассмотреть частотность их употребления в зависимости от двух факторов – пола и экстернальности-интернальности. В результате анализа материала были получены следующие данные.

В целом в речи женщин местоимений больше, чем в речи мужчин (20,13% и 17,62%), хотя, как можно заметить, разница не очень существенна. При этом женщины чаще используют личные местоимения (*я, ты, мы, вы* в значении *я* и их косвенные формы) – 3,32%, у мужчин – 2,0% (или 13,88% и 10,92% соответственно от общего числа местоимений), также дело обстоит и с лично-указательными местоимениями (*он, оно, они, она* и их косвенными формами) – 7,1% у женщин и 4,03% у мужчин.

В среднем мужчины чаще используют указательные местоимения (4,39%), затем по частоте встречаемости следуют лично-указательные (4,03%), затем – неопределенные (2,18%) и только на четвертой позиции – личные (2,0%). У женщин мы видим несколько иную картину. На первой позиции у женщин идут лично-указательные местоимения (7,1%), на второй – указательные (4,76%), затем – личные (3,32%), неопределенные же местоимения составляют 1,82%. При этом в среднем больше всего местоимений в речи женщин-экстерналов (21,12%), а меньше всего – в речи мужчин-экстерналов (17,5%). Женщины-экстерналы чаще используют и личные местоимения (3,51%), в отличие от мужчин-экстерналов (1,46%). Доля личных местоимений в речи мужчин и женщин интерналов почти одинакова (2,64% и 2,06% соответственно). В целом же, в речи женщин-интерналов чаще встречаются лично-указательные местоимения (7,07%) и указательные (4,34%). В описаниях мужчин-интерналов, мужчин-экстерналов и женщин-экстерналов на первое место выходят указательные местоимения (6,64%, 4,98% и 4,88% соответственно).

В дальнейшем мы планируем продолжить начатое исследование не только на морфологическом, но и на синтаксическом уровне, расширив выборку информантов до 48 человек.

Литература:

- Матвеева Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов-на-Дону, 1999.
- Немов Р.С. Психология. М., 1998. Кн.3.

Н.В. Батюкова*
Пермь

Зависимость некоторых характеристик речи от экстраверсии/интроверсии говорящего

Как известно, человек с позиции стратометрической концепции является многоплановой структурой, которая включает в себя социальные, биологические и психологические характеристики, другими словами – страты (Ерофеева, 1995). Страты определяют речевое поведение человека. Они накладывают отпечаток на его речь и тем самым отличают ее от речи других лиц, которые являются носителями иных социальных и биопсихологических признаков. Связующим звеном между личностью и обществом (средой) выступают такие значимые свойства

* © Н.В. Батюкова 2002

личности, как экстраверсия и интроверсия. Они являются основными вариантами приспособления личности к окружающему миру и, следовательно, проявляются в поступках человека и в его речи. Именно поэтому страта "экстраверсия/интроверсия" стала предметом нашего рассмотрения и исследования.

Материалом работы послужили спонтанные речевые монологи продолжительностью три минуты. Речь информантов записывалась на магнитофонную ленту в непринужденной обстановке, так как именно в таких условиях можно получить наиболее достоверный материал.* Информантам было предложено пересказать известный художественный фильм. Всего в данном исследовании приняли участие 16 информантов (8 экстравертов и 8 интровертов). Выборка информантов была сбалансирована также по стратам "пол" и "специальность" (филологи – нефилологи), т.е. градации данных страт входили в выборку в равной пропорции. Информанты принадлежали к одной возрастной категории (19-21 год) и имели одинаковые характеристики по следующим признакам: место рождения, место жительства, уровень образования.

Анализ речи информантов позволил получить информацию на морфологическом, лексическом, синтаксическом и супрасегментном уровнях языка и выявить существенные и несущественные страты-факторы, особенности их проявления на рассматриваемых языковых уровнях.

Результаты нашего исследования доказывают, что страта "экстраверсия/интроверсия" действительно определяет особенности речевой продукции индивида. Значимость этой страты особенно ярко прослеживается на синтаксическом и супрасегментном уровнях языка.

Таблица 1

**Средние частоты единиц синтаксического уровня
для экстравертов и интровертов**

Синтаксические единицы	Экстраверты	Интроверты
Количество предложений	19,25	17,13
Простое предложение	6,75	13,25
Сложносочиненное предложение	3,00	7,00
Сложноподчиненное предложение	2,55	2,63
Незавершенное предложение	3,13	0,00
Уточняющая конструкция	5,50	2,50
Вводная конструкция	3,00	5,13
Повтор слов	3,75	0,88
Инверсия	3,38	2,13

Данные, полученные на синтаксическом уровне, представлены в таблице 1. На основании полученных результатов мы можем говорить о заметных различиях речи экстравертов и интровертов. В речи экстравертов незначительной преобладает общее количество предложений. Очевидно, это связано с более высоким темпом речи испытуемых данной группы. Преобладание простых предложений (в 1,9 раза) и сложносочиненных предложений (в 2,3 раза) было выявлено в речевой продукции интровертов. Можно сказать, что речь этих людей отличается большей продуманностью, она более связна и однородна по сравнению с речевой

* Выражаем благодарность студентке О.Рубицкой за предоставленные материалы.

продукцией экстравертов. Количество сложноподчиненных предложений практически одинаково в речи информантов обеих групп.

В текстах интровертов практически не встречаются незавершенные предложения, тогда как у экстравертов их в среднем 3,13 единиц. Не закончив одно высказывание, экстраверты часто начинают говорить о другом, вспомнив о чем-либо важном, по их мнению. Такие "самоперебивы" могут быть обусловлены в какой-то степени и темпом речи экстравертов, так как он достаточно высок. Кроме того, тексты экстравертов наполнены большим количеством уточняющих конструкций (в 2,2 раза). Например: *Потом передал часы деду, то есть главного героя, дед главного героя.*

Речь интровертов характеризуется преобладанием вводных конструкций (в 1,7 раза больше, чем у экстравертов), отражающих отношение говорящего к предмету высказывания. Это такие словосочетания, как: *на мой взгляд, ну я считаю, мне так показалось.* Нередко они находятся в центре высказывания или завершают его. Повторы слов встречаются в речи информантов, относящихся к типу экстравертов в 4,2 раза чаще, чем у людей, принадлежащих группе интровертов. Это, очевидно, вызвано тем, что экстраверты затрачивают меньше времени на обдумывание следующего высказывания, поэтому они чаще повторяют слова по несколько раз.

Так же следует сказать о количестве инверсий в текстах информантов обеих групп. Преобладающее число инверсий оказалось в речи экстравертов (в 1,5 раза больше, чем у интровертов). На наш взгляд, это обусловлено, как уже говорилось выше, более высоким темпом речи, что ведет к нарушению обычного порядка слов. Например: *После пяти лет отец умирает мальчика. Переживает за **итак огромный** людей.*

Таким образом, рассмотрение речевого материала на синтаксическом уровне позволяет говорить о различиях в речи экстравертов и интровертов.

Данные, полученные на супraseгментном уровне, отражены в таблице 2. Как показывает таблица, речь интровертов отличается большим количеством пауз (в 1,8 раза больше, чем у экстравертов), функция которых, очевидно, состоит в осмыслении текущей информации, планировании интонационного оформления и т.д. (Ерофеева Т.И., 1994). У экстравертов же в данном случае наблюдается частое использование заполнителей пауз, так называемых "сорных" слов: *воп, ну, типа, это самое* и др.

Таблица 2

Средние показатели супraseгментного уровня
для экстравертов и интровертов

Супraseгментные характеристики	Экстраверты	Интроверты
Паузы	10,50	19,25
Эмоциональное ударение	5,88	2,75
Логическое ударение	6,75	5,75
Темп речи (слов/мин)	108,00	69,88

В речи экстравертов присутствует в 2,1 раза больше эмоциональных ударений, чем в речи интровертов. Это, по-видимому, обусловлено тем, что экстраверты в большей степени склонны выражать свои эмоции публично. Кроме того, экстраверты менее интровертов задумываются о подборе слов, о строгости фразы. Поэтому и логические ударения играют заметную роль в их речи, так как функ-

ция логического ударения – выделить, заострить внимание на том слове (или речевом отрезке), которое несет наибольшую смысловую нагрузку.

Темп речи экстравертов и интровертов также имеет значительную разницу: 108,00 слов/мин и 69,88 слов/мин.

В таблице 3 представлены данные, характеризующие употребление разных частей речи. Анализ таблицы позволяет говорить о несущественности различий в употреблении употребления разных частей у экстравертов и интровертов (см. табл.3).

Таблица 3

Средние частоты частей речи у интровертов и экстравертов

Части речи	Экстраверты	Интроверты
Существительное	45,38	47,75
Прилагательное	10,25	12,13
Глагол	29,38	30,38
Местоимение	21,13	20,13
Предлог	16,25	18,88

Таблица 4

Веса (η^2) и F-критерии страты "экстраверсия/интроверсия" для разных лингвистических признаков

Лингвистические признаки	(η^2)	F
<i>Лексический уровень</i>		
Эмоциональная лексика	0,11	1,72
<i>Морфологический уровень</i>		
Существительное	0,02	0,34
Прилагательное	0,10	1,58
Глагол	0,01	0,09
Местоимение	0,01	0,11
Предлог	0,06	0,88
<i>Синтаксический уровень</i>		
Вводная конструкция	0,28	5,39
Уточняющая конструкция	0,42	10,08
Повтор слов	0,73	37,40
Инверсия	0,19	3,27
Незавершенное предложение	0,89	112,18
Простое предложение	0,50	13,84
Сложносочиненное предложение	0,71	34,46
Сложноподчиненное предложение	0,00	0,03
Количество предложений	0,07	1,06
<i>Супraseгментный уровень</i>		
Пауза	0,52	15,34
Логическое ударение	0,09	1,44
Эмоциональное ударение	0,47	12,32
Количество слов	0,73	38,47
Темп речи	0,73	98,06

На лексическом уровне рассматривалось употребление эмоциональной и эмоционально-оценочной лексики. У экстравертов эмоционально-оценочная лексика составляет 6,75 слов, что в 1,4 раза больше, чем у интровертов, у которых, в

свою очередь, было выявлено 4,88 в среднем словоупотреблений эмоциональных слов. Эту разницу можно считать достаточно большой.

Полученные данные были статистически обработаны с помощью дисперсионного анализа силы влияний (ДА), использование которого в лингвистических исследованиях обосновано А.С. Штерн (1992). Результаты ДА представлены в таблице 4.

Весы и F-критерии для тех признаков, влияние на которые страты "экстраверсия/интроверсия" существенно, выделены в таблице жирным шрифтом. Из 20 исследованных лингвистических признаков страта "экстраверсия/интроверсия" оказывает существенное влияние на 10, причем все эти признаки принадлежат синтаксическому или супraseгментному уровню, исследованные единицы которых связаны между собой. На единицы же лексического и морфологического уровня исследованная страта не оказала неслучайного влияния.

Литература:

Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1995.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.

Е.А. Балашова*
Пермь

Обыденное толкование значения слова в лингвистическом эксперименте

В XX в. в отечественной и мировой лингвистике ведущие позиции завоевывает принцип антропоцентризма. Идеи антропологистики определяют исходную теоретическую базу всех современных исследований. Возросший интерес к носителю языка определяется общим процессом гуманизации знания. Идея личности рассматривается как идея, способная сыграть роль центра, вокруг которого формируется целостное гуманитарное знание. Представление о мире как о динамической системе разворачивающихся вокруг человека, событий, явлений, свойств обратило внимание на деятельность человека, обеспечивающую ему ориентацию в мире, его практическое освоение.

В рамках данного направления представляется интересной точка зрения В.Б.Касевича на научную и наивную картины мира. Под наивной картиной мира исследователь понимает "реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития". В.Б.Касевич акцентирует внимание на том, что в отличие от научной картины мира, наивная складывается "как ответ на главным образом практическую потребность человека – как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру" (Касевич, 1996, с.78).

Следует отметить, что проблемой соотношения научного и бытового значения лингвисты занимаются уже давно, правда, только на лексическом уровне.

Формы отражения действительности разнообразны. В первую очередь выделяются чувственная (посредством органов чувств) и рациональная (путем логического, абстрактного мышления) формы отражения действительности. Во-вторых, нужно различать индивидуальное и общественное познание: человек познает действительность на основе личного опыта, а также усваивает результаты

* © Е.А. Балашова 2002

познания действительности обществом. Эти особенности категории отражения, находящие выражения в дихотомиях чувственное/абстрактное и индивидуальное/общественное, оказывают влияние на содержание языкового знака.

С другой стороны, в денотативном компоненте значения выделяют референт знака (конкретный единичный предмет, с которым соотносится знак в акте употребления) и денотат знака (выделенная мыслью некоторая совокупность реальных признаков предметов). Соответственно, денотативная отнесенность знака системна, а референтная – ситуативна.

Одним из направлений в решении проблемы системного и несистемного, общего и индивидуального, объективного и субъективного было разграничение А.А.Потебней ближайшего и дальнейшего значения слова. Такое разграничение проводили многие исследователи, вводя разную терминологию: обывательское понятие и научное (Щерба, 1958), повседневное и научное (Горский, 1957), житейское и научное (Брушлинский, 1968), наивное и научное (Апресян, 1974).

Основным положением данной работы является утверждение, что обывденное толкование значения слова позволяет выявить наивное представление о мире, которое основано на донаучных, общих понятиях, предоставляемых языком в распоряжение его носителю.

Толкование значения является внешним (речевым) оформлением знания, отраженного рефлектирующим сознанием. При этом процесс осмысления значения неотделим от процесса вербализации, спецификой рефлексии является направленность на уже готовый ментальный объект, на мыслительное образование, "схваченное" словом. Вербальное описание значения слова одновременно выступает и способом его интерпретации (Ростова, 2000). Толкование лексического значения отражают типовые связи, определяют тот стандарт, в котором зафиксированы наиболее актуальные для данной языковой общности семантические отношения и закономерности их осмысления.

Обывденное толкование значения слова и сопоставление его с научным являются предметом данной статьи. Материалом исследования является тематическая группа "части человеческого тела", состоящая из 30 единиц.

Исследование проходило в 2 этапа. На первом этапе был проведен эксперимент, в ходе которого информантам предлагалось письменно заполнить анкеты, дав определения 30 словам. Внимание информантов обращалось на то, что они должны отразить свое собственное понимание. Заполнявшие анкеты указывали пол, возраст и образование. В качестве информантов выступили 15 мужчин и 15 женщин в возрасте от 20 до 70 лет, жители г. Перми, для которых русский язык является родным.

На втором этапе полученные дефиниции сравнивались с толкованиями значений в "Словаре современного русского литературного языка" АН СССР в 17 томах (1948-1965), т.к. именно в этом словаре статьи слов-терминов максимально приближены к научному пониманию.

В ходе сравнения обывденных и научных толкований были сделаны следующие наблюдения.

1) Обывденные толкования последовательно актуализируют функциональный признак, т.к. части и органы тела воспринимаются именно как выполняющие определенные функции. В научном же определении обычно даются качественные характеристики и определяется место расположения органа. Например, *рот* – полость между верхней и нижней челюстями с отверстием в нижней части лица (в словаре), *рот* – орган для приема пищи и говорения (по данным анкет); *ноги* –

нижние конечности человека (в словаре), *ноги* – средство передвижения (по данным анкет).

2) Большие затруднения вызвали толкования слов, обозначающих внутренние органы. Их определения очень вариативны. Так, в толковании слова *почки* можно выделить до семи функций, которые выполняет данный орган, по мнению опрошенных (выводят шлаки, выводят мочу, перекачивают жидкость, фильтруют жидкость, очищают организм, образуют камни и т.д.). Такая вариативность объясняется тем, что за деятельностью внутренних органов человек непосредственно не наблюдает.

3) Сравнение обыденного толкования значения слова с научным показало, что в сознании человека актуализируется только одно из значений слова или часть значения. Несколько примеров. *Талия* – 1) часть туловища от подбородка до бедер; 2) узкая часть туловища (в словаре). Для опрошенных *талиа* – это только узкая часть туловища. *Уши* – органы слуха и равновесия. По данным анкет, *уши* – орган слуха. Форма ед. ч. *орган* указывает на то, что уши воспринимаются человеком как один, единый орган. *Пальцы* – подвижные конечные части кисти руки или ступни ноги. Для обыденного сознания – *пальцы* – конечные части рук. И только для 10% информантов – еще и ног.

С помощью обыденного толкования удалось установить, какое значение слова актуально для обыденного сознания. Например, *язык* воспринимают как орган, участвующий в порождении речи – в 95%, как орган пищеварения – в 30%. *Мозг* как орган вообще толкуется в 30%, а в значении ум, умственные способности – в 70%.

4) В данном эксперименте удалось сопоставить толкования информантов как представителей определенных социальных групп. Анализ анкет показал, что фактор уровня образования не влияет на содержание обыденных толкований, т.к. эти представления основаны на донаучных понятиях, а бытовое восприятие слов данной тематической группы не зависит от образования.

Оказал влияние на содержание обыденных толкований фактор "пол". Преднамеренно в список были включены так называемые атрибуты человеческого тела, которые являются принадлежностью мужского (*усы, борода*) и женского (*коса*) пола. В своих определениях около 80% мужчин и женщин указали на то, что *усы* и *борода* именно мужские детали. Примечательно, что, толкуя слово *усы*, женщины почти буквально повторили научную дефиницию (волосы над верхней губой у мужчин), а все лица мужского пола определили это слово как "гордость мужчины". Толкуя слово *коса*, 60% мужчин и женщин указали на то, что *коса* является именно женской принадлежностью.

Анализ анкет позволил выделить в отдельную группу еще 3 слова, в определениях которых было указание на принадлежность этих частей тела женскому полу. Это отметили у слова *талиа* 50% мужчин и 30% женщин. В толковании слов *ресницы* и *ногти* 30% мужчин указали на то, что эти детали являются показателями женской красоты. Женщины эти признаки не выделили. Подобные данные позволяют выявить особенности восприятия мужчин и женщин.

Фактор "пол" также обусловил выбор разных значений слова. Так, в словаре представлены два значения слова *руки*: 1) верхние конечности; 2) орудие деятельности. 90% мужчин определили *руки* как верхние конечности, а 100% женщин воспринимают их как орудие деятельности. В анкетах дается определение "руки – то, что необходимо для работы". Как видим, значения слов актуализируются в сознании мужчин и женщин по-разному.

Таким образом, можно сделать вывод, что обыденное толкование значения слова отражает ту совокупность знаний о денотате, которая является достоянием данного говорящего коллектива, более того, определенной социальной группы. Обыденное толкование актуализирует поверхностные, часто случайные признаки денотата, используемые в повседневном общении для дифференциации предметов.

Исследование еще не завершено, но оно уже открывает новые перспективы. Во-первых, изучение обыденного толкования значения слова позволит смоделировать фрагмент языковой картины мира и разработать метод исследования наивной картины мира. Во-вторых, можно составить словарь, который бы описывал значения так, как они представлены в языковом сознании носителей языка. Конечная цель дальнейшего изучения этой темы – разработка проблемы наивного языкового сознания носителей языка.

Литература:

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.
Горский Д.П. Роль языка в познании // Мышление и язык. М., 1957.
Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996.
Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2000.
Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языковедению и фонетике. Л., 1958. Т. 1.

Ж.С. Тарнавская*
Пермь

Классификация способов образования профессиональной единицы

Понятие термина тесно связано с понятием профессионализма – слова, которое обычно является дублетом собственно терминологического обозначения, возникающее в устной речи и распространенное в профессиональной среде. Известно, что любое слово есть единство звуковой оболочки и его содержания. Следовательно, структура профессиональной единицы (ПЕ), как любого языкового знака, является следующей: ЭС, где Э – экспонент (звуковая оболочка слова), С – семема (содержание слова).

Анализ речи музыкантов-преподавателей позволил обнаружить 150 ПЕ. Их можно разделить на четыре группы.

Первая группа включает слова, равные по значению с общелитературными единицами. В этом случае $S = 0$ и $\mathcal{E} = 0$, т.е. как на уровне экспонента, так и на уровне семемы изменений лексической единицы в системе профессиональной речи не наблюдается. Например, в литературном языке и профессиональной речи слово **кнопка** обозначает *подвижная пуговка для замыкания путем ее нажатия* (Ожегов, 1964, с.273). К другим примерам этой группы относятся следующие ПЕ: **дулка** – *род музыкального инструмента* (Ожегов, 1964, с.773); **текст** – *последовательность звуков* (БЭС, 1998, с.187); **удар** – *резкий, сильный толчок, прикосновение к кому- чему-н.* (БЭС, 1998, с.349); **выдерживать** – *продержать где-н. ка-*

* © Ж.С. Тарнавская 2002

кое-н. время (разг.) (Ожегов, 1964, с.108); **зжимать** – *плотно закрыть, сжав* (Ожегов, 1964, с.108); **свободная** (рука) – *не затрудненная в движении* (Ожегов, 1964, с.199); **вверх** – *по направлению кверху* (Ожегов, 1964, с.66); **вниз** – *по направлению к низу* (Ожегов, 1964, с.83); **кисть** (руки) – *отдел руки человека* (БЭС, 1998, с.53); **гортань** – *начальный хрящевой отдел дыхательной системы человека* (БЭС, 1998, с.299).

Многие из указанных ПЕ относятся к называнию или описанию технических приемов, а также к наименованию различных частей "аппарата" исполнителя (гортань, кисть, кончики пальцев, рука). Такие лексические единицы в нашем материале составляют 19,7%.

Во вторую группу вошли слова, которые подверглись изменениям в плане структуры слова и остались неизменными содержательно. Здесь наблюдаются такие словообразовательные процессы, как фонетическая мимикрия, аббревиация, усечение, суффиксация. Эта группа ПЕ составляет 11,2% общего числа исследуемых единиц. Например: а) фонетическая мимикрия: **скаккато** (вместо итал. *стаккато*) – *отрывисто*; б) аббревиация: **Р.Н.П.** – *русская народная песня*, **ОНИ** – *отделения народных инструментов*; в) усечение: **академ** – *академический концерт*, **звук** – *звукоизвлечение*, **параллель** – *параллельная тональность*, **педаль** – *педализация*; г) суффиксация: **четвертушка** – *музыкальная длительность "четверть"*, **половинка** – *музыкальная длительность "половинная"* и др.

Слова третьей группы, наоборот, сохраняют неизменным экспонент, но характеризуются семантическими изменениями. В этом случае слова литературного языка оказываются втянутыми в процесс метафоризации и метонимии. Эта самая обширная группа слов. Она составляет 65% общего числа ПЕ. Например: **самовар** – *саксофон*, **ехать** – *играть фальшиво*, **рязанское произношение** – *неправильное произнесение звуков в вокале*, **загонять** – *ускорять темп*, **картошка** – *музыкальная длительность "половинная"*, **духовенство** – *исполнители на духовых инструментах*, **кукарекать** – *неправильно брать звуки на духовых инструментах*, **прокальвать** – *играть "острым" звуком*, **подбирать (руку)** – *играть более собранной рукой*, (играть) **в рояль** – *играть плотным, сочным звуком*, **пульс** – *темп музыкального произведения* и др.

Четвертая группа слов отличается тем, что изменения происходят как на уровне экспонента, так и на уровне семемы. Таким образом, возникает специфическая лексическая единица, характерная для профессиональной речи. В некоторых случаях она образуется суффиксальным и префиксально-суффиксальным способами. Например: а) суффиксация: **лажовый** от ПЕ **лажа** – *неудачный в плане исполнения*, б) префиксально-суффиксальный способ: **залигованная (нота)** – *нота, которая связана с предыдущей лигой* (нотный знак).

Другие ПЕ данной группы являются ненормированными единицами. Например: **кикс** – *неудачно сыгранная нота на духовых инструментах*, **кракозябры** – *неправильно поставленные пальцы*, **размазюки** – *неправильно поставленные пальцы*, **лажа** – *неудачное исполнение*, **соляга** – *партия "соло" в музыкальном произведении*.

На данную группу слов приходится 4,6% общего количества исследуемых ПЕ.

Состав профессиональной лексики подвижен. Проведенное исследование позволяет выявить как способы образования, так и пути пополнения лексического состава ПЕ указанной профессиональной сферы, сформировать представление о процессах, идущих и на уровне формы, и на уровне содержания лексических единиц, вовлеченных в систему профессиональной речи.

Если слово есть единство формального выражения и содержания (слово=Ф+С), то можно представить структуру общелитературной единицы языка следующим образом: Эобщ.\Собщ., а структуру единиц профессиональной сфера можно представить как: Эспец.\Сспец., где общ. – общий компонент, как в профессиональной, так и общелитературной речи; спец. – специальный компонент, характеризующий только единицы профессиональной речи.

Тогда выделенные в нашем материале четыре группы лексических единиц будут иметь следующий вид:

- I. Эобщ.\Собщ. – 19,7%,
- II. Эспец.\Собщ. – 11,2%,
- III. Эобщ.\Сспец. – 65,0%,
- IV. Эспец.\Сспец. – 4,6%.

Таким образом, ядро, большую часть этой системы составляет третья группа, единицы которой имеют звуковую оболочку слов общелитературного языка и переосмысленное содержание – в этом их своеобразии, о чем писали лингвисты И.М.Полякова (1972), Л.И.Скворцов (1972), Т.И.Ерофеева (Ерофеева, 1991) и др.

Что касается первой группы, не содержащей специфического элемента, то ее наличие подтверждает правильность подхода к профессионализмам как единицам профессиональной речи наряду с терминами. Именно эти единицы, зафиксированные в своем профессиональном значении общелитературными словарями, функционируют в качестве полноправных профессиональных единиц.

Слова второй группы включают "словообразовательные профессионализмы". Как показал наш материал, этот способ образования ПЕ не имеет широкого распространения в данной профессиональной среде. Надо заметить, что и в студенческом жаргоне отмечена та же закономерность (Ерофеева, 1991). Очевидно, это следствие установки на фамильярный, сниженный стиль речи.

Наконец, слова четвертой группы представляют так называемый "чистый профессиональный жаргон". Претерпев изменения как на уровне семемы, так и на уровне экспонента, они часто оказываются производящей основой для дальнейшего словообразования этой группы (например, *лажа* – *лажовый*). Это "зародыш" новых профессиональных образований.

Таким образом, большая часть ПЕ представляет собой вторичные образования по отношению к единицам литературного языка. Это значит, что при сохранении формы ПЕ обладают переосмысленным содержанием, которое является основным специфическим свойством данных единиц. Число единиц, принадлежащих к "чистому профессиональному жаргону" (гр.IV), ограничено. Содержащаяся в их значении экспрессия указывает на то, что говорящему важно не столько создать новое наименование, сколько выразить в нем свое отношение к предмету.

Литература:

- Батюкова Н.В. О соотношении студенческого жаргона и городского просторечия // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1989.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
- Ерофеева Т.И. "Речевой портрет" говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1991.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1964.
- Полякова И.М. Профессионализмы металлургов, основанные на облеупотребительной лексике // Живая речь уральского города. Свердловск, 1988.
- Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1972.

**К вопросу об определении эмоционального
состояния говорящего на основании анализа
акустических параметров звуков речи**

Роль эмоций человека в процессе его жизнедеятельности трудно переоценить. Практически постоянно, в той или иной мере, они участвуют в оценке поступающей информации, принятии решений и прямо или опосредованно влияют на поведение человека. В наибольшей степени это проявляется в экстремальных ситуациях и в условиях межличностных отношений. Вполне естественно, что эмоциями сопровождается и речевая деятельность человека как на уровне лексики, интонации, так и на уровне экспрессивной окрашенности речи, реализующейся в частности и в соответствующих изменениях артикуляции при производстве звуков речи и соответственно в значениях (их изменении) акустических параметров этих звуков (Изард, Кэрл, 2000; Носенко, 1981). Однако если экспериментальные исследования в области интонации проводятся достаточно интенсивно и имеют представительную теоретическую, методическую и результативную базу, то изучению экспрессивной окраски сегментных единиц речи и их связи с эмоциональным состоянием человека в плане проявления этих состояний в речи говорящего, а также в плане воздействия речи на слушающего уделяется значительно меньше внимания. Особенно это характерно для экспериментальных исследований, связанных с изучением реализации эмоций в акустической структуре звуков речи и системе их информативных признаков. К наиболее значимым временным и акустическим параметрам (информативным признакам) звуков речи относятся их относительная временная длительность, общая интенсивность (сила) звучания, а также амплитудные и частотные значения основного тона (первая частотная составляющая звука) и первых двух или трех формант (пики энергии в спектре звука).

С целью установления возможности дифференциации и количественной оценки эмоциональных состояний человека по акустическим и временным параметрам звуков речи авторами была намечена и частично осуществлена серия экспериментальных исследований. На предварительном этапе исследований было проведено сравнение траекторий изменения значений основных частотных и амплитудных характеристик ударных русских гласных, произносившихся информантами в составе простых сочетаний звуков, например в составе утвердительно-го слова-предложения *да*, нейтрального (абстрактного), лишнего лексической нагрузки, слова-звукосочетания *тэк* и др. как в состоянии относительного эмоционального равновесия, так и в состоянии эмоционального напряжения (страх, гнев, радость), которое либо имитировалось, либо моделировалось (вызывалось искусственно) в ходе фиксирования речевого ответа, либо провоцировалось, например, необходимостью положительного ответа – да – на заведомо неприемлемый вопрос.

Для проведения экспериментальных исследований использовалась специализированная компьютерная программа "Транскриптор" (разработанная и созданная в лаборатории речевой коммуникации и акустики речи Пермского государственного университета), позволяющая с достаточно высокой точностью осуществлять сегмен-

тацию речевого (звукового) сигнала синхронно полным периодам основного тона и определять значения основных параметров звуков речи (частоты и амплитуды основного тона и первых трех формант).

Результаты проведенных экспериментальных исследований и их сопоставительный анализ позволяют обоснованно утверждать, что общес эмоциональное возбуждение человека (повышение тонуса симпатического вегетативного отдела нервной системы) и изменение этого состояния закономерно связаны (причинно – следственной связью) со значениями и соответственно с изменением значений информативных признаков гласных звуков речи. Степень этого общего (не дифференцированного) эмоционального возбуждения наиболее отчетливо проявляется в значениях частоты основного тона (F_0) и может быть выражена количественно. В качестве иллюстрации приведем краткое описание одного из опытов, сущность которого заключалась в компьютерном анализе гласных [а], произнесенных одним диктором в составе частицы *да*, которую информант произносил в обязательном порядке как ответ на поставленные перед ним вопросы:

1. Вы живете в Перми?
2. Вы работаете в госуниверситете?
3. Вы имеете высшее образование?
4. Вы употребляете наркотики?
5. Вы изучали философию?

Вопросы 1-3 и 5 соответствовали положительному ответу, а вопрос 4 в любом случае при необходимости положительного ответа должен был вызвать эмоциональную напряженность информанта.

Полученные усредненные значения F_0 (Гц) распределились по ответам следующим образом:

№	1	2	3	4	5
F_0	263	255	254	287	261

В целом увеличение частоты основного тона в ответ на провокационный вопрос, в любом случае вызывавший явную эмоциональную реакцию информанта, составил рост усредненных значений на 29 Гц или более 10%, что значительно отличается от флуктуационных изменений: ± 5 Гц (нейтральные ответы). При этом следует заметить, что в других условиях более сильного эмоционального возбуждения наблюдались изменения F_0 , достигающие 50% от уровня значений, соответствующих относительно нейтральным произнесениям (состояниям), что предполагает принципиальную возможность достаточно достоверной количественной оценки степени психоэмоционального возбуждения информанта.

Вместе с тем результаты проведенных исследований позволяют сделать вывод, что, несмотря на явное и закономерное изменение значений информативных признаков гласных, произнесенных в состоянии эмоционального возбуждения говорящего, проблему определения реализации в речи (на уровне акустики) конкретных дифференцированных эмоциональных состояний человека – страха, гнева, радости и др. – следует решать не через связь с отдельными информативными признаками звуков речи (их значениями), а путем установления комплексной системы этих признаков и связей между ними. Наличие нескольких таких достаточно отчетливых связей (отношений) между отдельными признаками удалось установить в ходе проведенных исследований.

Помимо лингвистов (изыскания в области реализации эмоционально-экспрессивной окрашенности речи), проведенные исследования могут быть интересны для специалистов по психологии (например, тех, чьи исследовательские интересы направлены на изучение эмоций и личности, эмоций и деятельности),

криминалистике (речевая полиграфия), физиологии, а также для специалистов, работающих в области создания и проката рекламы и др.

В целом экспериментальные исследования, краткое описание которых приведено выше, осуществлялись в рамках выполнения проекта "Технология создания систем распознавания речи на основании интегральной системы информативных признаков звуков речи" (НИОКР по одной из 15-ти критических технологий федерального уровня "Расознавание и синтез речи"), основной задачей которого было определение влияния изменения значений акустических параметров звуков речи, возникающих в связи с эмоциональным состоянием диктора, на распознавание речи в автоматическом (программном) режиме. Все работы по проекту осуществлялись при финансовой поддержке научной программы "Фундаментальные исследования высшей школы в области естественных и гуманитарных наук. Университеты России" – 2001 г.

Литература:

Изард Э. Психология эмоций. СПб. – М. – Харьков – Минск, 2000.
Носенко Э.Л. Эмоциональное состояние и речь. Киев, 1981.

Т.Г. Фомина*
Казань

"Свой" и "чужие" в восприятии звуковой формы языка

Оппозиция "свой" и "чужие", выделенная В.Н. Топоровым и Вяч. Вс. Ивановым (Иванов, Торопов, 1965) в славянских семиотических моделях восприятия мира, является, по мнению Ю.С. Степанова, "одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения... Это противопоставление пронизывает всю культуру и создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании" (Степанов, 1997, с.472). Общность "свои" формируется стереотипностью поведения членов этноса и их "глубинными" этнопсихологическими особенностями. Национально-культурное языковое сознание русских порождает яркую коннотативную оппозицию, в которой "свой" воспринимается как "лучший, идеальный", а "чужой" – как "плохой, несущий опасность, враждебный". Например: *Своя ноша не тяжела. Свой хлеб сытнее. Своя земля и в горсти мила. Чужая душа – потемки. Чужая сторона – дремучий бор. Чужая одежда не надежна. Свой глаз – алмаз, а чужой – стеклышко. Чужое и хорошее постыло, а свое и худо, да мило.* Однако в семантике понятия "чужой", по данным Ю.С. Степанова, отражается также представление о "чужом" как о чем-то "далеком, странном, необычном" (там же, с.474). Нечто подобное Пол Билтон отмечает в мироощущении швейцарцев, которые "проводят четкую грань между "заграничным" и "иностранным". Одно дело – то, что находится за границей или привезено из-за рубежа, а совсем другое – иностранное, то есть чужое, чужеродное – или, попросту, "иное и странное" (2000, с.11).

Данная дихотомия "свои" – "чужие", на первый взгляд, кажется мало соотносимой со звуковой системой языка. Становление фонологии в 20-30-ые годы XX века сопровождалось изгнанием психологизма и всяческого упоминания о языковом сознании из учения о звуках речи. И если Бодуэн де Куртэнэ не только признавал "возможность вмешательства в развитие фонетической системы фак-

* © Т.Г. Фомина 2002

торов бессознательно-психических" (1877, с.53), но и подчеркивал, что "психические процессы, участвующие в жизни языка, отражают стремление к идеальной языковой норме" (1963, с.94), то уже Н.С.Трубецкой занимает крайне негативную позицию по отношению к использованию психологии в языкознании: "При определении фонемы не следует прибегать к психологии, т.к. фонема является языковым, а не психологическим понятием. В определении фонемы необходимо устранять любую ссылку на "языковое сознание". Ведь "языковое сознание" является лишь метафорическим обозначением языка (*langue*), либо совершенно смутным понятием, которое само нуждается в определении, а возможно, и вообще не может быть определено" (2000, с.45). Дальнейшие исследования, однако, показали, что носители языка не только оперируют фонемами как знаками языковой формы, но и выражают свое отношение к звукам речи, оценивают их по оппозиции "хороший, красивый" – "плохой, отталкивающий" звук. Р.О.Якобсон, например, отмечал, что представители тех языков, которым фонологическое смягчение согласных было неизвестно, испытывали по отношению к нему иной раз истинное отвращение (1985), а Э.Сепир считал, что "за чисто объективной системой звуков, свойственной данному языку и обнаруживаемой лишь в результате усердного фонетического анализа, существует более ограниченная "внутренняя" или "идеальная" система, хотя она не осознается как таковая наивными носителями языка" (1993, с.67), причем каждый "отдельно взятый звук является элементом структуры стереотипов, в которую входит весь спектр эстетически допустимых звучаний" (там же, с.605).

Удивительную возможность проанализировать оценочное восприятие звуков в истории русского языка предоставляют описания звуковой системы, сделанные древнерусскими книжниками XIV–XVII вв., где одни звуки характеризуются как "чисты, ясны, громны", а другие, вызывающие определенные трудности в произношении и восприятии, – как "тусклы, немы, натужны, свибливы". Эти звуки часто комментируются книжниками как "неясные, костноязычные, как бы нечленораздельные, гугнивые" звуки (более подробно см.: Фомина, 1997, с.96–101).

Различное восприятие и оценка фонем, на наш взгляд, связаны с их местом в фонетической системе. По мнению В.М.Живова и Б.А.Успенского (1973), языковая система характеризуется противопоставленностью периферии центру ("чужие" – "свои"), причем если центр с точки зрения участников коммуникативного процесса стремится к экономии ("идеальное, лучшее"), то в периферии отмечается противоположная тенденция – к усложнению ("странное, необычное, плохое"). Можно считать, отмечают В.М.Живов и Б.А.Успенский, что "в нормальном языке" заложено некое представление об "иностранном" языке, основывающееся на периферийных средствах выражения, которые реализуются прежде всего в заимствованиях, экспрессивной, эмфатической речи, в поэзии, междометиях, арго, аппеллятивных звуко сочетаниях (например: *ки, ке-ке, псе, тсе*), в "литорейском" языке тайнописи, в глосолалических речениях (т.е. говорение на "иных языках"). Периферия, по мнению В.М.Живова и Б.А.Успенского, в большей степени, чем центр, использует маркированные члены оппозиций (там же, с.34).

Понимая вслед за Т.В.Гамкрелидзе, В.Н.Ярцевой, Ю.С.Кудрявцевым немаркированность как "обычность, естественность" элемента системы в противовес маркированности, характеризующей менее обычные, редкие элементы системы, мы предполагаем, что немаркированные фонемы являются своего рода "эталопами", "идеальными" фонемами, составляющими центр фонетической системы, а маркированные фонемы, в зависимости от степени маркированности, сдвигают-

ся на периферию системы и являются "чужими" фонемами (Фомина, 1998, с.12). Анализ восприятия и оценки фонем русского языка свидетельствует, что в оппозиции "смычный – щелевой" маркированными будут считаться фрикативные, щелевые фонемы, в оппозиции "твердый – мягкий" – палатализованные, мягкие фонемы, в оппозиции "губной – язычный" – лабиализованные, губные фонемы, в оппозиции "переднеязычный – заднеязычный" – заднеязычные фонемы, в оппозиции "звонкий – глухой" маркированность часто проявляется в зависимости от способа образования фонемы: у смычных маркированными, как правило, являются глухие фонемы, у щелевых – звонкие. Такой взаимозависимостью обладают в меньшей степени и другие фонемные признаки. Поэтому чем ярче проявляется маркированность фонемы, тем значительнее она сдвигается на периферию системы, получая от носителей языка негативную оценку. Например: /x'/ – щелевой, заднеязычный, мягкий. Более маркированные: /Ÿ/ – щелевой, заднеязычный, звонкий; /Ÿ'/ – щелевой, заднеязычный, звонкий, мягкий – изгнаны за пределы фонетической системы литературного языка.

Фонемы "центра" системы – /л'/, /л /, /н /, /н'/, /д /, /т / и др. – это функционально сильные фонемы, они обладают хорошей сочетаемостью, поэтому являются в речи частотными фонемами и характеризуются в восприятии носителей языка положительной оценкой. Фонемы "периферии" системы – /x'/, /x /, /ф'/, /ф /, /ц /, /ж /, /ж'/, /к'/, /г'/ и др. – являются функционально слабыми фонемами с плохой сочетаемостью и характеризуются носителями языка негативно.

В основе данной оппозиции – "центр" (немаркированные, свои, идеальные) и "периферия" (маркированные, чужие, отвратительные) – лежит работа, совершаемая левым полушарием при восприятии и воспроизведении фонем. Маркированность фонемы соответствует дополнительному энергетическому импульсу, который затрачивает говорящий или слушающий. Закон экономии языковых средств обуславливает отрицательную оценку любых дополнительных заглагов, а это, в свою очередь, порождает негативную оценочность фонем периферии системы. Говоря о восприятии звуковых образов слова, К.Бюлер ссылается на пример различения знакомых и незнакомых людей. Он пишет: "...я опознаю сотни близко знакомых мне людей... по комплексной характеристике (Komplexcharaktere), опознаваемой мною без особого труда, ибо она как бы сама собой раскрывается и удерживается в процессе общения... и только за пределами круга хорошо отличающихся друг от друга близких знакомых необходимо вмешательство специальных признаков (Kennzeichen), из которых мы при необходимости образуем "особые приметы" (Signalement) и используем их в случае трудностей с опознанием..." (1993, с.252).

Сложность, неточность восприятия, как отмечал Н.В.Крушевский, может ускорять звуковые изменения в незнакомых словах, особенно в диалектной или просторечной среде. Н.В.Крушевский ссылается на примеры трансформаций с заменой маркированных заднеязычных немаркированными переднеязычными (например: *кисть – тисть, Акакиев – Акатьев, гиря – дия, ангел – андел, закисло – затисло*), случаи обратной замены встречаются крайне редко (например: *театр – киятр*) (1998, с.143).

Маркированные фонемы "периферии" системы, образующие звуковые сочетания, а также включенные в состав звуковых оболочек слов, влияют как на особенность восприятия звуковых комплексов ("чужие"), так и на их эмоциональную оценку ("неприятный", "не нравятся").

Нами был проведен эксперимент по восприятию и оценке 420-и звуковых сочетаний, с целью облегчения восприятия намеренно представленных респон-

дентам в письменном виде и зафиксированных кириллицей. Респондентами являлись студенты 1-го курса отделения романо-германской филологии, изучавшие английский язык. Указанное задание было одним из 8-и заданий по восприятию звуков и звуковых комплексов, представленных как в устном, так и в письменном виде, поэтому выполнялось в быстром темпе, в полуавтоматическом режиме, т.е. времени на осмысление сочетания, на подбор соответствующих лексем у респондентов не было. В экспериментальную анкету были включены бифонемные сочетания, в которых смычные и щелевые (звонкие и глухие, твердые и мягкие) согласные последовательно оказывались в положении перед сонорными (напр.: *бр, бр', пр, пр', тр, тр', ср, ср', жр, жр'*), смычными (звонкими и глухими, твердыми и мягкими) и щелевыми разного места образования (напр.: *бв, бв', бф, бф', бх, бх', бс, бс', бз, бз'*) и т.д. Респонденты должны были, прочитав сочетание, определить, является ли данное звуковое сочетание собственно русским или заимствованным, а также им предлагалось выразить свое отношение к нему (нравится – "+", не нравится – "-", не могу определить – "0"). Результаты эксперимента показали, что оппозиция "свой" – "чужие" при восприятии звуковых комплексов четко отражена в сознании носителей языка, так как проблем в определении "русское" – "нерусское" не отмечалось. Как "нерусские" (НР) в основном определялись звукосочетания с обеими маркированными фонемами. Эти сочетания, как правило, получали негативную оценку. Например: *хф* – НР 90% (+20, -70); *хф'* – НР 100% (+10, -90); *цф* – НР 100% (+20, -70); *хж* – НР 100% (-80). На восприятие и оценку в большей степени влияло качество второго звука, так как именно последующий согласный в звукосочетаниях является более сильным, значимым. Так, например, как "русские" (Р) часто воспринимались сочетания с последующим сонорным или шумным смычным согласным: *дл* – Р 100% (+80, -20); *тр'* – Р 100% (+80, -20); *бу'* – Р 90% (+30, -30); *сл'* – Р 100% (+90, -10); *зр* – Р 80% (+70, -10); *кт* – Р 90% (+70, -10); *пт* – Р 100% (+30, -50); *бк* – Р 80% (+10, -70). Однако на специфику восприятия влияет и качество первого согласного: перед одним и тем же согласным более высокий процент определения сочетания как "своего" наблюдается у немаркированных переднеязычных смычных согласных, чем у соответствующих заднеязычных или губных. Например: *тб* – Р 70% (+50, -20); *кб* – Р 40% (+10, -20); *тк* – Р 100% (+80, -20); *пк* – Р 80% (+40, -30); *кк* – Р 10% (-10). Сочетание щелевого с последующим смычным считается, как правило, "русским", а сочетание смычного с последующим щелевым тяготеет к "нерусским". Например: *сл* – Р 100% (+60, -40); *пс* – Р 60% (+40, -20); *ск* – Р 100% (+60, -40); *кс* – Р 100% (+70, -30); *жд* – Р 90% (+80, -10); *дж* – НР 100% (+60, -30); *хт* – Р 60% (+20, -40); *тх* – НР 80% (-80). На особенности восприятия звукового сочетания, в частности на его оценку, влияет и твердость – мягкость второго согласного. Чаще всего мягкость последующего согласного незначительно снижает процент положительной оценки и сдвигает сочетание в сторону "чужих, нерусских". Например: *дс* – Р 50% (+30, -20); *дс'* – Р 40% (+20, -10); *сф* – Р 60% (+20, -30); *сф'* – Р 40% (+10, -30); *сд* – Р 100% (+60, -40); *сд'* – Р 80% (+70, -10); *пс* – Р 60% (+40, -20); *пс'* – Р 40% (+10, -30). Однако данная зависимость выдержана не совсем последовательно, так как мягкость – твердость соотносится в восприятии и с другими признаками. В целом результаты эксперимента показали, что маркированность фонем необычными признаками и их отнесенность к "периферии" системы, проявляют себя и на уровне звуковых сочетаний.

Наиболее ярко соотносительность фонем "периферии" с понятием "чужой" обнаруживает себя при восприятии носителями языка асемантических искусственно составленных лексем. Включение в состав лексем фонем "периферии" фонетиче-

ской системы способствует их оценке как нерусских слов, нерусских понятий, что проявляется даже в денотативной части значения. Такие слова часто оцениваются как "восточные" или "азиатские" понятия, реже отмечаются как "немецкие". Например, так студенты-филологи русского отделения воспринимали и описывали следующие лексемы:

ШАФЫК – название придворной должности в мусульманской стране; имя для слона в Индии; напиток персидский, похожий на чай; татарское слово; арабское имя; напиток какой-то восточный, но не алкогольный; головной убор, похожий на тибетейку; расшитый восточный халат;

ЧАШУФЫЖ – арабский язык: спасибо; сосуд высокий и тонкий для хранения жидкости; фартук восточной девушки;

ЧОКУФА – кофта китайского происхождения; имя женское, туркменское; женская одежда на Востоке, похожа на душную некрасивую чадру; кувшин; место, где пьют напитки;

ЗЫФУК – имя человека тюркского типа, не очень приятного; имя женское, таджикское или туркменское; старик-татарин в тибетейке; восточное божество;

ЗЕЙХАЦ – немецкое слово, обозначающее приветствие вышестоящего, немецкое приветствие; мебель где-нибудь в глубине Германии; немецкая фуражка.

Ассоциации, связанные с данными словами, часто сопровождаются негативной оценкой, а некоторые из вышеуказанных слов воспринимаются как аппелятивные или ненормативные слова. Например: *зейхац* – ненормативная лексика, обозначает "кранты"; *чошүфыж* – какое-то очень обидное ругательство; *фрыш* – возглас, с помощью которого человек отгоняет, отпугивает различных существ (как "кыш, фу, фыр, брысь"); *зыжухю* – старуха злая, страшная; *жужусыч* – противный старик; *зюдрекыр* – человек-грязнуля; *чокуфа* – неухоженная женщина; *шушат* – блюдо, еда, не нравится; *цошежүф* – народное блюдо, которое плохо жуется, очень жесткое.

Интересно отметить, что азиатское, восточное, тюркское, таджикское, туркменское русские воспринимают как "свое", но "периферийное", поэтому характеризующееся отрицательной оценкой (сравните оппозицию: азиатский = плохой, но восточный = хороший). Лексемы, составленные из немаркированных фонем центра часто ассоциируются с чем-либо приятным – растением, цветком, городом, фруктом и пр. Понятие "чужой" здесь ассоциируется с чем-то очень далеким, часто недостижимым. Например:

ЛОДЛЕН – прекрасный цветок в горах; житель Лондона; имя куклы Барби; экстравагантная женщина; утонченный человек, французское имя, красиво звучит; город, нравится; название коктейля;

ЛИКОНЕЙРО – название латиноамериканского города на море, очень красиво;

ЛЕМИРЕ – украшение; мягкая мебель;

РЕМИЛАЙА – цветочное растение, изящное, на высоком стебле;

ЛОБАДИН – полудрагоценный камень.

Можно проследить также в данных лексемах отношение к "чужому" английскому, французскому, латиноамериканскому как к чему-то очень далекому, прекрасному, не внушающему опасности. В русской литературе мы можем найти немало примеров, подтверждающих данный вывод.

* Примеры взяты из дипломной работы В.Р. Сафиуллиной

Литература:

- Билтон П. Эти странные швейцарцы. М., 2000.
- Бодуэн де Куртене И.А. Глоттологические заметки. Воронеж, 1877.
- Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М, 1963. Т.2.
- Бюлер К. Теория языка. М., 1993.
- Живов В.М., Успенский Б.А. Центр и периферия в свете языковых универсалий // ВЯ. 1973. № 5.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. М, 1965.
- Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М., 1998.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.
- Трубейской Н.С. Основы фонологии. М., 2000.
- Фомина Т.Г. О некоторых аспектах восприятия звуков в истории русского языка // История русского языка: Словообразование и формообразование. Казань, 1997.
- Фомина Т.Г. К вопросу об эстетическом восприятии звуков речи // Уч. записки Казанского гос. ун-та. Т.135: Языковая семантика и образ мира. Казань, 1998.
- Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

Л.М. Салмина*
Казань

Социо- и психолингвистические предпосылки моделирования коммуникативной деятельности

Представление о личности как о носителе системного множества отношений, ориентированное на "культурно-историческую" теорию развития личности Л.С.Выготского, закономерным образом предполагает и системность ее поведения как подчинение установленным (сформулированным) или устоявшимся (несформулированным) правилам, что позволяет говорить о *ролевом* характере поведения.

Понятие социальной роли уже весьма прочно вошло в научный лексикон общественных наук и подразумевает стереотипный образ поведения, обусловленный определенной общественной позицией. Важной составляющей социального ролевого поведения является коммуникативное поведение, и совершенно случайно, говоря о правилах участия в социальной деятельности, Р.Белл относит к ним и нормы *языкового поведения* (Белл, 1980, с.137).

Особенно ярко социально-ролевой характер коммуникативного поведения проявляется в условиях институционализированного ("ритуального" – по Э.Берну) взаимодействия, основным критерием которого является *социальная приемлемость*. Действительно, выход за рамки предписанного социальной ролью коммуникативного поведения, как правило, дезориентирует собеседника и может стать источником конфликта. Например: *Заработала рация. "Второй, второй, я первый. Как слышите?" Лейтенант щелкнул тумблером: "Василий Степанович, слышу хорошо". "Второй! Мать твою! Как отвечаешь?!" "Понял, – лейтенант*

откашлялся. – Первый, я вас понял" (Н.Леонов); или: Прохоров Иван Иванович, ночной таксист, решил с сегодняшней смены начать новую жизнь. Он тормознул и, предупредительно приоткрыв дверь, произнес: "Здравствуйте, дорогие мои пассажиры! Садитесь, пожалуйста!" Один из компании даже отшатнулся (Ф.Незванский).

Взаимодействием социального и индивидуального в нашем сознании определяет тот факт, что одна и та же социальная роль по-разному исполняется разными носителями. Особенности коммуникативного ролевого поведения оказываются весьма тесно связанными с особенностями интеллектуального и эмоционального склада данной личности. В изучении проблем интеллекта большой популярностью в настоящее время пользуется так называемый *качественный* подход, ориентирующийся на образ мышления личности – индивидуальные особенности мыслительных приемов и навыков, притом что единой и общепринятой классификации интеллектуальных стилей не существует. Так, например, Р.Стернберг выделяет 13 микростилей, в том числе законодательный, исполнительный, судебный (оценочный), монархический, анархический и др., а также 96 вариантов их комбинаций (Sternberg, 1988); Э.Шпрангер разграничивает шесть способов мышления: теоретический, экономический, эстетический, социальный, политический и религиозный (Шпрангер, 1982, с.55-61), а А.Харрисон, Р.Брэмсон – пять: аналитический, идеалистический, прагматический, реалистический, синтетический (Harrison, Bramson, 1984) и т.д.

Концепция А.Харрисона, Р.Брэмсона представляется наиболее приемлемой в преломлении теории коммуникации, поскольку включает в себя поведенческий аспект и таким образом позволяет установить особенности характера коммуникативного поведения при преобладании того или иного стиля мышления. Так, например, становятся очевидными характерные для коммуникативного поведения **аналитика** стремление к монологическому дискурсу с установкой на объяснение и доказательство, обуславливающее практическое отсутствие обратной связи с собеседником (имплицитное реагирование); типичная для **идеалиста** установка на дискурсное диалогическое сотрудничество и достижение согласия; авторитарность и категоричность коммуникативного поведения **реалиста** – лидера в развитии дискурса; контактность и адаптивность **прагматика**, обусловленные в первую очередь практическим интересом к собеседнику; типичная для **синтезатора** коммуникативная установка на конфликтное развитие дискурса и т.д.

Учет индивидуального стиля мышления помогает скорректировать коммуникативные установки при моделировании взаимодействия и способствует выбору адекватных для достижения поставленных целей средств, а следовательно, позволяет обеспечить коммуникативной деятельности большую эффективность.

Не менее важной предпосылкой коммуникативного моделирования представляется и эмоциональная составляющая личности. Так, в частности, достаточно последовательно проявляет себя в коммуникативном поведении темперамент личности, обуславливающий помимо прочего степень эмоциональной возбудимости. Так, с **сангвиниками** легко устанавливается аудиовизуальный контакт, его отличает живость реакции и непредубежденное отношение к собеседнику; коммуникативное поведение **холерика** отличается более или менее выраженной нервозностью, проявлением вербальной и невербальной некорректности; в возбужденном состоянии **холерик** стремится к лидерству в развертывании дискурса; коммуникативное поведение **флегматика** отличается уравновешенностью, он легко уступает лидерство, что может создавать ложное впечатление о его управляемости; настороженное отношение **меланхолика** к миру мешает ему быть ини-

циатором коммуникативного взаимодействия; им, как правило, движут мотивы, глубоко скрытые от собеседника, что затрудняет общение и провоцирует внутренние конфликты.

Для более глубокого предметного изучения эмоциональной стороны коммуникативной деятельности стоит, вероятно, обратиться и к концепции **экстраверсивных** и **интроверсивных** психотипов личности К.Юнга (Юнг, 1997).

Не меньшее воздействие на характер коммуникативного поведения оказывают и эмоционально-психологические состояния партнеров в момент взаимодействия. См., например: *"Я же говорил им... Я знал, что откроется... Они говорят – не говори, а то нам всем крышка, силком меня зажали... Я с адвокатом... Сейчас за это не судят... Я ему за советы платил... И не виноват я все равно, они меня сами заставили, езжай, говорят, а мы спать будем. Я им потом говорил, вот все и открылось"* (Ф.Незванский).

Вполне естественно, что стеническое или астеническое состояние коммуниканта может оказаться существенным фактором, способствующим либо препятствующим успеху взаимодействия.

Психологический тип личности и ее состояние в момент взаимодействия отражается не только на вербальном, но и на невербальном коммуникативном поведении.

Обобщая наблюдения за характером невербального поведения собеседника в различных коммуникативных ситуациях (см., например: Горелов, 1991; Латунская, 1986; Пиз, 1992 и др.), можно сделать вывод о существовании двух его основных вариантов: *открытого* и *закрытого*. Линия открытого невербального поведения реализуется в соответствующих позициях: открытость корпуса и ладоней, параллельное расположение рук и ног; закрытый вариант поведения предполагает закрытые позиции: прикрытый корпус, закрытые от взора собеседника ладони, скрещенные руки и ноги. Открытость/закрытость поведения определяется степенью комфортности самоопущения, характерной для данного психологического типа, либо ситуативной, обусловленной конкретными условиями взаимодействия. Закрытые позиции автоматически создают барьер между партнерами, что нередко препятствует достижению поставленной цели. Ср., например: *Она села против него, **положив ногу на ногу и сложив руки на коленях*** (П.Мойсс) – приятная поза свидетельствует о нерасположенности к предстоящей беседе.

Социо- и лингвистические навыки определяют понятие коммуникативной компетенции личности как способности организовать и моделировать вербальное и невербальное коммуникативное поведение адекватно условиям взаимодействия.

Литература:

- Белл Р.Т. Социоллингвистика. М., 1980.
Вygотский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
Горелов И.И. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
Латунская В.А. Невербальное поведение. Ростов-на-Дону, 1986.
Пиз А. Язык телодвижений. Нижний Новгород, 1992.
Шпрангер Э. Формы жизни. М., 1982.
Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. СПб.-М., 1997.
Harrison A.F., Bramson R.M. The art of thinking. N.Y., 1984.
Sternberg R.J. The triarchic mind: A new theory of human intelligence. N.Y., 1988.

Лингвистический анализ текста: позиция фигуранта**

В настоящее время практический аспект в изучении языка становится все более актуальным. В значительной степени это обусловлено не столько усилиями языковедов – "предложением" научных теорий, сколько социальным "заказом" на ту или иную теорию. Лингвистике уже не требуется отстаивать практическую значимость своих теорий – социально-экономическая жизнь в свою очередь требует от лингвистов решения практических задач.

Однако практические задачи, которые ставятся перед лингвистикой, исподволь меняют ее содержание, подчас не вполне привычным для языковедов образом, а именно – целью процедуры лингвистического анализа уже не может быть познание языка. Это требование тем более не привычно, если учесть, что языкознание на протяжении своей истории неизменно устремлялось к суверенности и стало самостоятельной наукой только после того, как Соссюр сформулировал основные положения структурной лингвистики. И главное из положений структурализма содержит требование отказаться от изучения языкового значения – отношения означающего и означаемого – и сосредоточить внимание на значимостях – отношениях между означаемыми. Благодаря этому язык начинает рассматриваться как имманентная система, что и обеспечивало до сих пор суверенность лингвистики.

Тем не менее актуализация языкового значения является закономерным итогом дальнейшего развития структурализма – от Бенвениста, рассматривавшего отношение языковых единиц различного уровня, к теории текста как языковой единице, соответствующей предельным очертаниям языкового знака, и далее – к проблемам интерпретации текстов, в которых актуализируется сверхзнаковая реальность. Языкознание входит в сферу интересов других научных ведомств: обладая детальным знанием своего предмета, оно вооружено точными методами его исследования. Однако, как мы уже сказали, практическая жизнь требует от языковеда не описания означающих, но объяснения означаемой действительности.

Проблема противоречия между традиционностью и практичностью лингвистических исследований очень серьезна. Не случайно, что столь похожая на лингвистическое исследование процедура проведения контент-анализа текстов СМИ имеет социологическое происхождение. Но, на наш взгляд, именно обработка больших массивов текстов с целью выявления наиболее значимой информации наиболее близка и традиции языкознания, и требованиям практики.

В аналитической философии уже предпринималась попытка объяснять мир посредством объяснения языка. Многие из сказанного так и осталось в сфере теории, поскольку аналитика ограничивалась рассмотрением частных языковых фактов. Современная же языковая ситуация характерна тем, что принято называть "потоком информации", "информационным взрывом" и т.д. Проблема обработки информации, экспертизы сверхбольшого массива данных становится первоочередной. Если раньше (в частности в герменевтике) проблема понимания ставилась как проблема "глубины прочтения" текста, то сегодня актуальна проблема "широты охвата" текстов. Речь идет преимущественно о текстах средств массовой

* © И.В. Крохалев 2002

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №01-06-80098.

информации, стандартизированных в той степени, которая позволяет не ставить проблему качества прочтения текста и ограничиться в значительной мере поверхностным описанием содержания массива текстов СМИ.

Основным заказчиком в области практической работы лингвиста с текстами СМИ является рекламодатель сферы политики или коммерции. Суть заказа состоит в том, чтобы представить "неохватную" информацию массива текстов СМИ в числовом выражении. Актуальность такого заказа несомненна. Исследования, проведенные в конце 2001 г., показывают, что количество материалов о губернаторе Пермской области только в областных СМИ – около 150 в месяц, количество упоминаний губернатора – 240; о наиболее проблемном предприятии области ОАО "Велта" – около 55 текстов в месяц, количество упоминаний – около 250; а количество материалов, имеющих прямое отношение к теме "Выборы Законодательного собрания Пермской области" за три месяца составило около 400. Понятно, что простое чтение материалов СМИ может дать лишь приблизительное представление об их содержании.

Кроме того, если анализ текстов проводится в отношении одного фигуранта, статистическое описание содержания информации становится бессмысленным (150 текстов – это много или мало?). Тем более что политический и рекламный текст порожден в расчете на то, что он будет предпочтен в ряду других текстов, тем самым подобный текст в большей степени ориентирован на них, чем на свой денотат. Благодаря этому мы можем сказать, что язык средств массовой коммуникации представляет собой структуру значимостей. Особенно ярко это проявляется в политической рекламе. С одной стороны, это ориентирует исследователя на привычные структуралистские методы оценки языкового факта. С другой стороны, анализ информации о множестве фигурантов усложняет работу аналитика (например, число фигурантов пермских СМИ – около полутора тысяч).

В связи с тем, что объем информации, подлежащей анализу, чрезвычайно велик, возникает необходимость в создании специальных компьютерных средств сбора и обработки данных. В противном случае время исследования становится очень большим и, поскольку речь идет об анализе текстов СМИ, практическое значение которых краткосрочно, актуальность результатов исследования обесценивается. Сегодня почти все интересующие лингвистов тексты существуют в электронном виде, поэтому больших проблем со сбором информации нет. Но компьютерные средства обработки данных отсутствуют. Более того, возникают серьезные проблемы при их создании. Главная трудность заключается в определении значения единиц электронного словаря лексики. Лексика, ориентированная на означивание бесконечного внешнего мира, принципиально неограниченна, и в плане содержания лексической единицы вместе с изменениями означенных реалий происходят постоянные изменения. Поэтому лексической единице трудно присвоить какое-либо значение, способное стать устойчивым критерием оценки содержания текстов СМИ.

Таким образом, возникает потребность в использовании грамматических значений лексического словаря, которые так или иначе уже имеются в электронных словарях и выполняют функцию его формирования. Кроме того, грамматические значения устойчивы и принципиально ограничены. В самом деле, только один глагол-сказуемое, выражающий действие фигуранта, находящегося в активной позиции может дать некоторое представление о характере его деятельности. Например, определение временной ориентации действия по формам времени глагола (*человек прошлого, настоящего или будущего*): определение результативно-

сти выраженного действия по формам глагольного вида: *Он делает* или *Он уже сделал*. Характеристиками фигуранта могут стать и падежные формы того существительного, которым он выражен в тексте, например, определение позиции фигуранта в контексте происходящего действия (он действует в отношении кого-либо или кто-либо действует в отношении него). Предварительный электронный анализ текстов пермских СМИ с целью выявления позиций фигуранта уже проводился. В результате обработки текстов газеты "Новый компаньон" было выяснено, что грамматические позиции фигуранта "Губернатор Пермской области" следующие: активная позиция в контексте происходящего действия – 52%, пассивная – 42%; временная ориентация действия: прошедшее время – 19%, настоящее – 76%, будущее – 5%; результативность действия: совершенный вид – 63%, несовершенный – 37%. К сожалению, мы не располагаем социологическими данными по этому вопросу, но харизма губернатора в Прикамье достаточно велика, и, возможно, это является результатом того, что в СМИ он представлен как активный лидер, который больше делает, чем обещает, и действия которого имеют результат.

На наш взгляд, наряду с количественными показателями простого наличия или отсутствия фигуранта в текстах СМИ, получение которых не требует от аналитика специальных лингвистических знаний, могут быть использованы также и возможности грамматических позиций, которые могут дать представление о качественных характеристиках информации о фигуранте. Как говорилось выше, разработка методов получения качественных данных посредством выявления грамматических позиций информации о фигурантах обусловлена как практической необходимостью, так и потребностью языкознания в преемственности лингвистических теорий.

Е.Г. Поломских*
Пермь

Опыт анализа информационной структуры текста (на материале англоязычной журнальной и газетной рекламы)**

Текст в последнее время рассматривается как компонент сложной текстовой деятельности. В этой деятельности он предстает как некий "текст-конструкт", потенциальное информационное поле, актуализирующееся и трансформирующееся в сознании получателя сообщения. Поэтому лингвистический анализ "текста-конструкта" представляется не целью, а лишь подготовительной ступенью к рассмотрению его реальных вариантов и преобразований в процессе восприятия.

Восприятие и преобразования подлежат информация, которая "на уровне сообщения, ставшего означающим", представляет собой "возможность выбора" (Эко, 1998, с.73). В информативном континууме текста выделяются семантический, аксиологический, семиотический, коммуникативный, гносеологический и физический аспекты (Ирисханова, 1986). Мы рассмотрим информативность текста рекламы с точки зрения первых четырех аспектов. Поскольку до 85% текстовой информации передается лексикой (Пиотровский, 1985, с.19), то мы условно приняли лексический состав сообщения за экспонент его информативности. Сра -

* © Е.Г. Поломских 2002

** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №02-04-00445^а/Т

зу оговоримся, что все информационное пространство текста не исчерпывается семантикой его поверхностных вербальных средств выражения. Нас интересует не столько семантический компонент лексики, сколько его функциональное переосмысление в рамках данного текста: слова и словосочетания могут нести дополнительную информацию в зависимости от их функции в сообщении. Поэтому мы вычленим условную информационную единицу на основе единства функции, выполняемой ею. Иногда мы укрупняем эту единицу до сочетания из нескольких слов, иногда разбиваем одно устойчивое сочетание на несколько единиц. Так, название издательства, выпустившего рекламируемую книгу, может состоять из нескольких лексем, как, например, *"White Orchids Press"*. Очевидно, что каждое слово в отдельности не несет информативной нагрузки. Все сочетание функционирует в тексте как единая номинативная единица. С другой стороны, такое выражение, как *"yachtsmen worth his salt"*, обыгрывающее идиому *"seaman worth his salt"*, представляется делимым на две функционально разнородные единицы: *yachtsmen* сообщает об участниках соревнований, описываемых в тексте, то есть относится к семантическому уровню информации, в то время как *"worth his salt"* квалифицирует семантический компонент и представляет аксиологический уровень информации.

Структуру сообщения мы представляем в виде полей, объединяющих информативные единицы на основе функционального признака.

Информационное поле текста рекламы функционально неоднородно: речь в нем может идти не только, и даже не столько о товаре/услуге (Т/У), т.е. референте рекламирования и его реальных характеристиках, сколько о смежных с ним ситуациях. Так, утилитарное назначение часов ROLEX отходит на второй план. Они становятся ценным призом в престижных соревнованиях. А, судя по рекламе продукции фирмы Matsushita Electric, их холодильники предназначены не для того, чтобы замораживать и сохранять свежими продукты питания, машины – не для того, чтобы перевозить людей. Основное достоинство этих вещей – способность не разрушать озоновый слой Земли. Складывается впечатление, что основная цель деятельности компании заключена в предотвращении глобального потепления на Земле. Из рекламы авиакомпании DELTA мы совсем ничего не узнаем о реальных преимуществах услуг, предоставляемых ими. В фокусе сообщения разнообразные потребности пассажиров, каждую из которых DELTA Air Lines знают, как удовлетворить. Сущность подобного мифологизирования в рекламе раскрыл почти полвека назад Р.Барт: миф является вторичной семиологической системой, надстраивающейся над знаком. При этом первичное значение "обедняется, опустошается, история выветривается из него" (Барт, 1994, с.82). Но сути, первичный знак (в нашем случае – название Т/У) становится лишь индексом. Миф привносит в него новое содержание, "новую конкретность, историю и интенциональность". Для потребителя же мифа все происходит так, словно знак естественным образом продуцирует новый концепт, словно означающее является основанием означаемого. "Потреблять миф как безобидное сообщение помогает тот факт, что он воспринимает его не как семиологическую, а как индуктивную систему; там, где имеется всего лишь отношение эквивалентности, он усматривает нечто вроде каузальности: означающее и означаемое представляются ему связанными естественным образом. Это смешение можно описать иначе: всякая семиологическая система есть система значимостей, но потребитель мифа прини-

мает значение за систему фактов: миф воспринимается как система фактов, будучи на самом деле семиологической системой" (там же, с.98).

Применительно к информационному пространству текста рекламы представляется целесообразным выделять в нем поле "знака 1", т.е. денотата предметной ситуации, связанной с Т/У, и поле его нового "означаемого", поставляющего новые смыслы для Т/У из другой предметной ситуации, ассоциируемой с референтом рекламирования либо по смежности, либо по аналогии. Причем информационные единицы обеих полей одинаково реферируют к действительности. Поэтому их верифицируемая истинность не вызывает сомнения.

Несколько другая ситуация наблюдается в рекламе книг. Поскольку, в отличие от потребительских товаров массового спроса, каждое произведение писателя уникально по своему содержанию, то, как правило, нет необходимости в дополнительном дифференцировании его в классе подобных товаров за счет символических/мифологических качеств. Тем не менее мы разделяем информационное пространство книжной рекламы на два семантических поля, так как полагаем, что они репрезентируют две различные предметные ситуации. Единицы первого поля реферируют к реальному предмету, подлежащему продаже, – книге и ее идентифицирующим параметрам: названию, автору, издательству, типологическим и жанровым характеристикам. Второе семантическое поле текста представляет содержание произведения. Единицы этого поля могут реферировать как к действительности, в случае документального жанра, так и к возможному, мыслимому миру в случае художественного или поэтического жанра. Связь между информационными областями книжной рекламы взаимообусловленная и однозначная, как связь между означающим и означаемым в пределах одного знака.

Итак, мы выделили в тексте рекламы два информационных поля: поле денотата рекламы и поле его реального или моделируемого содержания. Однако помимо своего пропозиционального содержания (диктума), каждое высказывание имеет определенную модальную рамку (модус), в которой эксплицируется или имплицитно выражается отношение адресанта к предмету высказывания (Балли, 1955, с.43-62). Применительно к тексту, по мнению А.Г.Баранова, следует говорить не о модальной рамке, а о комплексе модальностей, квалифицирующих семантический компонент через разнообразные отношения между участниками текстовой деятельности: автором, реципиентом, текстом и действительностью (Баранов, 1993, с.100). Из трех выделенных им типов модальностей – межличностной, референтивной и модальностью субъективной установки – наиболее существенным представляется межличностная модальность. Ее основным содержанием является интенциональность. "Деонтические, эпистемические и аксиологические модусы ее существования, выражаемые в прагматических полях текста, предопределяют прагматическую направленность текста: предписывать реципиенту некоторый модус поведения, информировать реципиента или вызвать у него определенную эмоциональную оценку действительности" (там же, с.108). Средствами выражения этого вида модальности являются экспоненты иллюкутивной силы в тексте, поскольку указанная прагматическая направленность текста соотносится с функциями основных видов речевых актов – репрезентативов, экспрессивов, директивов, комиссивов (Yule, 1996, с.55). Например, "we *promise*", "we make it our business to *ensure*", "you can be further *amazed*", "*Read this, read this again*", "you *should see* the prize".

Модальность субъективной установки проявляется в конкретизации, усилении, ослаблении, уточнении межличностной модальности (например, "The reviewer's *sole function* is to say *as loudly as he is able*...", "*deeply moving*", "read this *again*"), а также в оценке семантического компонента. В отличие от оценки межличностной модальности, ценностные суждения субъективной установки не обязательно предполагают перлокутивный эффект, т.е. психологическое воздействие на реципиента (Вольф, 1985, с.191). Они лишь квалифицируют описываемый предмет с точки зрения субъекта оценки (например, "*a masterly work*", "the *best novel*"). Сюда же относятся и оценки, мотивированные утилитарными, техническими, инструментальными качествами самих объектов (например, "*powerful*", "*efficient*", "*easy-to-use*") (Арутюнова, 1998, с.187-200).

Третий тип модальности – референциальный, или объективный – индексирует всю информацию по параметрам времени, места и субъектов деятельности. Поскольку эти параметры являются атрибутами как предметных, так и коммуникативных ситуаций, то референциальная модальность оказывается распределенной по всем выделенным нами полям.

В поле денотата рекламирования название компании, выпускающей продукт или предоставляющей услугу, а также название издательства в рекламе книг отсылает к реальному субъекту рекламирования. Место и время его деятельности, как правило, указывается в адресной информации.

В поле реального или символического содержания отношения в триаде субъект – время – место действия более разнообразны. В качестве субъекта может выступать и непосредственный потенциальный покупатель. Тогда время и место его действия обозначается не жестко и определено, а достаточно широко, чтобы максимально охватить целевую группу. Однозначным формам индикатива в таких случаях предпочитают более мягкие формы сослагательного наклонения: "*you could be on a quest to find new business opportunities*", "*you might be crossing the skies with a ring in your pocket and a proposal on your lips*", "*you should see the prize*", "*you can be further amazed at...*". Субъектом моделируемой ситуации может выступать и конкретный человек, лидер мнения, задавая реальное пространственно-временное измерение "я – здесь – сейчас", и некоторый собирательный образ ("*readers*", "*people*", "*architects*"), относительно которого разворачивается действие в настоящем, прошлом или будущем.

В полях межличностной и субъективной модальности выразитель оценки и/или намерения может совпадать с субъектами предметных полей. Так, рекомендация может исходить как от самой компании, так и от героя моделируемой ситуации. Однако эти функции могут возлагаться и на специальных "незаинтересованных" лиц. Введение особого субъекта оценки характерно для рекламы книг, где в качестве "объективного" рецензента выступает известный критик. Название авторитетного литературного обозрения отсылает к месту ситуации оценивания. Глагольные формы Present Indefinite, либо отусечение глагольных и связочных конструкций имплицитируют постоянство и "вневременный" характер оценки. Например, "*The natural world becomes her vehicle for self-exploration... [there is] splendour... insight and sensitive understanding of her material... a rewarding collection, full of wisdom and perceptive observation*".

Таким образом, референциальные индексы задают определенные системы координат, в которых разворачиваются предметные (семантические) и коммуникативные (прагматические) поля текста.

Необходимо отметить, что границы между полями текста нежесткие. Информационные единицы могут быть полифункциональными и, соответственно, принадлежать сразу нескольким полям. Так, в рекламе книги об археологических раскопках в Камбоджии указывается, что предисловие написано *Ego Величеством Королем Сиануком (Preface by His Majesty King Nordroom Sihanouk)*. С одной стороны, это информирует о структуре референта, а значит, относится к семантическому полю денотата предмета рекламирования. С другой стороны, указание на статус автора предисловия выполняет и функцию оценки, имплицитно значительность данного произведения. Поэтому мы помещаем данную информативную единицу в области пересечения поля денотата рекламы и поля субъективной установки.

Диффузность информационных полей рекламных сообщений отражает как психолингвистические закономерности функционирования текста, так и прагматические особенности рекламы. Принадлежность информативных единиц сразу нескольким функциональным полям оказывается фактором связности и цельности текста – его когерентности. Прагматические же условия производства рекламного текста требуют лаконичности при достаточной смысловой емкости, одним из средств достижения которой является полифункциональность информативных текстовых единиц.

Описанный анализ информационного поля текста на основе функциональной и прагматической специализации его лексических единиц проводится не для выявления всего смыслового объема текста, поскольку опирается лишь на поверхностный эксплицированный компонент текстовой деятельности. Эта методика является одним из "рабочих срезов" информационной структуры текста для сопоставления функциональной специализации "текста-конструкта" и актуальных текстов реципиентов, представленных в виде набора ключевых слов.

Литература:

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Ирисханова К.М. Предисловие // Информативность текста и его компонентов. М., 1986.
- Пиотровский Р.Г. Лингвистические уроки машинного перевода // Вопросы языкознания. 1985. №4.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.
- Yule G. Pragmatics. Oxford, 1996.

**Фокусировка как коммуникативно-прагматическая
категория текста (на материале немецкого языка)**

Настоящая статья представляет собой попытку вскрыть и систематизировать корпус языковых единиц, служащих выражению в речи одной из важнейших коммуникативно-прагматических категорий текста – фокусировки.

Следует отметить, что изучению проблемы фокуса в лингвистике обращались такие ученые, как Н.Э.Энквист, Т. ван Дейк, Х.Вайнрих, И.И.Сушинский. К сожалению, несмотря на устоявшееся функционирование этого понятия в лингвистике, оно до сих пор не получило однозначного и общепринятого определения. Часто исследование фокусировки становится вторичным, к нему подходят в рамках изучения актуального членения предложения, общей экспрессивности текста, просодического акцентирования. В лингвистических работах, касающихся вопросов фокусировки, либо приводятся общие, четкие, упрощенные определения, либо они отсутствуют как таковые вообще (Сушинский, 1987, с.110). Характерно также и большое количество терминов для обозначения данной категории: акцентирование (термин И.Сушинского), ударение (Nachdruck), подчеркивание, выделение, логическая экспрессивность или логическое подчеркивание (sachliche Expressivität – В.Шмидт, Г.Михель), эмфаза (ЛЭС), фокус (Т. ван Дейк), фокусировка (Х.Вайнрих). Однако большинство этих терминов так или иначе учитывают лишь некоторые аспекты этого сложного и полифункционального явления речи.

Для наиболее точного определения данного лингвистического феномена необходимо вскрыть причины его возникновения в тексте. В рамках тенденции, упрочившейся в лингвистике в последние десятилетия, характеризующей поворотом к изучению языка в его "живом" функционировании, т.е. речи, в контексте социально значимой деятельности, коммуникативного взаимодействия и воздействия, фокусировка предстает как психолингвистический феномен, порождаемый в первую очередь внетекстуальными факторами.

Согласно Р. де Бограну и В.Дресслеру, одним из критериев текстуальности является интенциональность. Создавая текст, автор реализует свои намерения: изменить знания, желания или оценки адресата или оказать на них влияние. Для этого текст должен быть соотносен с адресатом. Это значит, что в тексте всегда присутствуют элементы, способствующие правильному, адекватному пониманию его содержания; элементы, формирующие отношение реципиента к изложенному или даже манипулирующие его сознанием; элементы, привлекающие особое внимание. Совокупность этих элементов создает фокусировку как категорию текста, несущую коммуникативно-прагматическое значение. Здесь отметим, что фокусировка далеко не всегда выступает составляющей общей экспрессивности текста, как это отмечается многими авторами (В.Шмидт, Г.Михель), хотя экспрессивные языковые единицы часто используются создателями текстов для осознанного достижения прагматических целей.

Фокусировка, таким образом, встречается во всех функциональных стилях речи. Так, например, тексты научного стиля и стиля официального общения, традиционно лишённые экспрессии (Брандес, 1990, с.119, 136), также имеют в своём поле коммуникативно-функциональных заданий сему "активирование", что проявляется в стремлении управлять вниманием и пониманием адресата.

Проблему "броскости" языковых единиц в тексте освещает в своей грамматике Х.Вайрих. Для облегчения задач восприятия и понимания текста автор придает ему соответствующий информационный профиль, где делается различие между минимальной и максимальной степенью броскости – горизонтом и фокусом. Информация, находящаяся в фокусе, требует абсолютного внимания реципиента (Weinrich, 1993, с.25). Нам представляется возможным предложить следующую дефиницию понятия фокусировки: фокусировка – это выделение при помощи языковых средств (фонетических, морфологических, синтаксических, лексических, риторических и графических) тех или иных смысловых элементов речи, несущих особое коммуникативно-прагматическое значение, с целью привлечения к ним внимания реципиента, обеспечения адекватного понимания, оказания эффективного воздействия. Любая единица в тексте может быть поставлена в фокус или, наоборот, в позицию горизонта. Интересно изучение самой дихотомии "горизонт/фокус", ступеней нарастания фокуса в тексте. Необходимо также исследовать семантику фокусировки, ядром которой является "выделение", с дальнейшими семами "противопоставление", "отождествление", "корректировка", "уточнение", "определение", "подчеркивание". Контекстуально и в зависимости от интенций производителя текста могут возникать и другие периферийные значения фокусировки.

Следующей проблемой в изучении категории фокусировки является выявление и систематизация языковых единиц, сигнализирующих фокус в тексте. Представляется целесообразным проследить их функционирование исходя из данного выше определения, т.е. их принадлежности тому или иному языковому уровню. В данной статье мы ограничимся кратким описанием языковых средств фокусировки на уровне синтаксиса немецкого языка.

1) Уже сама по себе **тема-рематическая структура** сигнализирует, как правило, нарастание броскости от горизонта к фокусу, от известной (тематической) к новой (рематической) информации: *An einem Spätherbstnachmittage ging ein alter wohlgekleideter Mann langsam die Straße hinab. Er schien von einem Spaziergange nach Hause zurückzukehren...* (Th. Storm. Immensee).

2) Частотным синтаксическим средством фокусировки является **словопорядок в предложении**. В глагольной рамке наиболее важная информация помещается, как правило, на последнюю позицию рамочного наполнения, перед неизменяемой частью, концентрируя основное внимание адресата речи (Sowinski, 1999, с.26): *Ich muss eine kleine Reise machen* (I.Seidel. Sommertage).

3) При определенных речевых условиях, в зависимости от намерения производителя текста, некоторые члены предложения могут помещаться на **непривычное** для них место, создавая экспрессивные позиции (Reisel, Schendels, 1975, с.144). Предполье приобретает статус выразительной позиции, когда производитель текста помещает сюда дополнение или обстоятельство. Так достигается желаемое выделение той или иной мысли, понятия и т.п. (Sowinski, 1999, с.97), например: *Demütig und glücklich ging sie neben ihrem alten Freunde her...* (1.

Seidel. Sommertage). *Biographien mag ich und die Gedichte von Dorothy Parker* – обстоятельство и дополнение – в предполье.

4) Средством фокусировки являются и разнообразные **нарушения рамочных образований**. Специфичные для немецкого языка рамочные конструкции требуют от адресата текста большего внимания при восприятии (здесь очень важно избежать "обратного эффекта", особенно в устной речи, когда избыток напряжения, создаваемого рамкой, ведет к затруднению понимания). Наполнение рамки подчинено стилевому выбору отправления сообщения. Наиболее важная информация может выноситься за рамку: *Er kommt mir vor wie ein Kind. Er ist nicht zu sprechen vor Glück* (M. Frisch. Stiller). Часто неизменяемая часть составного сказуемого помещается со своей конечной горизонт-позиции в выразительную позицию предполья: *Schlafen ist die beste Erholung für mich*.

5) Для создания фокуса в тексте релевантным является также **объем предложений**. В коротких предложениях (малораспространенные, односоставные вербальные и номинативные, эллиптические) происходит компрессия информации, облегчается восприятие: *Einige Tips für Sie. Bitte nicht stören*.

6) Фокусообразующими выступают некоторые приемы **нарушения синтаксических структур**, такие как **пролепса**, **приложение**, и, в некоторых случаях, **парентеза**: *John, der war immer nett zu mir*.

7) Для фокусирования рематического члена высказывания используются некоторые синтаксические конструкции, в состав которых входит **горизонт-местоимение es** (термин Х. Вайнриха). Местоимение *es* выступает сигналом горизонта в тексте, при этом остальные языковые единицы высказывания оказываются в оппозиции и фокусируются. Существуют различные способы фокусировки с использованием горизонт-местоимения *es*: **корреляты es/dass** (*Es ist schon wichtig, dass die sozialen Infrastrukturen fehlen*); **es ist.../der**: *Es war eine unangenehme Geschichte, die ich schon fast vergessen habe*. Горизонт-местоимение *es* создаст также особые конструкции, **замещая место подлежащего** и предваряя тем самым его появления: *Es werden immer mehr Gedichte veröffentlicht*. Возникает оппозиция горизонт-фокус (*es – immer mehr Gedichte*), выделяя номинативное подлежащее, что было бы невозможно при помещении подлежащего в предполье: *Immer mehr Gedichte werden veröffentlicht*. Фокусируемое за счет горизонт-местоимения *es* подлежащее употребляется с неопределенным – **катафорическим** – артиклем, который в тексте традиционно является сигналом, привлекающим внимание, сигналом для ожидания последующей информации. В составе синтагмы *es gibt* местоимение *es* образует горизонт, при этом дополнение (существительное в винительном падеже с **катафорическим** артиклем) помещается в фокус: *Im römischen Germanien gab es in der Zeit vor Konstantin dem Großen schon Christen*.

8) Универсальным средством фокусировки являются **риторические вопросы**. В публицистическом стиле риторические вопросы могут появляться уже в заголовках, чем достигается мощный прагматический эффект: *Zerfällt die Gesellschaft?*

9) В синтаксисе диалога отметим так называемые **фокус-вопросы** – вопросы, которые с помощью специальных вопросительных морфем привлекают внимание слушателя на ту часть высказывания, где, по мнению говорящего, содержится пробел в информации (Weinrich. 1993, с.883-884). Это так называемые W-

вопросы, например: *Wann hat er sein erstes Kleid entworfen?* В зависимости от характера запрашиваемой информации Х.Вайнрих различает вербальные, ролевые и аппликативные фокус-вопросы. Момент напряжения, создаваемый вопросительными предложениями с вытекающей отсюда их стилистической значимостью, отмечает также Б.Совински (Weinrich, 1993, с.102).

Мы перечислили здесь некоторые языковые средства синтаксического слоя немецкого языка, создающие своим взаимодействием в потоке речи явление фокусировки. Для полного изучения этой категории текста исследованию подлежат все языковые уровни.

Литература:

Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1990.

Ван Дейк Т. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.

Сушинский И.И. Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации // Вопросы языкознания. 1987. №6.

Beaugrande, R.-A. de, Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1981.

Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1975.

Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau, 1975.

Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin, 1967.

Sowinski, B. Stilistik: Stiltheorien und Stilanalysen. Stuttgart: Metzler, 1999.

Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Dudenverlag: Mannheim, Leipzig etc., 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ерофеева Т.И.</i> Лингвистическое образование сегодня: реальность и перспективы	3
<i>Грузберг Л.А.</i> Антонимия не есть антонимия	7
<i>Удланова И.А.</i> Психолингвистическая рефлексия над антонимией "социальное – индивидуальное"	10
<i>Ерофеева Е.В.</i> К вопросу о природе подсистем языка	12
<i>Болквядзе Т.</i> Ретроспекция атрибутов грузинского языка: социолингвистический аспект	17
<i>Голованова А.В.</i> Проблема языковой картины мира в польской лингвистике	22
<i>Цун Япин.</i> Национально-культурная коннотативная лексика в русском и китайском языках	25
<i>Дьяконова И.В.</i> Междисциплинарный подход к рассмотрению понятия "стереотип"	29
<i>Ерофеева Е.В., Кудлаева А.Н.</i> Вариативность экспозиции спонтанного текста	33
<i>Овчинникова И.Г.</i> Зависимость ассоциирования от когнитивных характеристик ребенка	37
<i>Доценко Т.И., Лещенко Ю.Е.</i> Осмысление слова – начальный этап формирования лексического навыка на иностранном языке	40
<i>Выставной О.В., Чугаева Т.Н.</i> Особенности восприятия английского слова в условиях "двойной интерференции"	45
<i>Вертипрахова Т.А.</i> Субъективная частотность как характеристика слова у носителей и неносителей языка	50
<i>Береснева Н.И.</i> Периферийные реакции в детских ассоциативных полях	53
<i>Береснева Н.И., Сединина Н.Н.</i> Цветовые ассоциации у детей	56
<i>Гарганцева К.В.</i> Параметры "пол" и "возраст" в детской речи (по данным мотивологического исследования)	59
<i>Киливник С.М.</i> Специфика английского многословного высказывания у русских детей	63
<i>Чубарова А.В.</i> Английское слово в русской речи	66
<i>Урманова М.В.</i> Личность в экспериментальном изучении	70
<i>Батиокова И.В.</i> Зависимость некоторых характеристик речи от экстраверсии/интроверсии говорящего	72
<i>Балашова Е.А.</i> Обыденное толкование значения слова в лингвистическом эксперименте	76
<i>Тарнавская Ж.С.</i> Классификация способов образования профессиональной единицы	79
<i>Грибанов И.А., Пушкова Н.Н.</i> К вопросу об определении эмоционального состояния говорящего на основании анализа акустических параметров звуков речи	82
<i>Фомина Т.Г.</i> "Свой" и "чужие" в восприятии звуковой формы языка	84
<i>Салмина Л.М.</i> Социо- и психолингвистические предпосылки моделирования коммуникативной деятельности	89
<i>Крохалев И.В.</i> Лингвистический анализ текста: позиция фигуранта	92
<i>Поломских Е.Г.</i> Опыт анализа информационной структуры текста (на материале англоязычной журнальной и газетной рекламы)	94
<i>Никудина К.Н.</i> Фокусировка как коммуникативно-прагматическая категория текста (на материале немецкого языка)	99

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРОБЛЕМЫ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ
Выпуск 1

Материалы издаются в авторской редакции

ИБ №411

Подписано в печать 11.02.02

Формат 60×84/16. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 6,5.

Тираж 205 экз.

Лицензия ЛР №020409

Редакционно-издательский отдел
Пермского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем Богатыревым П.Г.
Свидетельство ВГ № 16396 от 06. 08. 98.,
выданное адм. Свердловского района г. Перми.

Принимаем заказы на издание книг и брошюр.
Тиражируем печатную продукцию.
Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, офис 122.
Тел. 33-38-73, 98-31-74.